

ЛЕНИНГРАДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
имени А. С. ПУШКИНА

ВЕСТНИК

**Ленинградского государственного университета
имени А. С. Пушкина**

Научный журнал

№ 3

Том 4. История

Санкт-Петербург
2014

**Вестник
Ленинградского государственного университета
имени А.С. Пушкина**

Научный журнал

№ 3 (Том 4) 2014
История
Основан в 2006 году

Учредитель Ленинградский государственный университет имени А.С. Пушкина

Редакционная коллегия:

В. Н. Скворцов, доктор экономических наук, профессор (главный редактор);
Л. М. Кобрина, доктор педагогических наук, профессор (зам. гл. редактора);
Н. В. Поздеева, кандидат географических наук, доцент (отв. секретарь);
Т. В. Мальцева, доктор филологических наук, профессор;
Е. С. Нарышкина, кандидат психологических наук, доцент

Редакционный совет:

В. А. Веремченко, доктор исторических наук, доцент (отв. ред.);
Л. Ю. Гусман, доктор исторических наук, доцент;
А. Дудек, доктор исторических наук, профессор (Польша);
К. Еконен, доктор философии, доцент (Финляндия);
Н. Д. Козлов, доктор исторических наук, профессор;
С. И. Ковальская, доктор исторических наук, профессор (Республика Казахстан);
В. О. Левашко, кандидат исторических наук, доцент;
С. В. Любичанковский, доктор исторических наук, профессор;
К. Мацузато, доктор юридических наук, профессор (Япония);
С. М. Назария, доктор политических наук, доцент (Республика Молдова);
Г. Л. Соболев, доктор исторических наук, профессор;
Н. Л. Пушкарева, доктор исторических наук, профессор;
М. И. Фролов, доктор исторических наук, профессор;
Л. Цзюань, доктор филологических наук, профессор (КНР)

**Журнал входит в Перечень российских рецензируемых научных журналов,
в которых должны быть опубликованы основные научные результаты
диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук,
определенный Высшей аттестационной комиссией
Министерства образования и науки Российской Федерации**

Свидетельство о регистрации: **ПИ № ФС77-39790**

Подписной индекс Роспечати: **36224**

Адрес редакции:

196605, Россия, Санкт-Петербург,
г. Пушкин, Петербургское шоссе, д. 10
тел. / факс: (812) 476-90-36
[http: // www.lengu.ru](http://www.lengu.ru)

© Ленинградский государственный
университет (ЛГУ)
им. А. С. Пушкина, 2014
© Авторы, 2014

Содержание

ИСТОРИЯ ОБРАЗОВАНИЯ

Е.А. Деревнина

Организация материальной помощи нуждающимся
ученицам Коломенской женской гимназии
Ведомства учреждений императрицы Марии (1858–1917 гг.) 9

Н.В. Лидер, В.О. Дубинин, Д.В. Чермошенцев

Военно-патриотическое воспитание в военно-учебных
заведениях Западной Сибири (1865–1941 гг.)..... 20

Е.В. Никуленкова

Оценка текущей работы слушателей
Института красной профессуры в 1920-е гг. 29

ИСТОРИЯ НАУКИ И ТЕХНИКИ

У.К. Мусаева

Музейное строительство в Крымской АССР
в 1920–1940 гг.: формы и методы руководства
и организации музейной работы в Крыму 36

Г.Л. Звонкова

Материаловедческий комплекс Украины:
страницы истории Института электросварки
им. Е.О. Патона Академии наук Украинской ССР
(1960–1980-е гг.) 45

ЛИЧНОСТЬ В ИСТОРИИ

М.Б. Свердлов

Екатерина II как историк..... 53

Е.В. Годовова

Личность наказного атамана как субъект повседневности
(на примере жизнеописания наказного атамана
Оренбургского казачьего войска И.В. Падурова) 66

М.А. Салищев

Николай Николаевич Суцов – один из выдающихся
предпринимателей-дворян пореформенной России 74

ЭТНОЛОГИЯ

Э.Л. Гасанов

Традиционные этно-антропологические
и исторические особенности основных ремесленных
отраслей Гянджи XIX – начала XX в. 86

<i>Ж.С. Мажитова</i> Место и роль биев в системе ханской власти в оценках российских исследователей (XVIII – первая половина XIX в.).....	91
--	----

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ

<i>С.А. Алексеев</i> Служилая вотчина в Белозерском уезде в первой четверти XVII в.	101
<i>Т.А. Чальцева</i> Особенности организации взимания косвенных налогов в России в середине 50-х гг. XIX в. (по материалам «Устава об акцизе с свеклосахарного производства 1848 г.»)	109
<i>С.Е. Воробюхин</i> Специфика Гербового устава 1886 г.	119
<i>Р.Р. Хисамутдинова, Е.В. Алантьева</i> Отмена карточной системы и переход к свободной торговле на Южном Урале после окончания Великой Отечественной войны.....	127

ПРОБЛЕМЫ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ

<i>Б.Б. Гогуев</i> Трансильвания в политическом пространстве Венгрии: исторический аспект	136
<i>Е.С. Полунин</i> Участие представителей правопорядка, революционных и военных формирований в выселении этнических немцев из Восточной Европы после Второй мировой войны	144

ВОЕННАЯ ИСТОРИЯ

<i>А.В. Похилюк, В.Н. Скворцов</i> Помощь фронту и Ленинграду населением северо-восточных районов Ленинградской области в первый период Великой Отечественной войны	153
<i>Л.Л. Газиева</i> Горисполком и руководство организацией спасения детей в Ленинграде в 1941–1943 гг.: противоречия и проблемы	160
<i>А.Ш. Кабирова</i> Влияние правовых и социально-экономических факторов на трудовое поведение рабочих в промышленности Татарской АССР в годы Великой Отечественной войны (1941–1945)	169

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ РОССИИ

А.А. Ефимов

История формирования участка будущего ансамбля
площади Островского, улицы зодчего Росси
и площади Ломоносова в Санкт-Петербурге 181

С.Н. Коробкова

Журнал «Научное обозрение» и идейные поиски
русской интеллигенции конца XIX – начала XX в. 189

А.А. Голик

Государственная политика Российского государства
и экономическое положение дальневосточного казачества
во второй половине XIX – начале XX в. 197

Е.С. Кравцова

Вопросы реформирования института податной инспекции
в России в феврале–октябре 1917 г. 210

М.В. Кротова

Ситуация на КВЖД после советско-китайского конфликта 1929 г. 220

ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ

Г.А. Калдузова, И.А. Тропов

Историческая наука на страницах сетевого издания
«Вестник Оренбургского государственного педагогического
университета. Электронный научный журнал» 228

В.А. Верременко

Lyubichankovskiy Sergey, “Formation and Development
of Informal Associations of the Ural’s Provincial Officials at the End
of the 19th Century and the Beginning of the 20th Century”,
New York, The Edwin Mellen Press, 2014. ISBN 978-0-7734-4282-5 . 238

Kimitaka Matsuzato

Lyubichankovskiy Sergey, «Formation and Development of Informal
Associations of the Ural’s Provincial Officials at the End of the
19th Century and the Beginning of the 20th Century». New York,
The Edwin Mellen Press, 2014. ISBN 978-0-7734-4282-5 244

Сведения об авторах..... 246

Contents

HISTORY OF EDUCATION

E.A. Derevnina

Organization of material assistance to needy students
of Kolomenskaya womens' gymnasium of the Department
of institutions of Empress Maria (1858–1917)..... 9

N.V. Lider, V.O. Dubinin, D.V. Chermoshentsev

Military-patriotic education in military educational institutions
of Western Siberia (1865–1941) 20

E.V. Nikulenkova

Assessment of the current work of the students
of the Institute of Red Professors in the 1920s 29

HISTORY OF SCIENCE AND TECHNOLOGY

U.K. Musaeva

Development of museum building in the Crimean Autonomous
Soviet Socialist Republic in the 1920–1940.: Forms and methods
of management and organization of museum work in the Crimea 36

G.L. Zvonkova

Material Science Complex of Ukraine: the pages of history
of the Institute of Electric Welding named after E.O.
Paton of Academy of Sciences of the Ukrainian
Soviet Socialistic Republic (1960–1980s.) 45

PERSONALITY IN HISTORY

M.B. Sverdlov

Catherine II as a historian..... 53

E.V. Godovova

Ataman as a subject of everyday life (for example, biogra-
phy of I.V. Padurov, Ataman of Orenburg Cossack Army) 66

M.A. Salishchev

Nikolai Nikolayevich Sushchov – one of the outstanding
noble businessmen of post-reform Russia 74

ETHNOLOGY

E.L. Hasanov

Traditional ethno-anthropological and historical features of the
main handicraft branches of Ganja in XIX – early XX centuries 86

Z.S. Mazhitova

The place and role of biys in the system
of the Khan's power in the official estimates
of Russian authors (XVIII – first half XIX centuries) 91

ECONOMIC HISTORY

S.A. Alekseev

Patrimonies of served people of Belozersk district
in the first quarter of the XVII century..... 101

T.A. Chaltzeva

Features of the collection of indirect taxes in Russia
in the mid 50s of XIX century (based on «The Statute
on excise duty from sugar production in 1848») 109

S.E. Vorodyukhin

Specificity of the Stamp statute of 1886 119

R.R. Khisamutdinova, E.V. Alanteva

Cancel of card system and the transition to free trade
in the southern Urals after the Great Patriotic war 127

PROMLEMS OF WORLD HISTORY

B.B. Goguev

Transylvania in political space of Hungary: historical aspect..... 136

E.S. Polunin

Participation of representatives of law enforcement, revolutionary
and military forces in the eviction of ethnic Germans from Eastern
Europe after World War II..... 144

MILITARY HISTORY

A.V. Pohilyuk, V.N. Skvortzov

Assistance of population of northeast districts
of Leningrad region to the front and Leningrad
in the first period of the Great Patriotic war 153

L.L. Gazieva

Executive committee and the management
of the organization of children rescue in Leningrad in 1941–1943:
contradictions and problems..... 160

A.Sh. Kabirova

Impact of legal and socio-economic factors
on labor behavior of workers in industry
of the Tatar ASSR during the Great Patriotic War (1941–1945)..... 169

RUSSIAN HISTORY PAGES

A.A. Yefimov

The formation process of future architectural ensemble
of Ostrovskogo square, Zodchego Rossi street
and Lomonosov square in Saint-Petersburg 181

S.N. Korobkova

Magazine "Scientific review" and ideological findings
of Russian intelligentsia of the late XIX – early XX centuries 189

<i>A.A. Golik</i>	
Public policy of the Russian state and the economic situation of the Far Eastern Cossacks in the second half of XIX – early XX centuries.....	197
<i>E.S. Kravtsova</i>	
Questions of reform of the Tax inspection institute in Russia in February – October 1917.....	210
<i>M.V. Krotova</i>	
Situation on the Chinese Eastern Railway (CER) after Sino-Soviet Conflict in 1929	220
SUMMARY AND REVIEW	
<i>G.A. Kalduzova, I.A. Tropov</i>	
Historical science on pages of the web-magazine "Vestnik of Orenburg state pedagogical university. Science e-journal"	228
<i>V.A. Veremenko</i>	228
Lyubichankovskiy Sergey, "Formation and Development of Informal Associations of the Ural's Provincial Officials at the End of the 19th Century and the Beginning of the 20th Century", New York, The Edwin Mellen Press, 2014. ISBN 978-0-7734-4282-5	238
<i>Kimitaka Matsuzato</i>	
Lyubichankovskiy Sergey, "Formation and Development of Informal Associations of the Ural's Provincial Officials at the End of the 19th Century and the Beginning of the 20th Century", New York, The Edwin Mellen Press, 2014. ISBN 978-0-7734-4282-5	244
About authors	246

ИСТОРИЯ ОБРАЗОВАНИЯ

УДК 94(470.23-25).081/.083:373.5-055.2:364.672

Е.А. Деревнина

Организация материальной помощи нуждающимся ученицам Коломенской женской гимназии Ведомства учреждений императрицы Марии (1858–1917 гг.)

В середине XIX в. в России появился новый тип учебных заведений – женские гимназии Ведомства учреждений императрицы Марии, обучение в которых было платным. Однако далеко не все ученицы могли полностью оплачивать свое обучение. В данной статье на примере Коломенской женской гимназии анализируются различные способы, которыми Мариинское ведомство оказывало материальную помощь нуждающимся ученицам.

In the middle of the XIX century a new type of educational institution – womens' gymnasiums of the Department of institutions of Empress Maria, where tuition was paid, appeared in Russia. However far from all female students could completely pay for their education. In this article on an example of Kolomenskaya womens' gymnasium various ways are analyzed in which Mariinsky department provided material assistance to needy female students.

Ключевые слова: Коломенская женская гимназия, Ведомство учреждений императрицы Марии, плата за обучение, материальная помощь, Общество вспомоществования нуждающимся ученицам, стипендии, именные капиталы.

Key words: Kolomenskaya women's gymnasium, Department of institutions of Empress Maria, tuition payment, material assistance, Society of welfare to needy female students, scholarships, nominal capitals.

В конце 1850 – начале 1860-х гг. в России в результате реформирования системы женского образования появился новый тип учебных заведений – женские гимназии Ведомства учреждений императрицы Марии. 19 апреля 1858 г. в столице было открыто первое всесословное женское училище для приходящих девиц – Мариинское (с 1862 г. – Мариинская женская гимназия) [10. Оп. 1. Д. 1379. Л. 242]. Новое училище оказалось востребованным, и встал вопрос об открытии в столице дополнительных подобных учебных заведений. В середине сентября 1858 г. в газете «Северная пчела» появилась заметка о том, что в Коломенской части города планируется открыть училище для приходящих девиц. Родители, желающие обучать своих детей в этом училище, могли обращаться к начальнику

гимназий¹ Николаю Алексеевичу Вышнеградскому², который вел специальный прием в течение трех дней [8]. Желающих оказалось достаточно: на момент открытия училища в нем было 90 учениц, и их численность постоянно увеличивалась. 8 октября 1858 г. состоялось торжественное открытие Коломенского женского училища для приходящих девиц (с 1862 г. – Коломенская женская гимназия) [14, с. 1].

Обучение в женских гимназиях Ведомства было платным на протяжении всего периода их существования. На момент открытия Коломенской гимназии плата за обучение составляла 25 р. в год [15, с. 8], в 1868 г. она уже равнялась 50 р. в год [12. Оп. 1. Д. 119. Л. 1], т. е. за первые десять лет функционирования гимназии данная сумма увеличилась в два раза. В соответствии с «Правилами для поступления в число учениц С.-Петербургских и Царскосельской женских гимназий», которые дополняли «Устав училищ для приходящих девиц Ведомства учреждений императрицы Марии», плата за обучение все время возрастала и к 1905 г. составляла уже 100 р. в год [9, с. 2]. В 1912 г. размер платы за обучение вновь был увеличен до 110 р. в год в младших классах и 120 р. в год в старших классах [12. Оп. 2. Д. 1649. Л. 1]. Следует отметить, что Ведомство учреждений императрицы Марии практически самостоятельно содержало все женские гимназии, имеющихся средств не хватало, поэтому гимназии были вынуждены увеличивать плату за обучение. Однако далеко не все ученицы могли полностью оплачивать свое обучение.

На примере Коломенской женской гимназии рассмотрим различные способы, которыми Мариинское ведомство оказывало материальную помощь нуждающимся ученицам: деятельность Общества вспомоществования, учреждение различных стипендий, освобождение от платы за обучение.

Общество вспомоществования нуждающимся ученицам Коломенской женской гимназии было создано в 1879 г. по инициативе бывшей главной надзирательницы гимназии Варвары Александровны Нейдгардт. Устав, принятый 28 февраля 1879 г., провозглашал основной целью Общества «попечение о нуждающихся ученицах Коломенской женской гимназии» [12. Оп. 2. Д. 1408. Л. 4]. Эта по-

---

¹ Начальник женских гимназий – лицо, которому принадлежала «распорядительная власть по всем делам гимназий». Именно он занимался поиском наставников, распределением занятий между наставниками, наблюдал за правильностью и целесообразностью их преподавания.

² Вышнеградский Николай Алексеевич (1821–1872 гг.) – педагог, основатель Всесловных женских училищ для приходящих девиц. Образование получил в Главном педагогическом институте. Преподаватель русской словесности в Ларинской гимназии, педагогики в Главном педагогическом институте, инспектор Павловского института.

мощь выражалась в плате за обучение, выдаче книг и учебных пособий, денежных пособий на одежду, обувь и другие предметы первой необходимости. При назначении стипендии во внимание принималось не только трудное материальное положение учениц, но и прилежание и хорошее поведение [12. Оп. 2. Д. 1408. Л. 4].

Для получения пособия ученице надо было подать заявление [12. Оп. 2. Д. 1408. Л. 5]. Средства формировались из ежегодных обязательных взносов членов в размере 3 р., единовременных взносов почетных членов (почетным членом считался благотворитель, который внес единовременно не менее 60 р., или вносил по 5 р. ежемесячно в течение года), добровольных пожертвований, доходов от устраиваемых лекций, спектаклей, музыкальных и танцевальных вечеров [12. Оп. 2. Д. 1408. Л. 4 об.]. Правление Общества состояло из четырех непременных и четырех выборных членов. В число непременных членов входили инспектор классов, главная надзирательница, один из преподавателей и одна из преподавательниц (или классных надзирательниц). Выборные члены избирались общим собранием из числа членов Общества [12. Оп. 2. Д. 1408. Л. 5]. Таким образом, руководство гимназии принимало непосредственное участие в деятельности Общества.

В разные годы членами Общества были инспекторы гимназии Ц.Е. Пор и П.И. Вейнберг, главные надзирательницы М.Н. Беккер и В.А. Нейдгардт, преподаватели А.И. Хойнацкий, В.П. Острогорский, выпускница Коломенской гимназии Е.М. Гедда. На момент создания оно состояло из 90 чел., но уже к концу 1880 г. его численность возросла до 261 чел. [2, с. 2]. Соответственно увеличивались доходы Общества, что давало возможность постоянно помогать нуждающимся ученицам. В первую очередь это выражалось во внесении платы за обучение. Так, в 1880/1881 уч. г. была внесена полная годовая плата за 12 учениц и полугодовая – за 15. Одежда, обувь, книги и учебные пособия частично выдавались на руки, частично оплачивались деньгами; подобную помощь получили 10 учениц [2, с. 2].

Помогало Общество и выпускницам, желающим продолжить образование в высших учебных заведениях, но не имевшим для этого достаточно денежных средств. Например, выпускницы 1880 г. получили в общей сложности 120 р. [2, с. 3]. Отметим, что Общество ставило перед собой более масштабные задачи, чем просто оказание денежной помощи. Так, в начале 1880-х гг. вновь по инициативе В.А. Нейдгардт в гимназии появились вечерние занятия для учениц, которые по причине неблагоприятной домашней обстановки были лишены возможности готовить уроки дома. В гимназии же домашние задания выполнялись под присмотром и руководством преподавательниц и классных дам. Также в качестве преподавательниц на ве-

черные занятия приглашались и выпускницы гимназии, продолжившие обучение в высших учебных заведениях, но нуждающиеся в материальной поддержке, в месяц они получали по 10 р. [2, с. 3].

Руководство гимназии организовывало бесплатные литературные чтения. На них приглашались известные писатели того времени: И.А. Гончаров, Ф.М. Достоевский, И.С. Тургенев, Д.В. Григорович [2, с. 4]. Допускавшаяся на чтения в незначительных количествах посторонняя публика часто вносила добровольные пожертвования, которые также шли на помощь ученицам.

К концу 1880 г. Общество располагало 1 тыс. 196 р. [2, с. 4], в дальнейшем сумма увеличивалась, и уже через пять лет составила 4 тыс. 739 р. По-прежнему основными статьями расходов оставались плата за обучение бедных учениц, выдача единовременных пособий и плата бывшим ученицам гимназии за вечерние занятия с ученицами, которые готовили уроки в гимназии. Постепенно расширялся круг жертвователей, это были общество Франко-русских заводов, общество Российско-американской резиновой мануфактуры, общества Екатеринбургской бумагопрядильной мануфактуры и Калининского пиво-медоваренного завода [3, с. 2–3].

Одним из способов получения дополнительных средств было проведение музыкальных вечеров. Среди документов, отражающих деятельность Общества, сохранилась программа музыкального вечера в зале Благородного собрания¹ в пользу Общества вспомоществования Коломенской женской гимназии, состоявшегося 7 февраля 1888 г. На нем прозвучали ария Гремина из оперы «Евгений Онегин», ария из оперы «Руслан и Людмила», вальс из оперы «Ромео и Джульетта», серенада из оперы «Дон Жуан». Вечер, начавшийся в 19 ч. 30 мин, вечер продолжился танцами до 2 ч. 30 мин ночи [12. Оп. 2. Д. 1408. Л. 38].

К 1890 г. Общество состояло из 216 членов, из которых 22 были почетными [12. Оп. 2. Д. 1408. Л. 49]. В частности, в число почетных членов был принят преподаватель русской словесности в Коломен-

---

¹ Благородное собрание – общественное клубное учреждение, которое ведет историю от Купеческого собрания, созданного в 1782 г. группой лиц (в основном немецких купцов), вышедших из состава Бюргер-клуба (Мещанского собрания). Членом собрания мог быть любой представитель общества, кроме военных чинов выше полковника. Туда приходили провести время: игра в карты, бильярд, танцы, обеды или ужины. Собрание достаточно часто меняло свое местонахождение. С 1914 г. размещалось в собственном здании на Итальянской ул., д. 27 (построено в 1912–1914 гг., архитекторы – братья Вас.А., Вл.А., Г.А. Косяковы). Распущено в 1917 г. В настоящее время данное помещение занимает Дом радио.

ской гимназии Виктор Петрович Острогорский¹. По случаю двадцатипятилетнего юбилея его педагогической деятельности 22 октября 1889 г. в зале Благородного собрания был устроен благотворительный музыкально-литературный вечер со спектаклем и танцами. Весь сбор с данного вечера (360 р.) был пожертвован в пользу Коломенской женской гимназии [12. Оп. 2. Д. 1408. Л. 48–48 об.].

К 1894 г. проведение литературно-музыкальных вечеров, доходы с которых составляли наибольшую часть общих годовых доходов Общества, стало несколько затруднительным; размер сборов с вечеров уменьшался. Необходимость же в пособиях нуждающимся ученицам не исчезла, а даже увеличивалась из-за роста платы за обучение. Тогда правлением было принято решение об издании литературного сборника в пользу Общества. Свои произведения для сборника предложили многие известные авторы, в их числе К.Р. (великий князь Константин Константинович Романов), писатели Д.Н. Мамин-Сибиряк и В.И. Немирович-Данченко, педагог и популяризатор естествознания Д.Н. Кайгородов, профессор русской словесности В.П. Острогорский и некоторые бывшие ученицы Коломенской женской гимназии, например О.М. Петерсон. Сборник под названием «В добрый час» вышел в свет 1 октября 1895 г. Однако его издание не оправдало надежд Общества: от продажи сборника было получено всего 210 р. [4, с. 6–7], и в 1899 г. правление Общества обратилось к членам с просьбой о содействии в полной распродаже оставшихся экземпляров.

В середине 1890-х гг. Общество продолжало оказывать помощь не только ученицам Коломенской женской гимназии, но и выпускницам, продолжавшим обучение в высших учебных заведениях, например слушательницам педагогических курсов петербургских женских гимназий. Общество вспомоществования курсов в первый учебный год пособие слушательницам не выдавало, несмотря на то что в материальной помощи девушки нуждались. В связи с этим Обществом вспомоществования гимназии было принято решение выплатить им единовременное пособие в размере 25 р. каждой. Подобным образом Общество поддерживало ежегодно 1–2 выпускницы гимназии.

---

¹ Острогорский Виктор Петрович (1840–1902 гг.) – педагог и литератор. Окончил Третью петербургскую гимназию и историко-филологический факультет Петербургского университета. Принимал участие в устройстве первой воскресной школы в Санкт-Петербурге. Преподаватель словесности в столичных гимназиях и на женских педагогических курсах. Разработал систему литературного образования от начального до выпускного класса школы, выступал против схоластики и увлечения древностью, за знакомство учащихся с новейшей и современной русской и зарубежной литературой.

Также было принято решение оказывать более интенсивную помощь ученицам гимназии. Например, многие девушки нуждались и в улучшении питания. С 1894 г. по инициативе бывшего инспектора гимназии П.И. Ветвеницкого в гимназии появились бесплатные горячие завтраки для нуждающихся учениц. Это начинание оказалось достаточно востребованным: каждый год от 8 до 12 девочек пользовались завтраками. На завтраки Обществом тратилось от 125 до 350 р. в год, причем значительная часть суммы жертвовалась классными надзирательницами [1, с. 9].

В октябре 1895 г. по инициативе некоторых членов Общества был создан кружок бывших учениц гимназии. Целью кружка были бесплатные занятия с неуспевающими ученицами и устройство литературных вечеров с добровольным сбором в пользу Общества. Это начинание было успешным: за 8,5 лет своего существования в пользу Общества было собрано свыше 2 тыс. 200 р., а многим малообеспеченным ученицам гимназии оказана материальная помощь [1, с. 10].

С 1898 г. Обществом для увеличения средств были возобновлены литературно-музыкальные вечера с танцами. Так, например, 21 ноября 1898 г. в зале Петровского коммерческого училища был организован один из таких вечеров. Все сборы от него пошли в пользу Общества, подобный опыт был использован и в марте 1899 г. [5, с. 8]. В марте 1900 г. в пользу Общества был устроен спектакль труппой театра Невского общества устройства народных развлечений¹, а в декабре 1904 г. проведено музыкально-литературное утро в зале Коломенской гимназии [7, с. 3].

Также необходимо отметить, что с целью материальной помощи нуждавшимся ученицам при Обществе вспомоществования появились именные капиталы. Так, в октябре 1885 г. классная дама пансиона графини Левашовой в Киеве Мария Николаевна Ламанская, «желая принести посильную помощь бедствующему юношеству, обратилась с покорнейшей просьбой в Правление Общества вспомоществования нуждающимся ученицам Коломенской женской гимназии принять от нее трудом приобретенный капитал для образования из процента оного стипендии» [6, с. 37]. В 1886 г. ею было пожертвовано состояние в размере 1 тыс. 500 р. Эта сумма посту-

---

¹ Невское общество устройства народных развлечений – общественная организация, учрежденная в 1891 г. группой заводчиков Невской заставы. Обществу предшествовал кружок интеллигенции под председательством заводчика В.П. Варгунина, члены которого с 1885 г. устраивали народные гуляния для рабочих окрестных предприятий. В 1891 г. открыт театр на 300 мест, в котором гастролировали провинциальные труппы, давали концерты студенты Консерватории, проводились танцевальные вечера. Общество открывало также библиотеки-читальни. Ликвидировано в 1918 г.

пала в неприкосновенный капитал Общества, а проценты с него образовывали стипендию, предоставляемую дочерям или родственникам учителей или людей, посвятивших себя педагогической деятельности. К 1900 г. стипендией воспользовались пять учениц гимназии.

В марте 1898 г. был основан капитал имени П.И. Ветвеницкого в размере 1 тыс. 100 р., проценты с которого ежегодно выдавались одной или несколькими беднейшим выпускницам гимназии в виде единовременного пособия. В мае 1898 г. почетный член Общества барон К.Ф. Таубе пожертвовал 1 тыс. р. для образования капитала имени покойного члена Общества А.И. Баландина. Проценты с него должны были быть «употреблены на уплату хотя бы части за учение недостаточной, но достойной по своему поведению и успехам девочки православного вероисповедания» [1, с. 10–11].

Другим видом помощи бедным ученицам было учреждение различных стипендий. В 1862 г. Петербургская городская дума выделила средства в виде стипендий на обучение малообеспеченных девушек. При этом отмечалось, что успеваемость учениц не должна быть единственным условием их включения в число претендентов на стипендию. Условия для будущих стипендиаток были следующими: во-первых, бедность, в особенности сиротство, во-вторых, отличные успехи в науках. При этом ученицам старших классов отдавалось предпочтение перед младшими, две родные сестры принимались в число стипендиаток только в виде исключения, список пересматривался в конце каждого учебного года. Выплата денег производилась Городской думой в конце каждого года.

В 1862 г., в Коломенской женской гимназии было учреждено пять стипендий по 40 р. в год [12. Оп. 2. Д. 1370. Л. 8–9 об.]. Однако претенденток было значительно больше, и в связи с этим начальник гимназии принял решение о том, что будет содержать за свой счет двух пансионеров по своему личному усмотрению [12. Оп. 2. Д. 1370. Л. 3–5 об.]. С увеличением платы за обучение увеличивался и размер стипендии. Так, в 1882 г. городские власти выделяли уже по 75 р. в год на ученицу. Постепенно увеличивалось и число стипендиаток: в том же 1882 г. их было уже девять. Деньги выделялись два раза в год. В 1890-е гг. количество стипендиаток достигло 15 человек. К 1905 г. Дума уже выделяла по 50 р. раз в полгода [13. Оп. 1. Д. 228. Л. 2]. За период с 1906 по 1917 гг. встречается только одно упоминание о стипендии Городской думы в Коломенской женской гимназии: в сентябре–ноябре 1910 г. ее получили пять учениц III–V классов: Надежда Борисова, Надежда Павлович, Валентина Степанова, Евгения Тимофеева и Наталья Клицинкова [13. Оп. 1. Д. 290. Л. 5, 15].

Это объясняется тем, что в 1893 г. в составе Городской думы была образована Городская исполнительная комиссия по благоотво-

рительности. В период с 1905 по 1917 гг. она ежегодно выделяла значительные суммы, которые шли на оплату обучения нуждавшихся учениц в женских гимназиях. В Коломенской женской гимназии городскими стипендиатками каждое полугодие были от 4 до 15 учениц. И если в 1906–1913 гг. размер стипендии составлял 50 р. в полугодие [13. Оп. 1. Д. 249. Л. 5; Д. 327. Л. 1], то в 1914–1916 гг. увеличился до 55–60 р. в полугодие [13. Оп. 1. Д. 339. Л. 4; Д. 363. Л. 3, 7, 13]. Следует отметить, что достаточно часто на протяжении нескольких лет стипендиатками были одни и те же ученицы. Так, в 1905–1908 гг. это были Валентина Моисеева, Олимпиада Юдина, Вера Пестковская; в 1910–1913 гг. – Анна Сперанская, Елизавета Кинд.

Однако стипендии выделялись не только Городской думой. 20 ноября 1868 г. из капитала, пожертвованного еще в 1862 г. вдовой генерал-фельдмаршала княгиней Софьей Григорьевной Волконской в память своей дочери Александры Петровны Дурново, была утверждена одноименная стипендия. Согласно «Правилам назначения стипендии княгини Волконской» учреждалось 25 стипендий по 25 р. каждая в пользу беднейших учениц «в особенности круглых сирот, которые проучились не менее года и учились достойно» [12. Оп. 5. Д. 1. Л. 6]. Предпочтение отдавалось ученицам высших классов. Стипендия не выдавалась ученицам, а поступала напрямую в кассу гимназии. Девушки должны были подавать прошения начальнику женских гимназий, который передавал их в сами гимназии на рассмотрение педагогических конференций. Конференции избирали достойных, на их взгляд, учениц, затем списки утверждались Главноуправляющим IV Отделением. Первые сведения о стипендиатках княгини Волконской в Коломенской женской гимназии относятся к 1891 г., ими стали две ученицы. В дальнейшем их число, как правило, не превышало трех девиц, за исключением отдельных годов (1905, 1916 гг.), когда их численность достигала пять учениц.

С 1890-х гг. ежегодно по 55 р. на содержание гимназисток стала выделять Купеческая управа, и, если в 1890 г. стипендиаток было три, то уже через пять лет, к 1895 г., их число увеличилось вдвое [12. Оп. 5. Д. 1. Л. 5; Д. 142. Л. 3]. Однако уже в начале XX в. число стипендиаток Купеческой управы в Коломенской женской гимназии сократилось до двух учениц. В 1906 г. ими являлись Евгения Микоева и Елена Дьячкова, в 1912 г., 1915–1916 гг. – Мария Щипалова и Елена Шувалова. При этом размер стипендии указан только на второе полугодие 1916 г. – по 60 р. на ученицу [12. Оп. 2. Д. 1699. Л. 14; 13. Оп. 1. Д. 249. Л. 9, Д. 327. Л. 3, Д. 363. Л. 28].

31 октября 1890 г. в Коломенской женской гимназии было утверждено «Положение о стипендии имени вдовы коллежского секретаря Августины Ивановны Соколовой». Стипендия

обеспечивалась завещанным вдовою капиталом. Стипендиатки должны были избираться педагогической конференцией и через начальника гимназии утверждаться попечителем С.-Петербургских и Царскосельской женских гимназий [13. Оп. 1. Д. 93. Л. 37–37 об.]. В период с 1896 по 1905 гг. в Коломенской женской гимназии было десять стипендиаток: каждый учебный год утверждалось по одной ученице. С 1906 по 1917 гг. сохранились сведения только о трех стипендиатках – в 1906 г. согласно ходатайству педагогического совета гимназии стипендия была предоставлена ученице III класса Лидии Николаевой [13. Оп. 1. Д. 249. Л. 17], в 1909 г. – Елене Гинсбург, ученице III класса [13. Оп. 1. Д. 275. Л. 5 об.], в 1915 г. – дочери полковника Ксении Соколовой, ученице также III класса [13. Оп. 1. Д. 354. Л. 2].

8 августа 1866 г. императрицей Марией Александровной была учреждена стипендия в память события 4 апреля 1866 г. (покушение Д.В. Каракозова на императора Александра II), которая предоставлялась ученицам по жребию с предварительного одобрения гимназических конференций. Плата за содержание пансионеров перечислялась из процентов с неприкосновенного капитала в размере 1 тыс. 526 р. В Коломенской женской гимназии стипендия появилась с 1 января 1897 г. и предназначалась для учениц старших классов. Так, в марте того же 1897 г. была удовлетворена просьба о назначении стипендии ученице II класса Софье Эггли [12. Оп. 2. Д. 1507. Л. 3, 5]; в октябре 1906 г. стипендия была назначена ученице V класса Марии Казаковой в размере 100 р. в год [13. Оп. 1. Д. 249. Л. 12].

В феврале 1899 г. Петербургская городская дума учредила стипендию имени А.С. Пушкина Петербургского городского общественного управления Комиссии по народному образованию. Размер стипендии составлял 45 р. в полугодие. К 1900 г. от Коломенской женской гимназии была всего одна стипендиатка, ученица II класса Елизавета Воеводина [13. Оп. 1. Д. 194. Л. 6]. В последующие годы размер стипендии повысился до 50 р. в полугодие. Однако заметного увеличения числа стипендиаток от Коломенской женской гимназии не наблюдалось [13. Оп. 1. Д. 249. Л. 7; Д. 258. Л. 4; Д. 302. Л. 10].

Комиссия по народному образованию Петербургского городского общественного управления выделяла средства еще на ряд стипендий. Так, в Коломенской женской гимназии существовали городские стипендии имени Петра Исаевича Вейнберга, поэта, инспектора данной гимназии в 1879–1883 гг., и Николая Васильевича Гоголя. В 1909–1913 гг. стипендия имени П.И.Вейнберга назначалась всего одной ученице гимназии – Зинаиде Овцыной в размере 100 р. в год [13. Оп. 1. Д. 249. Л. 2; Д. 302. Л. 7; Д. 314. Л. 1, 13; Д. 327. Л. 2]. Учащихся, получавших стипендию имени Н.В. Гоголя,

было больше: от двух учениц в 1910 г. до семи в 1916 г. Размер стипендии варьировался от 50 р. в полугодие в 1910 г. до 60 р. в полугодие в 1916 г. [13. Оп. 1. Д. 290. Л. 9; Д. 363. Л. 2, 25].

Плату за обучение некоторых учениц в Коломенской женской гимназии брало на себя также Императорское человеколюбивое общество. Помощь объяснялась тем, что среди учениц Коломенской женской гимназии было немало воспитанниц Ивановского девичьего училища¹.

Еще одним видом материальной помощи ученицам Коломенской женской гимназии было освобождение от платы за обучение. Согласно «Уставу женских гимназий Ведомства учреждений императрицы Марии» преподаватели, прослужившие не менее трех лет, имели право определять своих дочерей на бесплатное обучение во всех гимназиях Ведомства независимо от места службы. Решение принималось педагогической конференцией и утверждалось попечителем гимназии [11]. Так, в 1880 г. в Коломенской женской гимназии бесплатно обучались дочери законоучителя А.И. Хойнацкого и дочь преподавателя гимназии Серафима Пермская [13. Оп. 1. Д. 28. Л. 14, 16]; в 1881 г. – Валентина Игнатьева, дочь учителя танцев [12. Оп. 1. Д. 367. Л. 55]. Подобная практика продолжилась и в начале XX в. В 1908 г. конференция разрешила бесплатное обучение дочерей законоучителя Комарецкого [13. Оп. 1. Д. 265. Л. 11]; в 1910 г. от платы за обучение были освобождены дочери законоучителя Коломенской гимназии Елена и Наталья Сперанские, дочь преподавателя Елизаветинского института Евгения Кондратьева [12. Оп. 2. Д. 1589. Л. 108]; в 1914 г. – Мария Воронкова, дочь преподавателя Константиновской женской гимназии [12. Оп. 2. Д. 1666. Л. 304].

В год столетия Отечественной войны 1812 г. был издан циркуляр Ведомства учреждений императрицы Марии от 31 августа 1912 г., согласно которому «девицам всех сословий, принадлежащим к потомкам участников Отечественной войны, временно предоставлялось право бесплатного обучения в женских гимназиях Ведомства» [12. Оп. 2. Д. 1650. Л. 2]. Всего было выделено 100 вакансий, за распределение которых отвечал Главноуправляющий IV Отделением. В 1912 г. в Коломенской женской гимназии бесплат-

---

¹ Ивановское девичье училище было учреждено 1 июня 1833 г.; название получило в честь благотворителя поручика Степана Григорьевича Иванова. Предназначалось для воспитания малолетних сирот при богадельне Императорского человеколюбивого общества. После реорганизации в 1858 г. Ивановская школа стала предназначаться только для девиц благородного звания. С 1 сентября 1867 г. обучение в стенах Ивановской девичьей школы было прекращено, а воспитанницы поступили в Коломенскую женскую гимназию как приходящие пансионеры Совета Человеколюбивого общества. И в дальнейшем пансионеры Императорского человеколюбивого общества обучались в Коломенской гимназии.

но обучались пять учениц «в виду их происхождения по прямой мужской линии от участников Отечественной войны 1812 г.» [12. Оп. 2. Д. 1650. Л. 15; 13. Оп. 1. Д. 314. Л. 5], в 1914 г. – три ученицы [13. Оп. 1. Д. 339. Л. 2, 3, 7].

Таким образом, видно, что материальная помощь ученицам Коломенской женской гимназии оказывалась разнообразными способами: деятельностью Общества вспомоществования нуждающимся ученицам, различными стипендиями и освобождением от платы за обучение. Возможность оказания материальной помощи Обществом зависела в основном от его успешной или неуспешной деятельности. И если доходы от членства в нем были стабильными, то доходы от благотворительной и издательской деятельности не всегда давали ожидаемый результат. Стипендии получали не более 7–8 % учениц; количество девушек, освобожденных от платы за обучение, не превышало 1,5 % от общего числа учащихся.

Список литературы

1. Краткий очерк деятельности Общества вспомоществования нуждающимся ученицам Коломенской женской гимназии за 1879–1904 гг. – СПб., 1904.
2. Обзор деятельности правления Общества вспомоществования нуждающимся ученицам Коломенской женской гимназии с 22 апреля 1879 г. по 1 октября 1880 г. – СПб., 1880.
3. Отчет Правления Общества вспомоществования нуждающимся ученицам Коломенской женской гимназии с 1 октября 1884 г. по 1 октября 1885 г. – СПб., 1885.
4. Отчет Правления Общества вспомоществования нуждающимся ученицам Коломенской женской гимназии с 1 октября 1894 г. по 1 октября 1895 г. – СПб., 1895.
5. Отчет Правления Общества вспомоществования нуждающимся ученицам Коломенской женской гимназии с 1 октября 1898 г. по 1 октября 1899 г. – СПб., 1900.
6. Отчет Правления Общества вспомоществования нуждающимся ученицам Коломенской женской гимназии с 1 октября 1899 г. по 1 октября 1900 г. – СПб., 1900.
7. Отчет Правления Общества вспомоществования нуждающимся ученицам Коломенской женской гимназии с 1 октября 1904 г. по 1 ноября 1905 г. – СПб., 1906.
8. Петербургские городские известия // Сев. пчела. – 1858. – 23 сент.
9. Правила для поступления в число учениц С.-Петербургских и Царско-сельской женских гимназий и программы гимназического курса. – СПб., 1905.
10. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 761.
11. Устав училищ для приходящих девиц Ведомства учреждений императрицы Марии // Полн. собр. законов Российской империи. Собр. 2. – СПб., 1862. – Т. 37. – № 37849.
12. Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга (ЦГИА СПб). Ф. 15.
13. ЦГИА СПб. Ф. 405.
14. Щюц П.Я. Открытие Коломенского женского училища. – СПб., 1858.
15. Юбилей Коломенской женской гимназии. – СПб., 1909.

Н.В. Лидер, В.О. Дубинин, Д.В. Чермошенцев

Военно-патриотическое воспитание в военно-учебных заведениях Западной Сибири (1865–1941 гг.)

В статье рассматривается актуальная для современного военного образования проблема военно-патриотического воспитания курсантов. Исследована историческая ретроспектива проблемы с целью выявления преемственности наиболее значимых форм и методов воспитания, и возможного использования наработанного опыта в современных российских вооруженных силах.

The article is devoted to an actual for modern military education problem of military-patriotic education of the cadets. Authors carried out the research of a historical retrospective of the problem in order to reveal continuity of the most significant forms and methods of education, and the possibility of using of their experience in Russian Armed Forces.

Ключевые слова: Западная Сибирь, воинское воспитание, военно-учебное заведение, курсанты, патриотизм, традиции, методы, формы.

Key words: Western Siberia, military education, military educational institution, cadets, patriotism, traditions, methods, forms.

С момента образования Западно-Сибирского (Омского/Сибирского) военного округа (1865) на территории Западной Сибири располагались Омская военная прогимназия, Войсковой пригготовительный пансион Сибирского казачьего войска, Сибирский кадетский корпус (с 28 июля 1866 по 1882 г. – Сибирская военная гимназия).

Омская военная прогимназия была сформирована в 1869 г. вместо Омской военно-начальной школы (возникла в 1858 г. из батальона военных кантонистов и до 1866 г. называлась училищем военного ведомства), имела 4-летний срок обучения и являлась низшим учебно-воспитательным заведением. Прогимназия готовила кадры для поступления в юнкерские училища [12, с. 106].

Войсковой пригготовительный пансион Сибирского казачьего войска был создан для подготовки казачьих детей к поступлению в Сибирскую военную гимназию. Пансион по своему учебному статусу являлся средним учебным заведением. Почти все «пансионеры» поступали затем в Сибирский кадетский корпус (военную гимназию) [12, с. 106].

Сибирский кадетский корпус в первой половине XIX в. был единственным военно-учебным заведением на территории Запад-

ной Сибири, готовившим офицеров. С 1866 по 1882 г. он был преобразован в военную гимназию и стал подготовительным учебным заведением, готовившим молодых людей к поступлению в юнкерские училища. В 80-е гг. XIX в. новый военный министр П.С. Ванновский провел контрреформы военно-учебных заведений, в результате которых кадетские корпуса были восстановлены [2, с. 40].

Общее направление воспитания в кадетских корпусах основывалось «на любви к Богу, на благоговении к постановлениям Святой Его Церкви, на сыновней преданности Престолу, на бескорыстной любви к Отечеству, на душевном сознании долга семейного и общественного, военного и гражданского», – писал генерал Я.И. Ростовцев [2, с. 17]. В предписании военного министра генерал-адъютанта Д.А. Милютина от 5 июня 1866 г. директору Сибирского кадетского корпуса были указаны основные цели и средства воспитания. Во-первых, в документе говорилось о необходимости «противодействия распространения людьми ложных учений, направленных против коренных основ веры, нравственности и общественного порядка». Во-вторых, выдвигались требования: «с одной стороны, правильное воспитание молодого поколения, с другой, точное и добросовестное выполнение всеми военными служащими возложенных на них по закону обязанностей, без превышения предоставленной им власти, по долгу верных слуг Государя и Отечества» [5. Л. 4]. В основу организации и военно-патриотической работы в корпусе была положена идея, выраженная в известной форме: «За Веру, Царя и Отечество».

В системе военно-патриотического воспитания в кадетских корпусах первостепенное значение придавалось религиозно-нравственному воспитанию. К основным формам и методам воспитательной деятельности, осуществлявшейся в корпусе представителями военного духовенства, относились: снабжение кадет пропагандисткой и религиозной литературой, коллективные богослужения и проповеди, организация чтений [13, с. 152]. Руководство округа также проявляло определенную работу по формированию и пополнению библиотечного фонда корпуса литературой соответствующего религиозного содержания. В 1893 г. в библиотеке из общего фонда в 3581 единицу 550 наименований книг (15 %) были духовно-нравственного содержания [4, с. 201–206]. Кроме того, кадетов постоянно привлекали к участию в крестных ходах, как, например, летом 1901 г. для встречи впервые прибывшей в Омск чудотворной иконы Святого великомученика Пантелеймона.

Система воспитания в Сибирском кадетском корпусе была направлена на формирование преданности престолу и почитания императора – главнокомандующего русской армией. Благоговению

перед монархом, постоянно находившимся в столице, на большом отдалении от местных войск и военных учреждений, способствовали периодические поездки по стране членов царствующего дома. Эти поездки сопровождались, как правило, и посещением войск.

В целях военно-патриотического воспитания в корпусе широко отмечалось празднование различных событий в царской семье, таких как дни рождения императора и членов императорской фамилии, коронации, так называемые «царские дни» [7. Л. 1–14]. Например, в феврале 1880 г. состоялось празднование 25-й годовщины вступления на престол Александра II. С 12 по 14 мая 1896 г. в Сибирском кадетском корпусе состоялись торжества по случаю коронации царской четы. Это мероприятие проходило с разрешения военного министра, по согласованной программе торжеств [8. Л. 17, 23].

Важная роль в военно-патриотическом воспитании будущих офицеров в военно-учебных заведениях Сибири отводилась преподаванию истории. На примерах воинской доблести и храбрости исторических личностей и народа воспитывались патриотизм, мужество, верность престолу, воинскому долгу. Проводились также мероприятия с историческим уклоном: театрализованные постановки, чтения, тематические литературно-музыкальные вечера (постановки) [12, с. 113]. Так 4–5 мая 1900 г. в Сибирском кадетском корпусе состоялся литературно-музыкальный вечер, посвященный столетию со дня смерти генералиссимуса А.В. Суворова, на котором сообщалось о его заслугах, возлагались венки и цветы к его бюсту и портрету. На церковных службах раздавались сочинения о полководце [9. Л. 3–4].

Действенной формой воспитания являлась поддержка в военно-учебных заведениях Сибири исторических традиций и обычаев русской армии. Так, с 1868 г. имена героев – воспитанников военной гимназии стали заноситься на мраморную доску. Обращаясь с целью сбора сведений к начальникам военно-учебных заведений России, директор Сибирской военной гимназии отмечал: «По установившемся во вверенном мне корпусе порядку имена бывших воспитанников заведения, положивших живот свой на поле брани, защиты престола и Отечества, вносятся на мраморные доски, помещенные на стенах церкви корпуса» [11. Л. 25]. С целью привлечения внимания обучаемых к боевым традициям русской армии, истории побед прославленных полководцев, важным событиям государственной истории в 1891 г. приказом начальника Главного управления военно-учебных заведений при Сибирском кадетском корпусе был образован музей [10. Л. 1, 15].

Значительным событием в жизни Сибирской военной гимназии было празднование 50-летнего юбилея со дня ее основания, которое состоялось 22 августа 1876 г. [6. Л. 118–128]. Празднование началось с торжественного богослужения, после чего личный состав гимназии был построен на плацу, где его поздравил генерал-губернатор Западной Сибири генерал-адъютант Казнаков [2, с. 38]. Уже в это время отмечалось использование таких средств воспитания и пропаганды, как фотография. В частности, в ходе юбилейных мероприятий в гимназии был издан «исторический альбом с фотографическими портретами служивших и учившихся» [14, с. 100].

Новым этапом в истории развития военного образования в Западной Сибири стал период Гражданской войны. В это время в регионе существовали военно-учебные заведения как белого движения, так и красного.

Военные училища белого движения, готовившие офицеров, возникали «самотеком» и просуществовали недолго. По мере продвижения Красной армии вглубь Сибири эти училища с территории Западной Сибири эвакуировались либо в полном составе, либо частично, так как зачастую их кадровый состав просто дезертировал. К таким военным училищам относились Томская и Тюменская инструкторские школы, Омское артиллерийское военное училище, Омское артиллерийское техническое военное училище.

Краткосрочные курсы, созданные в 1919 г. при штабе 5-й армии Восточного фронта, стали предшественниками советских военно-учебных заведений Западной Сибири. Так, в декабре 1919 г. в Омске были созданы 1-е Сибирские имени III Коминтерна пехотные командного состава курсы РККА, а в Томске началось формирование 2-х Сибирских пехотных курсов командного состава РККА [15. Л. 2–3]. В декабре 1919–январе 1920 г. в Сибири было открыто 11 командных курсов, а к концу 1920 г. их было уже 26, с количеством курсантов до 20 тыс. чел. [19, с. 44].

В январе 1920 г. в Томске начали формироваться артиллерийские командные курсы. В марте 1920 г. Омские, Барнаульские и Томские арткурсы были объединены на базе Томских курсов в Первые артиллерийские курсы Сибири. В Томске были открыты Сибирские инженерные курсы, радиотелеграфная школа, в Омске – Высшая военная школа командного состава Сибири, Военно-топографическая школа. В 1920 г. в Барнауле при политотделе 26-й стрелковой дивизии были созданы курсы для подготовки политруков. В марте 1921 г. они были преобразованы в 4-месячные курсы политуправления Сибири [19, с. 46].

Обучение и воспитание личного состава в годы Гражданской войны носило эпизодический и эмпирический характер. Методика

военного обучения дореволюционной армии дополнялась системой политического воспитания. Усиление идейно-политического компонента происходило и в военно-патриотическом воспитании курсантов. Процесс подготовки строился так, чтобы обеспечить общее развитие воинов, ликвидировать их безграмотность, повысить культурный уровень, сформировать чувство долга, ответственности, товарищества.

Наглядное представление о характере требований, предъявляемых курсантам, дает объявление, опубликованное в томской газете «Знамя революции»: «Рабочие и крестьяне! В Томске открылись пехотные и артиллерийские курсы командного состава Рабоче-Крестьянской Красной Армии. Прием прошений производится ежедневно с 10 до 2 часов дня в здании духовной семинарии. Требуется рекомендация двух советских работников. Образование безразлично. Военком Кошкарев» [1]. Но даже эти минимальные требования часто не выдерживались. Многие поступавшие были совершенно безграмотными. Вот что вспоминал подполковник в отставке А.А. Калачев, в числе первых в 1920 г. поступивший на 2-е Сибирские пехотные курсы командного состава РККА. Его группа в количестве 40 чел. на вступительных экзаменах писала диктант, состоявший из одного предложения: «Ложка дегтя портит бочку меда». Из группы только трое сумели написать предложение без единой ошибки [1].

В условиях такой безграмотности большое значение в военно-патриотическом воспитании отводилось следующим формам: митинги, собрания, групповые и индивидуальные беседы, «живые газеты». Коммунисты разъясняли обучаемым международное и внутреннее положение республики Советов, мобилизовывали их на выполнение задач, поставленных перед ними государством на данном этапе развития революции, рассказывали о мужестве и героизме красноармейцев на фронтах гражданской войны [17, с. 7]. Особое значение для военно-патриотического воспитания курсантов имело изучение боевого опыта Красной армии, которое началось еще в годы Гражданской войны. Так, для поддержания тесного единения с фронтом и военно-учебными заведениями на Томских артиллерийских курсах была сформирована особая комиссия. Это была интересная педагогическая находка преподавательского коллектива курсов. Члены этой комиссии постоянно информировали преподавателей и курсантов о боевых действиях войск на фронтах. В выходные дни совершались экскурсии в места, имеющие познавательное значение. Организовывались встречи с курсантами других школ [17, с. 7].

В рассматриваемый период начала формироваться система новых советских праздников. Если в дореволюционной армии

праздники в основном были связаны с традициями православной церкви и церковным календарем, а также историческим прошлым, то в Красной армии – с различными событиями революционного и рабочего движения и знаменательными датами советской истории. Так, 6 ноября 1920 г. по инициативе комячейки, поддержанной военкомом, 2-е Сибирские пехотные курсы командного состава РККА в полном составе прибыли около 12 ч ночи к гарнизонному клубу, где в это время проходило торжественное заседание представителей партийных, советских и профсоюзных организаций и красноармейских частей гарнизона, посвященное 3-й годовщине Октябрьской революции. Выстроившись перед зданием, курсанты приветствовали его участников. Перед ними выступали представители местных властей, речи которых курсанты встретили криками «ура» и пением «Интернационала». Затем военком И.И. Левушкин произнес приветственную речь [3, с. 18–19].

С переходом на мирное положение значительная часть краткосрочных курсов военного времени была преобразована в военно-учебные заведения с трехгодичным сроком обучения, которые перешли в подчинение военного округа. Так, 2-е Сибирские пехотные курсы командного состава РККА в мае 1921 г. были преобразованы в 25-ю Томскую пехотную школу комсостава РККА. Летом 1925 г. она была переведена в Омск и размещена в здании бывшего Сибирского кадетского корпуса, с переименованием в Омскую пехотную школу. 6 марта 1926 г. приказом Реввоенсовета СССР Омской пехотной школе было присвоено имя М.В. Фрунзе [3, с. 29, 43–44].

С 1921–1928 гг. в военно-учебных заведениях Западной Сибири происходил дальнейший поиск форм и методов обучения и воспитания. Значительную часть учебного времени занимало изучение военных предметов, среди которых основной дисциплиной была тактическая подготовка. Изменилась система преподавания общественно-политических дисциплин. Основным предметом общественного цикла стала политграмота. Ее содержание включало 36 бесед, раскрывавших курсантам три основные группы вопросов: капитализм и социализм, империализм и социалистическая революция, Октябрьская революция и советская власть. С 1924 г. вместо курса политграмоты были введены курсы исторического материализма, истории социализма, политической экономии, методики политработы [3, с. 33].

В ходе военной реформы в военно-учебных заведениях Западной Сибири в 1925/26 уч. г. в связи с упразднением в войсках института военных комиссаров и введением единоначалия курс политической работы был выделен в отдельную дисциплину [18, с. 91–92]. Значительно увеличилось время на преподавание

военных и общественно-политических дисциплин [3, с. 42]. Были введены боевые уставы и руководства, началось их изучение и применение в повседневной практике.

В военно-патриотическом воспитании будущих офицеров серьезно возрастала роль клубов. 19 февраля 1921 г. для курсантов 2-х Сибирских курсов на месте бывшей семинарской церкви был открыт клуб на 800 мест. Созданные при клубе секции – драматическая, музыкальная, хоровая, спортивная, литературная и ботаническая – приобщали курсантов к активной общественной жизни [3, с. 19]. С момента преобразования курсов в 25-ю Томскую пехотную школу комсостава РККА значительное внимание в кружковой работе стало уделяться повышению идейно-политической закалки и военно-патриотическому воспитанию курсантов. Создавались кружки по изучению рабочего движения, истории социализма, военной истории, истории гражданских войн и крестьянских восстаний [3, с. 34].

Усиление такой направленности работы клубов было связано с появлением квалифицированных и опытных специалистов, постепенным преодолением материальных трудностей армейских клубов благодаря шефской помощи Красной армии от гражданских предприятий и организаций [17, с. 12; 3, с. 58]. В период, когда кино еще делало первые шаги, радио находилось в стадии зарождения, клубная сцена стала трибуной, с которой средствами искусства формировали личность определенного типа, «нового человека» советского общества.

Большая роль в военно-патриотическом воспитании курсантов стала отводиться социалистическому соревнованию. В 1929 г. Омская пехотная школа имени М.В. Фрунзе впервые заключила договоры о социалистическом соревновании с Ивано-Вознесенской, Ленинградской и Владивостокской пехотными школами. В результате были достигнуты значительные успехи в стрелковой, физической подготовке, улучшилась воинская дисциплина [3, с. 57]. По мере накопления опыта социалистическое соревнование принимало все более широкий размах, совершенствовались его формы. В 1931 г. командование училища объявило конкурс на лучшее подразделение по боевой и политической подготовке. В 1932 г. вызвало на социалистическое соревнование Томскую артиллерийскую школу. В 1935 г. школа соревновалась с Объединенной татаро-башкирской военной школой [3, с. 58]. В 1937 г. Омское военное училище соревновалось с Рязанским, Свердловским пехотными училищами. Шло соревнование между батальонами, ротами, взводами, отдельными курсантами. Командование, партийная организация регулярно подводили итоги

соревнования. Победителям вручались дипломы, грамоты, ценные подарки [3, с. 74].

Особое значение для военно-патриотического воспитания будущих офицеров имело принятие новой военной присяги. Каждый воин перед строем своих товарищей клялся на верность социалистической Родине и скреплял клятву собственноручной подписью. 23 февраля 1939 г. вместе со всей Красной армией присягнули на верность своему Отечеству и курсанты военно-учебных заведений Западной Сибири.

Из полков и дивизий приходили письма, в которых рассказывалось о доблести и мужестве, проявленных выпускниками военных училищ Западной Сибири. «Здесь, в боях с белофиннами, мне приходилось встречаться со многими командирами, выпускниками нашего Томского артиллерийского училища. Все они верны его традициям: их части и подразделения являются передовыми. Все мы гордимся тем, что воспитывались в ТАУ – в этой кузнице замечательных командиров», – писал капитан Приходько [17, с. 21–22]. Лейтенант Писарев в письме из действующей армии в свое училище отмечал: «Те навыки, которые я получил в Омском военном училище, здесь, в условиях Финляндии, мне оченьгодились. Не страшны ни снег, ни морозы, ни оборудование окопов в зимнее время. Я хорошо владею лыжами» [1].

Таким образом, в дореволюционный период в военно-учебных заведениях Западной Сибири использовались самые разнообразные формы и методы военно-патриотического воспитания будущих офицеров. Военно-патриотическое воспитание в царской России строилось на комплексном подходе, при котором патриотическое воспитание реализовывалось в единстве с нравственным и государственным; на традициях русской армии и флота. В советский довоенный период можно выделить следующие тенденции в становлении традиций воинского воспитания курсантов военно-учебных заведений Западной Сибири: усиление идейно-политического компонента в военно-патриотическом воспитании; агитационный и пропагандистский характер воспитательных мероприятий; использование возможностей культурно-просветительной работы в военно-патриотическом воспитании; связь военно-патриотического воспитания с боевой обстановкой; замена религиозной направленности воспитания на идеологическую.

Список литературы

1. Архив музея Омского кадетского корпуса.
2. Басаев В.Р. Омский кадетский корпус: история и современность. – Омск, 2003.
3. В Сибири рожденное. – Омск, 1987.

4. Гефнер О.В. Религиозный компонент в мировоззрении российских военных во второй половине XIX – начале XX в. // Сиб. казачество: прошлое, настоящее, будущее: материалы науч.-практ. конф., посвящ. 420-летию СКВ. – Омск, 2003. – С. 201–206.
5. Государственный исторический архив Омской области (ГИАОО). Ф. 19. Оп. 1. Д. 142.
6. ГИАОО. Ф. 19. Оп. 1. Д. 181.
7. ГИАОО. Ф. 19. Оп. 1. Д. 209.
8. ГИАОО. Ф. 19. Оп. 1. Д. 309.
9. ГИАОО. Ф. 19. Оп. 1. Д. 349.
10. ГИАОО. Ф. 19. Оп. 1. Д. 361.
11. ГИАОО. Ф. 19. Оп. 1. Д. 364.
12. Дубинин В.О., Нагаев И.Б. и др. Воинское воспитание в гарнизонах Западной Сибири (исторический аспект). – Омск, 2009.
13. Жуков Е. Проповедническая деятельность военного духовенства в русско-японской войне // Воен.-ист. антропология. – М., 2002. – С. 148–162.
14. Исторический очерк образования и развития Сибирского кадетского корпуса. – Омск, 1884.
15. На основании предписания помощника Командующего армиями Восточного фронта от 26 декабря за № 389 // Филиал центр. архива М-ва обороны (ФЦАМО). Ф. 10211. Оп. 026165. Д. 1.
16. Самарец Г.А. Содержание и методы военно-патриотического воспитания в России и Западной Европе: автореф. дис. ... канд. пед. наук. – М., 2001.
17. Служу Советскому Союзу: кр. очерк истории Томск. воен. ордена Красной Звезды училища связи (1920–1970 гг.). – Томск, 1970.
18. Тельпуховский Б.С. КПСС во главе строительства Вооруженных Сил СССР. Окт. 1917–1982 г.: ист. очерк. – М., 1983.
19. Черемных А.Н. Некоторые вопросы истории создания и развития военно-учебных заведений Сибири (1919–1923 гг.): материалы науч. конф., посвящ. 100-летию со дня рождения В.И. Ленина. – Томск, 1970. – С. 43–47.

Оценка текущей работы слушателей Института красной профессуры в 1920-е гг.

В статье рассматривается деятельность Института красной профессуры, занимавшегося подготовкой преподавателей по общественным наукам. В частности, показано, как в 1920-е гг., при отсутствии оценок и экзаменов, проводилась аттестация слушателей института.

The article discusses the Institute of Red Professors involved in the preparation of teachers of social studies. In particular, it is shown how in the 1920s, in the absence of assessments and examinations, certification of students of the Institute was carried out.

Ключевые слова: Институт красной профессуры, высшее образование в 1920-е гг., учебная работа, партийная работа, семинарская работа.

Key words: Institute of Red Professors, higher education in the 1920s, academic work, political work, seminary work.

Институт красной профессуры был создан в Москве в 1921 г. [8; 9]. Он должен был заниматься подготовкой марксистской профессуры. Как представлялось, «красный профессор» – это марксист, большевик, сочетающий в себе навыки преподавателя, научного и партийного работника, активный участник современной политической борьбы, а не академический, «кабинетный» ученый. Поэтому особенностью института стало включение в учебный процесс не только академической и педагогической, но и партийной работы [8, с. 30–38].

В институт должны были принимать прежде всего членов РКП(б), имевших высшее образование. Правда, к первым испытаниями были допущены и лица, не окончившие вузов, а также беспартийные. Это было связано с опасением, что из числа партийной молодежи не найдется достаточного количества образованных претендентов [11]. В 1922 г. для поступления в институт требовалось иметь рекомендацию от ЦК или губкома партии и минимум трехлетний партийный стаж [5]. В 1924 г. партийный стаж был увеличен до пяти лет [3. Оп. 1. Д. 98. Л. 12].

Для приема лиц в ИКП была создана мандатная комиссия, в которую входили представители от ЦК РКП(б), правления и слушателей института. О каждом кандидате она выносила постановление. При положительном решении мандатной комиссии, соискатели до-

пускались к представлению самостоятельной письменной работы по избранной специальности, которая должна была доказать способность поступающего к научному исследованию. Те, чьи работы признавались удовлетворительными, допускались к устному коллоквиуму по теоретической экономике, философии, истории русской и всеобщей [3. Оп. 1. Д. 2. Л. 76; Д. 98. Л. 12]. Выпускники вспоминали, что приемные испытания в ИКП были очень трудными [2, с. 258; 13, с. 122]. Высокие академические требования, предъявляемые при поступлении, способствовали тому, что принимались преимущественно служащие.

В 1920-е гг. в Институте красной профессуры не было общих курсов по специальности – изучались лишь отдельные темы. Основной и практически единственной формой обучения была работа в семинарах. Слушатели самостоятельно разрабатывали какой-либо вопрос и принимали участие в обсуждении докладов. Обычно за учебный год необходимо было подготовить два научных доклада. Лекционных курсов практически не было или они объявлялись необязательными [3. Оп. 1. Д. 2. Л. 50, 54; Д. 53. Л. 11–12]. Считалось, что в условиях дефицита преподавателей-коммунистов будет лучше, если партийная молодежь самостоятельно займется разработкой тех или иных вопросов, чем поручать чтение лекций беспартийной профессуре.

Помимо семинарской, слушатели должны были вести партийную и педагогическую работу. Практическая деятельность являлась частью учебного процесса и учитывалась при переводе с одного курса на другой. Педагогическая работа предполагала проведение занятий в вузах, на рабфаках, подготовительном отделении ИКП. Партийная работа включала в себя преподавание в районных партшколах, руководство марксистскими кружками на предприятиях, агитационные выступления. Кроме того, икаписты активно участвовали в деятельности института: входили в состав правления, обсуждали учебные планы, проводили академические и партийные «чистки» слушателей, оценивали работу руководителя семинара и могли требовать его замены [3. Оп. 1. Д. 2. Л. 9; Д. 193. Л. 1, 13, 15].

В 1923/24 уч. г. М.Н. Покровский отмечал: «При кажущейся "академичности" вся работа [ИКП] теснейшим образом связана с одной из главнейших "текущих задач партии" – борьбой на идеологическом фронте. Никаких уклонений в сторону "чистой" науки Институт не допускает... Большое время, посвящаемое... чисто теоретическим занятиям, грозит опасностью отрыва от масс и массовой партийной работы, до сих пор эта опасность счастливо устранялась интенсивным участием слушателей ИКП в партработе...» [3. Оп. 1. Д. 100. Л. 6–7].

Большое количество времени, отводимого на партийную работу, таким образом, рассматривалась как гарантия полноценной марксистской подготовки. В то же время загруженность практической

деятельностью часто приводила к невыполнению академических требований. В связи с этим срок обучения в ИКП в 1924 г. был продлен с трех до четырех лет. Последний год предназначался для написания диссертации. Правда, выпускница ИКП, историк Э.Б. Генкина вспоминала, что, когда она училась – а она закончила четырехлетний курс обучения – диссертации никто не писал [2, с. 262]. В 1928–1930 гг. одновременно с выпуском слушателей, прошедших четырехлетний курс обучения, проводились и выпуски «красных профессоров», окончивших трехлетний курс [3. Оп. 1. Д. 138. Л. 17–26; Д. 336. Л. 46–47].

Семинарская работа (доклады, участие в обсуждении) являлась материалом для академической оценки. В 1920-е гг. в ИКП не было ни переводных экзаменов, ни отметок. Формой контроля был учет докладов и выступлений. В «Инструкции о порядке оценки академической работы слушателей» указывалось, что оценка докладов должна даваться по следующей схеме: «а) оценка с методической стороны, б) объем проработанной литературы (русской и иностранной) и источников, в) способность критического отношения к материалу, г) построение доклада, д) общая оценка» [3. Оп. 1. Д. 53. Л. 34]. «Оценка с методической стороны» предполагала оценку того, насколько работа написана с точки зрения марксистской методологии. При обсуждении академической работы, порой слушатели отмечали, что именно это и есть их "больное место"» [3. Оп. 1. Д. 338. Л. 4]. Академическую работу оценивали руководитель семинара и его участники. Если их взгляды расходились, то обе стороны могли подавать в правление особое мнение [3. Оп. 1. Д. 2. Л. 96–100].

Непременным условием зачета доклада исследовательского семинара была работа по источникам. Слушатели должны были использовать документы, привлекать иностранную литературу, архивные материалы. Это было связано не только с новизной подхода, но и с тем, что многие вопросы освещались впервые. Э.Б. Генкина вспоминала, что при обсуждении ее доклада «Февральский переворот» в 1926 г. в семинаре по истории Октябрьской революции, которым руководил ректор института историк М.Н. Покровский, последний сказал: «Это не исследование..., ибо мало архивов, особенно фондов Западного фронта и Ставки, а без архивов и их глубокого изучения нет исследования» [2, с. 263].

Оценка партийно-педагогической работы давалась членами бюро ячейки коммунистов и общим собранием слушателей-коммунистов. Иногда проводились дополнительные проверки состава и работы слушателей ИКП со стороны ЦК РКП(б). Так, например, была организована проверка слушателей в 1923 и 1924 гг. В инструкции, подготовленной для работы аттестационной комиссии летом 1923 г., отмечалось, что при составлении характеристик необходимо учитывать партийную и советскую работу слушателей

[3. Оп. 1. Д. 102. Л. 1]. Правда, указывалось, что оценка академической работы имеет решающее значение.

Вот, например, характеристика, которую аттестационная комиссия в 1923 г. дала слушателю исторического отделения, будущему историку, второму декану исторического факультета ЛГУ С.М. Дубровскому: «На организационной партийной работе не был. Крупной советской работы не вел. В гражданской войне не участвовал. Занимался преимущественно педагогической работой, в которой имеет большой опыт. Наибольшие симпатии питает к литературной работе, в которой проявляет способности (написал ряд статей и популярную книжку, выходящую вторым изданием), в области научной работы обладает усидчивостью и имеет все задатки будущего хорошего исследователя. Обнаруживает сильный уклон к академизму, и в личной жизни – индивидуализму. К партийным обязанностям относится формально...» [3. Оп. 1. Д. 102. Л. 1–9].

Допущение к поступлению в ИКП в первом приеме беспартийных привело практически сразу же к постановке вопроса об их отчислении. В этом выразилось убеждение в том, что коммунист уже имеет определенную марксистскую подготовку. Беспартийные же, как предполагалось, такую подготовку не имеют, поэтому их стремились исключить из института. Во время проверки слушателей летом 1923 г. слушателю экономического отделения А.В. Яковлеву, например, была дана следующая характеристика: «Проявил себя в академической работе недостаточно активным... Как беспартийный особого доверия не внушает. Попытался отбояриться от педагогической работы, мотивируя это тем, что считает для себя более удобным и целесообразным заниматься работой по самообразованию. Красным профессором никогда не будет» [3. Оп. 1. Д. 2. Л. 103].

Помимо беспартийных, в 1922–1923 гг. исключили и слушателей, недостаточно активных в партийной работе, несмотря на то, что их академическая работа была вполне удовлетворительной. Особенно широко весной-летом 1923 г. обсуждались вопросы об исключении из института слушателей философского отделения Г.И. Григорова и Л.Я. Зивельчинской. Последняя получила высокую оценку академической работы – руководитель семинара Л.И. Аксельрод назвала ее одной из лучших своих учениц [3. Оп. 1. Д. 102. Л. 98; 12. Оп. 60. Д. 503. Л. 32]. Но аттестационная комиссия отмечала, что Л.Я. Зивельчинская в своих докладах и выступлениях проводила «явно немарксистские тенденции», поэтому «...никогда не будет преподавателем ортодоксально-материалистического направления» [3. Оп. 1. Д. 2. Л. 101]. Л.Я. Зивельчинская была отчислена из ИКП, но после отчисления она продолжила свою научную работу в РАНИОН (Российской ассоциации научно-исследовательских институтов общественных наук) [1. Оп. 3. Д. 294. Л. 6–13].

Часто на решение вопроса об исключении влияли личные отношения между слушателями. Это было связано с тем, что сами слушатели составляли аттестационную комиссию. Некоторые икаписты после «чистки» 1922 г. протестовали против «обстановки дрязг», заявляли, что они были «...терроризированы старыми партийными товарищами». Поэтому предлагалось устранить слушателей от работы комиссии или ограничиться только академической проверкой [14. Оп. 1. Д. 2. Л. 29–30]. Несмотря на это, весной 1923 г. была создана аттестационная комиссия, в которую входили семь слушателей института: И.П. Капитонов, Я.Э. Стэн, И.С. Фендель, А.И. Стецкий, А.Я. Троицкий, А.Н. Слепков, С.Н. Радин [14. Оп. 1. Д. 5. Л. 9]. Рассмотрев материалы академической, партийной и педагогической работы икапистов, они выносили заключение, которое рассматривалось на заседании бюро ячейки коммунистов ИКП, а затем утверждалось правлением института.

Примером влияния личных отношений на решение вопроса о продолжении обучения в институте является исключение из ИКП слушателя философского отделения Г.И. Григорова. Упомянутая комиссия дала ему характеристику, в которой указывалось, что он «...проявил себя в академическом отношении как весьма посредственный, мало подготовленный...» слушатель. Относительно партийно-педагогической работы было отмечено его «...излишнее и недопустимое внимание к материальным условиям работы...», так как она, «как правило, не оплачивается» [3. Оп. 1. Д. 2. Л. 101]. В связи с этим правление приняло решение отправить его на массовую партийную работу. Слушатели первого курса философского отделения, на котором учился Г.И. Григоров, обратились к руководству института с просьбой пересмотреть это постановление, указывая, что он является одним из наиболее способных участников семинаров (подобное мнение высказали и преподаватели – П.И. Лященко и Л.И. Аксельрод). Слушатели отмечали, что и в партийном отношении Г.И. Григоров проявил себя «в лучшем смысле» [12. Оп. 60. Д. 503. Л. 15–18]. Против его исключения выступали и работники Агитпропа Сокольнического райкома партии, и член Президиума ВЦСПС В.В. Косиор. Они доказывали необоснованность обвинения Г.И. Григорова в шкурничестве, объясняя, что разговор об оплате его лекционных часов был до его поступления в ИКП и связан с его тяжелым материальным положением – на его обеспечении находились безработная жена и двое малолетних детей [12. Оп. 60. Д. 503. Л. 18, 21]. В.В. Косиор направил заявление в ИКП и в комиссию ЦК РКП(б), в которых отмечал, что обвинения Г.И. Григорова в «шкурничестве и недостаточных академических способностях» опровергнуты фактами. Выдвинутые же бюро ячейки коммунистов упреки в «экспансивном характере и нетактичности» не могут быть

поводом для «чистки», так как ранее подобные замечания не делались. В.В. Косиор заметил, что этот случай свидетельствует о том, что жалобы на «ненормальные приемы», которыми пользуется комиссия по «чистки» ИКП, имеют основание. Он считал, что действительная причина отчисления Г.И. Григорова заключается в том, что у члена аттестационной комиссии, слушателя философского отделения Я.Э. Стэна были с ним «личные счеты» [12. Оп. 60. Д. 503. Л. 34–36]. Несмотря на это, Г.И. Григоров все же покинул институт.

В 1924 г. аттестационная комиссия также пыталась исключить слушателей, которые успешно справлялись с академической работой, но у них были проблемы с партийным стажем [3. Оп. 1. Д. 102. Л. 1–11]. В связи с этим заведующий Агитпропом ЦК РКП(б) С.И. Сырцов обратился с просьбой пересмотреть решения комиссии о Н.А. Кареве, С.Д. Куниском, С.М. Моносове, Х.Г. Лурье, И.К. Лупполе, С.М. Дубровском, так как все они являются «ценными научными работниками» [12. Оп. 1. Д. 772. Л. 4–5]. Все перечисленные выше слушатели институт закончили.

В первой половине 1920-х гг. оценка академической работы слушателей ИКП давалась участниками семинаров (и преподавателем и слушателями), оценка же партийно-педагогической работы – членами бюро ячейки и общим собранием слушателей-коммунистов. Но во второй половине 1920-х гг. участники семинаров, давая характеристику академической, стали делать попытки одновременно оценить и партийную работу слушателей. Так, в мае 1927 г. собрание слушателей третьего курса исторического отделения рассматривало вопрос об академической проверке. Поступило предложение, давая оценку семинарской работе, отмечать и партийно-политическую выдержанность икапистов. Большинством голосов оно было отклонено, хотя на других факультетах такая практика уже существовала. Решено было давать оценку по следующим критериям: а) способность к научно-исследовательской работе, б) педагогические способности, в) академическая активность, г) выполнение формальных академических требований [3. Оп. 1. Д. 338. Л. 12–14].

В 1929–1930 гг. академическая работа уже окончательно рассматривалась как «основная партийная обязанность» слушателей. Поэтому академическая проверка в этот период все больше напоминала партийную. В июне 1928 г. участники семинара, работавшего под руководством экономиста И.И. Рубина, давали такие оценки друг другу, например, Л.З. Мехлису: «Согласиться с характеристикой, данной преподавателем. Партийно выдержан. Активен. Перевести на 2-ой курс, обязав представить второй доклад». О партийной выдержанности говорилось во всех характеристиках [3. Оп. 1. Д. 487. Л. 4]. Такая же ситуация наблюдалась и в 1929 г. В то же время, большая загруженность

партийной деятельностью, «правильные» политические взгляды являлись некоторой «заменой» недостаточно активной академической работы. Так, слушателю Н.Д. Демидову в 1929 г. была дана следующая характеристика: «Тов. Демидов занимает правильную партийную политическую линию. Активный и выдержанный партиец. В виду перегруженности партийной и практической работой, что вызвало невозможность участия в нормальной академической работе, считать необходимым оставление т. Демидова на второй год на первом курсе. Предложить тов. Демидову в будущем году активно работать по линии академической» [З. Оп. 1. Д. 487. Л. 9]. Оценку научной и одновременно партийной работы давали и участники других семинаров.

Таким образом, в 1920-е гг. в Институте красной профессуры при оценке текущей работы слушателей и решении вопроса о продолжении обучения в ИКП учитывалась характеристика не только академической, но и партийной работы. Последняя оценка часто играла важную роль. Это объяснялось спецификой данного учебного заведения, стремившегося подготовить «новый тип ученого» – «красного профессора» – большевика, принимающего активное участие в политической жизни страны.

Список литературы

1. Архив Российской академии наук (РАН). Ф. 350.
2. Генкина Э.Б. Воспоминания об ИКП // История и историки: историограф. ежегодник. – 1981. – М., 1985. – С. 257–273.
3. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 5284.
4. Гуковский А.И. Как я стал историком // История СССР. – 1965. – № 6.
5. Институт красной профессуры // Правда. – 1922. – 11 июля.
6. К истории Института красной профессуры. Документы / подг. С.М. Дубровский и Д.В. Романовский // Ист. архив. – 1958. – № 6. – С. 73–90.
7. Мехлис Л.З. Институт красной профессуры и проблема кадров // Парт. строительство. – 1930. – № 2(4). – С. 24–27.
8. Никуленкова Е.В. Академическая и партийная работа слушателей Института красной профессуры в 1920-е годы // Вестн. Ленингр. гос. ун-та им. А.С. Пушкина: науч. журн. – № 3(7). Сер. история. – СПб., 2007. – С. 30–38.
9. Никуленкова Е.В. Институт красной профессуры: структура и организация учебного процесса (1921–1930 гг.) // Петерб. ист. школа: альманах. Прил. к журн. для ученых «Клио». Третий год выпуска. Памяти Е.Р. Ольховского. – СПб., 2004. – С. 414–424.
10. Покровский М. Институт красной профессуры (к первой годовщине) // Правда. – 1922. – 2 дек.
11. Покровский М.Н. Десятилетие Института красной профессуры // Правда. – 1931. – 11 февр.
12. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 17.
13. Сидоров А.Л. Некоторые размышления о труде и опыте историка // История СССР. – 1964. – № 3. – С. 118–138.
14. Центральный архив общественно-политической истории Москвы (ЦАОПИМ). Ф. 474.

ИСТОРИЯ НАУКИ И ТЕХНИКИ

УДК 94(477.75)«192/194»:069

У.К. Мусаева

Музейное строительство в Крымской АССР в 1920–1940 гг.: формы и методы руководства и организации музейной работы в Крыму

В научный оборот вводится новый корпус архивных документов, касающийся истории музейного строительства в Крыму в первой половине 20-х гг. XX в., выявленный в фондах ГАРФ (Москва). Анализируется участие центральных органов Народного комиссариата просвещения РСФСР в этом процессе, представляются формы взаимодействия руководящих органов и их региональных подразделений в обеспечении организационной, методической, материальной, исследовательской инициативы в процессе работы крымских музеев.

The new case of archival documents devoted history of museum building in Crimea in first half 20th XX century is entered into a scientific turn, they are revealed in funds of the State Archive of Russian Federation (Moscow). Participation of the central bodies of the State commissariat of education of RSFSR in this process is analyzed, forms of interaction of directing bodies and their regional divisions in maintenance of the organizational, methodical, material, research initiative in the course of work of the Crimean museums are represented.

Ключевые слова: музеи, Крымская АССР, Главмузей Наркомата просвещения РСФСР, КрымОХРИС, Я. П. Бирзгал, А. И. Полканов, археологические раскопки.

Key words: museums, Crimean ASSR, Glavmuzej of the State commissariat of education of RSFSR, KrymOHRIS, J. P. Birzgal, A. I. Polkanoff, archeological excavations.

Проблема функционирования музейной сети Крымской АССР – ее реорганизаций и преобразований, форм, методов работы, участия в ней представителей государственных органов с одной стороны, и крымской научной и творческой интеллигенции – с другой, остается малоизученным сюжетом исследуемой темы. Основными проблемами в этом отношении являются фрагментарная обеспеченность документальной базой для полноценного освещения сюжета, противоречивость данных документов и опубликованных источников относительно целого ряда решений, принятых государственными органами в отношении музеев региона, отсутствие кон-

троля над выполнением принятых решений со стороны самих государственных органов.

Вместе с тем изученные материалы архивов позволяют говорить о том, что музейная сеть Крымской АССР в период 20–30-х гг. XX в. претерпела несколько значительных организационных преобразований, каждое из которых затронуло всю организационную схему управления музеями, способствовало созданию действительно органически взаимосвязанной сети постоянно действующих учреждений. При этом любая корректировка методов руководства была продиктована и обыкновенными соображениями приоритетов и интересов государственно-партийного аппарата, в первую очередь, в отношении идеологического контроля над деятельностью музеев в условиях становления и укрепления единоличного тоталитарного политического режима в СССР, основанного на культе личности И.В. Сталина.

Первым исследователем данной проблемы являлся А.И. Полканов, который в статье обзорного характера сформулировал основные хронологические периоды становления музейной сети в Крымской АССР в 20–30-е гг. XX в. Согласно его аргументации, первый период начался с 1921 г. и продолжался до 1928 г. – данное время один из наиболее авторитетных специалистов музейного дела в Крыму называл «периодом первоначального собирательства и учета материалов», второй же, начавшийся в 1928 г. получил характеристику «реконструктивного», предполагавшего систематизацию и качественный анализ накопленных коллекций, выявление в связи с этим оптимальных форм музейных экспозиций [6, с. 97].

Анализ документальной базы по проблеме позволяет нам предложить иную периодизацию процесса развития музейной сети в Крымской АССР: 1921–1927 гг. – период становления новых форм музейной работы в регионе, возобновление постоянного функционирования музеев досоветского времени, появление новых государственных музеев различного профиля, руководящая и методическая деятельность КрымОХРИСа – специального государственного органа по руководству музеями Крыма; 1927 г. – первая половина 30-х гг. XX в. – период организационных преобразований и подчинения музейной сети идеологическому контролю партийно-государственных органов советской власти: ликвидация КрымОХРИСа, сосредоточение руководящих функций в руках чиновников Наркомпроса Крымской АССР, общий кризис музейной работы и первый этап политических репрессий против сотрудников музеев; вторая половина 30-х гг. XX в. – 1941 г. – период укрепления идеологического контроля музейной работы, окончательное формирование музейной сети в Крымской АССР: прямое подчинение и введение музеев в компетенцию структур Наркомпроса РСФСР и Крымской АССР,

увязка работы музейных экспозиций с актуальными задачами экономического, политического и культурного строительства, осуществлявшегося органами советской власти, значительное усиление историко-революционной тематики в работе экспозиций, прямая зависимость развития музейной работы от выполнения распоряжений руководящих органов.

События первого периода (1921–1927) напрямую связаны с деятельностью КрымОХРИСа. А.И. Полканов отмечал, что согласно постановлению коллегии Главмузея от 4 января 1922 г. ведомство было напрямую подчинено столичной специализированной структуре – музейному отделу Главнауки Наркомпроса РСФСР, взаимодействие и руководящие функции Наркомпроса Крымской АССР могли осуществляться только в вопросах организационного обеспечения и местного значения [6, с. 96]. При этом, учитывая совмещение заведующим КрымОХРИСом должности уполномоченного музейного отдела Главнауки по Крымской АССР, можно констатировать, что фактически КрымОХРИС был самостоятельной структурой в руководстве музеями Крыма, находясь при этом на бюджетном содержании местных органов власти.

С 1921 по 1922 гг. все музеи финансировались из местного бюджета – непосредственно городскими и уездными отделами народного образования, единственным музеем, находившемся в ведении Наркомпроса Крымской АССР был ЦМТ [8, с. 51]. С 1922 г. ЦМТ, Херсонесский музей, Панорама обороны, Военно-исторический музей (Севастополь), Керченский историко-археологический, Евпаторийский археолого-этнографический, Феодосийский археологический, Ялтинский краеведческий и Восточный музеи, дворцы-музеи в Алушке, Бахчисарае и Ливадии, дома-музеи А.С. Пушкина в Гурзуфе, Л.Н. Толстого в Севастополе, А.П. Чехова в Ялте, а также картинная галерея И.К. Айвазовского в Феодосии перешли на финансирование Главмузея Наркомпроса РСФСР и были напрямую подчинены ему [6, с. 97]. Это мероприятие во многом способствовало сохранению и своевременной поддержке всех перечисленных учреждений, особенно в отношении реконструкции зданий и сохранения коллекций от разграбления.

Ключевым организационным событием, давшим импульс развитию музейной сети Крымской АССР стал I съезд КрымОХРИСа (также мероприятие позже именовалось Первым музейным съездом Крыма и Первой конференцией музейных работников Крыма), проведенный 5–9 октября 1922 г. в Севастополе. Выбор места проведения съезда был продиктован, очевидно, высокой концентрацией музейных учреждений в городе, а также тем фактом, что именно севастопольские музеи в 1921–1922 гг. получали стабильное и достаточное финансирование со стороны Главмузея Наркомпроса

РСФСР, что, в свою очередь, позволяло сохранять помещения музеев и коллекции в надлежащем состоянии.

Отчет I съезда КрымОХРИСа зафиксировал, что за период 1920–1922 гг. на территории полуострова начал функционирование целый ряд новых музеев: ЦМТ в Симферополе, художественные музеи в Алуште, Керчи, Судаче, Феодосии и Ялте, художественно-этнографический – в Евпатории, Музей караимской культуры в Евпатории при национальной библиотеке «Карай-битиклиги», Алушкинский, Коккозский, Ливадийский дворцы-музеи, художественно-бытовой музей в Новом Свете, музеи-церкви в Массандре и Ореанде, музей-усадьба в Кучук-Кое, мемориальные музеи И. Гаспринского, А.С. Пушкина, Л.Н. Толстого и А.П. Чехова в Бахчисарае, Гурзуфе, Севастополе и Ялте соответственно [5, с. 3].

Перечень данных объектов следует считать условным. Дело в том, что многие из названных учреждений были объявлены музеями с единственной целью – для обеспечения охраны от разграбления (прежде всего, это касается дворцов-музеев, усадеб и церквей) богатейших коллекций произведений живописи, скульптуры, декоративного искусства и мебели, принадлежавших бывшим хозяевам дворцов и усадеб, а также имущества православной церкви. Учитывая, что на 1921–1922 гг. приходится пик официально разрешенных продажи и вывоза предметов искусства за границу, осуществлявшихся непосредственно государственными органами советской власти, можно сделать вывод о том, что именно коллекции ряда перечисленных выше музеев и стали основными объектами интереса специальных комиссий по оценке, а вывезенные ценности стали навсегда утраченными для экспозиций музеев региона. В связи с этим съезд принял решение о ликвидации художественных музеев в Алуште, Евпатории, Керчи и Судаче, бытового – в Новом Свете, дворца-музея в Коккозах, обоих музеев в церквях.

В связи с необходимостью оптимизации работы музейных учреждений, I съезд КрымОХРИСа постановил утвердить первый официальный список музеев, деятельность которых должна была продолжаться. К таковым были отнесены: ЦМТ (Симферополь), Бахчисарайский дворец-музей тюрко-татарской культуры, дом-музей И. Гаспринского в Бахчисарае, Ялтинские художественный, естественно-исторический и Восточный музеи, Керченский историко-археологический музей, Феодосийский археологический музей и художественная галерея И.К. Айвазовского, дом-музей А.С. Пушкина в Гурзуфе, Алушкинский и Ливадийский дворцы-музеи, Евпаторийский этнографо-археологический музей (при этом, в нем был ликвидирован художественный отдел), Музей обороны Севастополя и Панорама, Дом-музей Л.Н. Толстого в Севастополе [6, с. 101]. Таким образом, художественные музеи продолжали самостоятельную дея-

тельность только в Симферополе и в Ялте, основным местом концентрации ценных археологических находок становился археологический отдел ЦМТ в Симферополе, находки и памятники местного значения закреплялись за музеями городов. Бахчисарайский дворец-музей провозглашался центром изучения татарской культуры, а Евпаторийский музей – главным учреждением по изучению культуры караимов и степных татар [5, с. 11].

Резолюция съезда отражала основные тенденции музейного строительства первых годов советской власти: на местах приветствовалось создание при уездных ОХРИСах обществ друзей крымской старины и искусства с обязательным привлечением в них «самых широких кругов рабочих»; декларировалась необходимость устройства передвижных музеев с экспозициями по краеведению, выставок произведений по отраслям знаний и отдельных художников; было заявлено о необходимости организации лекций по вопросам краеведения, искусства и науки, разработке плана экскурсий по экспозициям музеев, городам и окрестностям городов, ознакомлении масс с вопросами искусства, старины, задачами деятельности КрымОХРИСа и его структур на местах [5, с. 14; 6, с. 102].

В целом, решения I съезда КрымОХРИС можно оценить как промежуточные: были подведены итоги этапу первичного сохранения музейных экспозиций от разграбления и уничтожения, созданию новых учреждений, введению досоветских и вновь созданных музеев в единую сеть, не получившую, однако, ни единого центра руководства (кроме подчиненности КрымОХРИСу), ни четкого профильного распределения, ни ясной схемы финансирования. Тем не менее, основным качественным итогом работы I съезда КрымОХРИСа стоит считать закрепление за государственными органами ответственности за музейные коллекции, а также попытку формирования методических центров отдельных направлений музейного дела в автономных учреждениях (Дворец-музей тюрко-татарской культуры в Бахчисарае, Евпаторийский этнографо-археологический музей, ЦМТ).

Свидетельством окончания организационного становления новой музейной сети в регионе можно считать решения, принятые в отношении КрымОХРИСа и подведомственных ему учреждений на заседании коллегии Наркомпроса Крымской АССР 1 июля 1924 г. Протокол этого мероприятия фиксирует, что заведующий КрымОХРИСом А.И. Полканов выступил с отчетным докладом по ведомству, по которому была принята комплексная резолюция. В ней отмечалось «значительное оживление работ в КрымОХРИСе», вследствие чего доклад и производственный план профильного отдела на следующий отчетный период были утверждены. При этом коллегия контролирующего органа отмечала, что наряду с происшедшим

сдвигом в области популяризации музейного дела в Крыму, у ряда руководителей музеев отсутствует «марксистский подход» к работе. Данную проблему предлагалось решить путем обращения к академическому совещанию Наркомпроса РСФСР для создания соответствующей программы переподготовки кадров в масштабах всей страны. На местном же уровне роль разъяснительного политического мероприятия должна была сыграть очередная Крымская конференция музейных работников, запланированная на осень 1924 г. Логичным следствием готовившейся кампании политизации работы крымских музеев стало решение коллегии Наркомпроса Крымской АССР о поручении КрымОХРИСу совместно с отделом социалистического воспитания разработки конкретного плана вовлечения «пролетарской молодежи, особенно комсомольцев, в музейную работу» [1. Д. 119. Л. 98].

Решением коллегии Наркомпроса Крымской АССР от 1 июля 1924 г., имевшим наибольшее значение для музейной сети региона, стало намерение организовать комиссию «для пересмотра музейной сети в Крыму в целях возможного сокращения». Аппарат КрымОХРИСа должен был быть ограничен 75 штатными единицами, финансирование которых брал на себя Наркомпрос Крымской АССР. Также планировалось проведение «чистки личного персонала музейных работников», которые должны были осуществляться на региональном уровне комиссиями в составе представителя КрымОХРИСа, Крымского отдела Союза работников просвещения и уполномоченного КрымОХРИСа в соответствующем округе. Общий контроль этих мероприятий должен был производиться комиссией во главе с наркомом просвещения Крымской АССР или его заместителями, закончить работу комиссии, а значит, и утвердить новую концепцию музейной сети в Крыму, чиновники были должны к 1 октября 1924 г. [1. Д. 119. Л. 98–98 об.].

Стремление чиновников Наркомпроса Крымской АССР обеспечить быстрое выполнение принятых решений прослеживается и в более частных решениях коллегии 1 июля 1924 г. Так, было принято решение о необходимости усиления работы Севастопольского и Ялтинского ОХРИСов «хотя бы одним партийным музейным работником» в каждом, для обследования работы Ялтинского ОХРИСа в месячную командировку отправлялся заместитель заведующего КрымОХРИСом Я.П. Бирзгал, было высказано предложение приступить к организации в Ялтинском Восточном музее отдела революционного движения на Востоке и в Крыму среди крымских татар. Также предлагалось усилить последний музей работниками из числа крымских татар. Ключевым в намерениях Наркомпроса Крымской АССР следует считать стремление подчинить организационную и финансовую деятельность КрымОХРИСа. Аргументируя свою пози-

цию «территориальной оторванностью Охриса от аппарата НКПр» (несмотря на то, что оба учреждения располагались в Симферополе), чиновники предлагали перенести управление КрымОХРИСа в помещение Наркомата просвещения Крымской АССР, а главное – объединить финансовую часть КрымОХРИСа, Управления уполномоченных Главнауки Наркомпроса РСФСР с соответствующей частью контролирующего наркомата [1. Д. 119. Л. 98 об.]. В целом, можно констатировать, что решениями коллегии Наркомпроса Крымской АССР 1 июля 1924 г. музейная сеть в регионе была подчинена организационному и финансовому контролю государственных органов регионального уровня, в планы которых входило осуществление кампании по усилению идеологического и политического содержания в экспозиционной и популяризаторской работе музеев. Вместе с тем КрымОХРИС сохранял свою приоритетную подчиненность и оперативную связь с Главмузеем Наркомпроса РСФСР, что позволяло осуществлять профильную деятельность относительно автономно.

Отражением данных изменений в работе музейной сети Крымской АССР стали решения III Крымской конференции музейных работников, состоявшейся 16–18 сентября 1924 г. в Севастополе. Программа конференции предполагала решение следующих вопросов: в первый день было запланировано оглашение общеполитических и методологических докладов (очевидно, выполнявших роль озвученной ранее «политической переподготовки») – «О международном положении», «Наука и искусство революции» (к сожалению, имена докладчиков в тексте программы зафиксированы не были) и «Задачи востоковедения в Крыму», авторами которого были обозначены профессор, заведующий историко-этнологическим отделом ВНАВ при ВЦИК (Москва) И.Н. Бороздин и А.С. Ятманов. Во второй день конференции работу планировалось начать с заслушивания докладов с мест – от заведующих музеями, подчиненными КрымОХРИСу. Видение основных приоритетов работы профильной организации отражались в докладе заведующего КрымОХРИСом А.И. Полканова «Задачи и перспектива деятельности КрымОХРИСа», проекты совершенствования сети музеев региона были представлены в докладе профессора А.И. Маркевича, члена президиума Третьяковской галереи А.А. Мидлера и заведующего Ялтинским естественно-историческим музеем Г.Я. Россилевича «Планы музейного строительства в Крыму (сеть, типы, перегруппировки, пополнения)». Результаты деятельности музеев содержались в докладе А.С. Ятманова «Плоды музейной работы (экскурсионной, агитационно-просветительной, научной и организационной)», проблема поиска и подготовки квалифицированных специалистов была заявлена директором Херсонесского историко-археологического му-

зая, профессором ЛГУ К.Э. Гриневичем в докладе «О подготовке кадров музейных и археологических работников».

На третий день конференции рассмотренными должны были стать следующие доклады: «Охрана памятников старины и этнографии» профессоров А.П. Удаленкова (Ленинград), Б.В. Чобан-Заде и директора Дворца-музея тюрко-татарской культуры в Бахчисарае У.А. Боданинского, «Организационные вопросы по управлению и финансированию музеев», «Охрана природы», научные доклады по специальным вопросам, вопросы, вносимые членами конференции (данные о докладчиках не сохранились) [3. Д. 128. Л. 69; 4. Д. 601. Л. 21].

Резолюции III Конференции крымских музейных работников позволяют судить о масштабах вопросов и адекватности выводов, сделанных участниками конференции [2. Д. 190. Л. 58]. Так, в специальной резолюции по музейному строительству были намечены основные приоритеты работы сети. Впервые признавалось что «Крым со всеми находящимися на его территории археологическими, историко-художественными и этнографическими памятниками и природой имеет исключительное, не только общегосударственное, но и мировое научное значение», при этом специально оговаривалось что «исследование его культурно-исторического прошлого и природных богатств является главной задачей крымских музеев <...>, осуществление этой задачи возможно только путем привлечения к ее выполнению широких народных масс и сближению музейной работы с пролетарскими партийными и культурно-просветительскими организациями» [7. Л. 1].

Очередные задачи музейного строительства были сформулированы конференцией следующим образом: считалось необходимым усиление научно-исследовательской работы путем организации широкой сети краеведческих музеев или соответствующих отделов при существующих музеях; требовалось установление более тесной связи работ краеведческих музеев с хозяйственной деятельностью населения путем организации в них соответствующих производственных отделов; полезным признавалось установление более тесной связи работы музеев с партийными и культурно-просветительскими организациями; указывалось на необходимость установления тесного контакта с центральными научными и музейными учреждениями; концентрацию художественных коллекций, ввиду их слабости и распыленности, предполагалось осуществлять в ограниченном круге музеев с доведением их до «надлежащей высоты музейных требований», для этого планировалось ходатайствовать об изъятии фондов ряда местных или небольших по составу коллекций музеев [7. Л. 1].

Таким образом, единым эффективным органом управления музейными учреждениями РСФСР, в том числе – Крымской АССР, был музейный отдел Главнауки Наркомпроса РСФСР, который обладал всей полнотой полномочий относительно распорядительной, плановой, учетной и отчетной деятельности крымских музеев. Положение крымских музеев, их материальные нужды в годы после окончания Гражданской войны были предметом постоянного интереса руководства музейного отдела Главнауки Наркомпроса РСФСР, который в своих решениях определял особый качественный статус памятников и музейных экспонатов региона.

Список литературы

1. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. А-2307. Оп. 9.
2. ГАРФ. Ф. А-2307. Оп. 10.
3. Государственный архив в Автономной республике Крым (ГА АРК). Ф. Р-138. Оп. 1.
4. ГА АРК. Ф. Р-652. Оп. 1.
5. Отчет Первого съезда Крымского областного комитета по делам музеев и охране памятников искусства, старины, природы и народного быта (КрымОХ-РИС) в г. Севастополе, 5–9 окт. 1922 г. – Бахчисарай, 1922.
6. Полканов А. И. История музейного дела и охраны памятников культуры за десять лет Советской власти в Крыму // ИТОИАиЭ. – Симферополь, 1930. – № 4. – С. 96–105.
7. Центральный муниципальный архив Москвы. Ф. 1. Оп. 1. Д. 523.
8. Хлівнюк О. В. Кримський відділ у справах музеїв і охорони пам'яток мистецтва, старовини, природи, й народного побуту та пам'яткоохоронна робота (1920–1927) // Питання історії науки і техніки. – 2007. – № 3/4. – С. 47–62.

**Материаловедческий комплекс Украины:
страницы истории Института электросварки им. Е.О. Патона
Академии наук Украинской ССР (1960–1980-е гг.)**

В статье анализируются особенности организации фундаментальных и прикладных исследований в Институте электросварки им. Е.О. Патона Академии наук Украинской ССР в позднесоветский период.

The article analyzes the characteristics of the organization of fundamental and applied research at the Institute of Electric Welding named after E.O. Paton of Academy of Sciences of the Ukrainian SSR in the late Soviet period.

Ключевые слова: институт, ученый, исследование, сварка, технология, процесс, производство, металл.

Key words: institute, academic, research, welding, process, manufacturing, technology, metal.

Созданный в 1934 г. Институт электросварки (ИЭС) Академии наук Украины (с 1945 г. им. Е.О. Патона), в рамках исследуемого периода стал крупнейшим в мире научно-техническим комплексом (НТК). С середины XX в. здесь интенсивно изучались свойства металлургических процессов: специальной электрометаллургии; методов создания и обработки металлических конструкций; изготовления высококачественных металлов. По изучению этих взаимосвязанных научно-технических направлений академическое учреждение являлось ведущим в Советском Союзе.

В 1954 г. в ИЭС под руководством Б.С. Касаткина начались разработки методики исследования структуры электросварочных соединений с помощью электронной микроскопии и рентгеноструктурного анализа. В 1959 г. он возглавил отдел сварки ферритных и перлитных сталей. Здесь решались комплексные вопросы исследования физико-механических свойств сварных соединений, создания новых сварочных материалов и технологий сварки теплоустойчивых сталей для изготовления конструкций энергетического машиностроения [6, с. 88].

В 1960-е гг. впервые в мире сотрудниками института было создано несколько технологий соединения металлов для отраслей ракетостроения и энергетики, в том числе и атомной. Развитие авиационной и ракетно-космической техники, электроэнергетики, электроники определило направления в совершенствовании спосо-

бов изготовления конструкций с использованием сварки, пайки и родственных технологий. Благодаря этим технологиям специалистам удалось создать рациональные конструкции, работающие в экстремальных условиях [3, с. 60].

В 1962–1965 гг. учеными ИЭС был выполнен ряд теоретических работ по сварке сталей ферритно-аустенитного класса: установлены закономерности изменений физико-механических и коррозионных свойств сварного соединения с многокомпонентным фазовым составом. Это стало основой для разработки оригинальных систем экономно легированных никелем сталей и швов, создания сварочных материалов и процессов для широкого их применения в химическом машиностроении. Комплексные работы выполнялись в сотрудничестве с ВНИИ Криогенмаш им. И.П. Бардина, Челябинским металлургическим комбинатом (Челябинск), Уралмашем (Свердловск), Спецмонтажем (Байконур), предприятиями «Днепроспецсталь», «Новокраматорский машиностроительный завод», Ижорским заводом тяжелого машиностроения и другими предприятиями СССР. Результатом творческого сотрудничества стало решение проблемы оптимизации состава стали и металла шва, исходя из требований высокой удельной прочности, устойчивости против хрупкости при различных условиях нагрузки в интервале от 4,2 до 293 К, в том числе в сильных магнитных полях, радиационном облучении, при термоударе. Исследования позволили создать гамму принципиально новых хорошо свариваемых сталей для криогенной техники, сварочных материалов и технологических процессов соединения. Впервые в мировой практике на Челябинском металлургическом комбинате начался процесс производства в дуговых 100-тонных печах холодостойких нержавеющей сталей со сверхнизким содержанием углерода. Это стало основой для разработки нового научного направления – сварочного криогенного материаловедения [8, с. 58].

В 1966 г. украинскими учеными Б.Е. Патонем, Н.В. Подолой, В.Е. Моравским были разработаны способы создания систем управления ускоренными сварочными процессами, сформулированы основные условия, которым должны удовлетворять системы управления процессом точечной микросварки, разработаны принципы построения систем управления точечной сваркой, саморегулирующиеся в зависимости от толщины металла. Был предложен метод управления процессом стыковой сварки, основанный на приближительной аппроксимации мгновенного распределения температур в металле. Тогда же Д.М. Рабкиним и С.М. Гуревичем была изучена физико-химическая природа сварки разнородных цветных и тугоплавких металлов как между собой, так и со сталями. Созданы методы сварки плавлением алюминиевых сплавов со сталью и

алюминия с медью. Разработан диффузный способ получения биметаллических деталей для конструкций из титана, ниобия и стали [11, с. 72–75].

Д.А. Дудко был проведен комплекс исследований по развитию электрошлаковых технологий с применением порошковой проволоки по сварке в ракетостроении, электронике, энергетике и ряде других отраслей промышленности. При его участии были разработаны оборудование и технология плазменной сварки переменным током, использованные при производстве конструкций из высокопрочных алюминиевых сплавов, микроплазменная импульсно-дуговая сварка. Исследования дуговых процессов в вакууме привели к созданию двух из трех основных технологий, исследованных в космосе в 1969 г. на установке «Вулкан». За эту разработку группа сотрудников ИЭС во главе с Д.А. Дудко была удостоена Государственной премии УССР [7, с. 66].

В 1974 г. учеными ИЭС была разработана новая технология сварки многослойных труб большого диаметра высокого давления для обеспечения потребностей нефтегазовой промышленности страны: увеличение пропускной способности магистральных трубопроводов для транспортировки нефти и газа за счет существенного повышения рабочего давления; повышение надежности, устойчивости многослойных труб против хрупкого разрушения при их производстве; использование для производства сварочных многослойных труб толщиной 3–4 мм и увеличение за счет этого их прочности при том же химическом составе, а также снижение общей толщины стенок труб и существенной экономии металла; строительство магистральных нефте- и газопроводов из сварочных многослойных труб в сложных климатических районах севера страны. В 1976–1977 гг. на Харцызском трубном заводе был построен исследовательский участок производства с годовым выпуском 40–45 км труб диаметра 1420 мм. Исследования сварочных многослойных труб были проведены в северных районах Томской области [15. Ф.Р-2. Оп. 13. Д. 9065. Л. 14–15].

За этот же период сотрудники ИЭС совместно с производственниками в рамках программы «Наука – производству» на предприятиях Киева внедрили 34 разработки с экономическим эффектом 33 млн р., создали шесть образцовых участков и лабораторий по сварке и спецэлектрометаллургии. На предприятиях «Большевик», им. Горького, им. Дзержинского были организованы школы по передаче опыта электрошлаковой технологии для специалистов Советского Союза [4. Ф. П 1. Оп. 59. Д. 4. Л. 117–118].

Немало технологий по повышению производительности труда и качества сварочных работ на выпуске цистерн учеными ИЭС было предложено для производственников объединения «Ждановтяж-

маш». В 1976–1980 гг. по новому методу электрошлаковой технологии изготовили уникальную сварную заготовку рабочего вала толстолистового стана горячей прокатки «4500» для завода им. Ильича. Завершили разработку и освоили технологический процесс механизированной сварки плавящимся электродом в инертных газах узлов и элементов котлов железнодорожных цистерн из технического алюминия. Осуществлены монтаж, пусконаладочные работы на агрегатах электронно-лучевой сварки. По новой технологии было изготовлено 100 т двухслойных слитков-слябов с антикоррозийным покрытием и внедрили биметаллический прокат при изготовлении опытных цистерн [1, с. 3].

Практическим результатом фундаментальных и прикладных исследований стала разработка С.И. Кучуком-Яценко новых способов контактной сварки непрерывным, импульсным, пульсирующим оплавлением, запатентованных в ведущих странах мира. На их основе были созданы технологии сварки различных деталей, системы управления и новые образцы сварочного оборудования. Оборудование обладало высокой производительностью, имело небольшую массу, минимально потребляло мощности, обеспечивало стабильное и высокое качество соединений. Эти преимущества были наиболее значимы при сварке деталей сложной конфигурации с большими поперечными сечениями. Фундаментальные исследования, проведенные С.И. Кучуком-Яценко сопровождались разработкой уникальных технологий сварки, автоматического и компьютеризированного управления процессом сварки, созданием современного сварочного оборудования [14, с. 69].

Благодаря технологии и оборудованию для сварки рельсов, разработанных С.И. Кучук-Яценко, В.К. Лебедевым, В.А. Сахаровым и С.А. Солодовниковым, впервые в мировой практике железные дороги были переведены на бесстыковые пути. Серийное производство оборудования осуществлено на Каховском заводе электросварочного оборудования. С начала 1970-х гг. здесь было создано более десяти поколений рельсосварочных машин, используемых в странах СЭВ и других странах мира. За разработку и внедрение машины для стыковой сварки пути при ремонте и строительстве железнодорожных путей авторам была присуждена Ленинская премия [14, с. 70].

Внедрение технологии многопозиционной контактной сварки крупногабаритных деталей одновременно в нескольких местах на линии производства картеров блоков мощных дизелей на Коломенском тепловозостроительном заводе позволило повысить производительность труда в 70 раз и освободить 380 сварщиков. Это уникальное оборудование использовалось при производстве космической техники на предприятиях Украины и Российской Федерации. В 1989 г. коллектив разработчиков, которыми руководил С.И. Кучук-

Яценко, за создание технологии, системы управления и оборудования для контактной стыковой сварки труб диаметром от 60 до 1400 мм был удостоен очередной награды – Ленинской премии СССР. Внедрение технологии было осуществлено при прокладке трубопроводов на территории СССР. По этой технологии сварено более 70 тыс. км различных трубопроводов, в том числе 4 тыс. в районах Крайнего Севера [14, с. 70].

В 1978 г. в ИЭС был создан отдел физики газового разряда и физики плазмы, его возглавил В.С. Гвоздецкий. Здесь были продолжены начатые в начале 1960-х гг. исследования сварки малоамперной сжатой дугой, разработаны основы способа микроплазменной сварки металлов малой толщины. В ходе решения этой задачи был выполнен ряд фундаментальных исследований в области физики дугового разряда: развита теория термо-автоэлектронной эмиссии с учетом полей индивидуальных ионов, разработана теория сжатой дуги, горящей в различных средах, проведены теоретические и экспериментальные исследования катодных процессов сварочной дуги и определены условия стабильного горения малоамперной дуги с холодным катодом. И, как следствие, разработан целый ряд способов микроплазменной сварки различных металлов, в том числе алюминия и его сплавов, созданы новые оригинальные источники питания с применением тиристорных коммутаторов загрузки сварочного тока и малогабаритные плазмотроны для микроплазменной сварки постоянным и переменным током, а также в импульсном режиме. В последующем под руководством В.С. Гвоздецкого были разработаны оригинальные электрические схемы тиристорных инвесторов сварочного тока и созданы малогабаритные инвесторы источника питания для сварки дугой высокочастотного модулированного тока в широком диапазоне сварочных токов. Плазменная сварка высокочастотным модулированным током в 1980-е гг. была широко внедрена на предприятиях Мингазпрома СССР для ремонта и восстановления узлов и деталей газоперекачивающих агрегатов [2, с. 62].

Учеными ИЭС был выполнен цикл работ по оценке конструкционной прочности сварных соединений при криогенных температурах. Теоретические исследования стали основой для разработки норм и методов расчета, принятых в Украине, России, других странах при проектировании криогенных конструкций нового типа, в которых используется низкотемпературное упрочнение металла. Более 50 запатентованных марок сталей, сварочных проволок, электродов, флюсов реализовано в таких крупных проектах, как «Буран», «Токамак-7». Новые стали и материалы, а также технологические процессы включены, как возможные, при создании

международного термоядерного реактора «Итера» и стеллатора [8, с. 58]).

Широкое признание в мире получили подготовленные в ИЭС в 1980-е гг. труды Л.М. Лобанова, касающиеся разработки методов оптического моделирования, голографической интерферометрии, электронной спектр-интерферометрии и широкографии для исследования напряженного состояния и контроля качества сварных соединений в конструкциях из металлических, композиционных и полимерных материалов. Были разработаны методологические подходы и созданы приборы, которые имели высокую точность и информативность и применялись в научно-исследовательских организациях на предприятиях Украины, стран СЭВ, Китая, Южной Кореи. Л.М. Лобановым и его учениками также были разработаны способы и средства устранения сварочных деформаций и напряжений, использованные при создании комплекса «Энергия-Буран» [10, с. 61].

Интенсификация промышленного производства, увеличение его масштабов вносили коррективы в планирование организации НИР ИЭС. Заказ производителей вынудил его ученых включиться в разработку и внедрение автоматических и полуавтоматических установок с программным управлением для массового восстановления и производства деталей плазменным напылением и создать типовые технологические процессы для изделий типа «вал». Одновременно с этим были разработаны основные типы оборудования для массового производства и восстановления деталей с плазменными покрытиями [15. Ф. Р-2. Оп. 14. Д. 8018. Л. 169].

В 1985 г. в ИЭС работало 40% докторов и 20 % кандидатов наук всего СССР, занятых в области электросварки. Это позволило академическому учреждению стать НТК, структура которого и соответствующая система управления обеспечивали высокую степень завершенности исследований, значительное, в несколько раз, сокращение цикла «научная идея – производство». На базе института успешно функционировал Координационный центр стран – членов Совета Экономической Взаимопомощи по проблеме сварки. Он осуществлял широкомасштабное научно-техническое сотрудничество с многочисленными организациями, научно-техническими комплексами и фирмами капиталистических и развивающихся стран. Институт ежегодно посещали 800–1000 иностранных ученых и специалистов [15. Ф.Р-2, Оп. 15. Д. 116. Л. 61].

С 1985 г. характерным для ИЭС стало расширение космической тематики. Его ученые являлись участниками комплексного эксперимента в открытом космосе по раскрытию 12-метровой фермовой конструкции. Эксперимент сопровождался сваркой и пайкой отдельных ее узлов с помощью «УРИ». Также были раскрыты две

15-метровые фермовые конструкции, являвшиеся несущей основой многократных солнечных батарей технологического модуля, состыкованных с орбитальной станцией «МИР» [9, с. 31].

В 1986 г. на опытном заводе спецэлектрометаллургии ИЭС был введен в действие новый цех по производству печатных плат методом ионно-плазменного напыления. На предприятии были задействованы новые мощности по производству комплексного сварочного оборудования [15. Ф. Р-2. Оп. 15. Д. 116. Л. 72].

По теме «Конструкционные материалы для новой техники» Б.Е. Патон, В.Е. Складчиков, М.В. Шевелевым и А.И. Буненком в 1987 г. были выполнены экспериментальные и теоретические исследования взаимодействия гиротрона с различными неметаллическими веществами. На этой основе разработаны оригинальные и эффективные технологические процессы нанесения керамических и полимерных покрытий [12, с. 57].

В следующем году Б.И. Медоваром, В.И. Усом, Н.Б. Пивоварским были разработаны теоретические основы локализации лавинных разрушений в магистральных газопроводах высокого давления на стенке трубы фрагментированной микроструктуры, созданы и успешно испытаны гасители вязких трещин третьего поколения принципиально новой конструкции с фрагментированным внутренним построением [13, с. 59].

В таблице отражены сведения о количестве внедренных работ, поданных заявок, полученных решений, использованных и запатентованных изобретений, получении патентов, подписании лицензионных соглашений ИЭС им. Е.О.Патона за 1986–1990 гг. [5, с. 96, 116–117].

Количество внедренных работ		Количество поданных заявок на изобретения /получено решений/, использовано изобретений/ запатентовано, получено патентов, подписано лицензий		
		Подано заявок, получено решений, использовано, запатентовано изобретений	Получено патентов	Подписано лицензионных соглашений
1990 г.	1986–1990 гг.	1986–1990		
137	750	297/248/316/7	42	5

Таким образом, гарантом результативной работы ИЭС им. Е.О. Патона в 1960–1980-е гг. стала стратегия единения фундаментальных и прикладных исследований по обеспечению конкретного социально-экономического эффекта. Масштабность и

социальная значимость научно-технической деятельности ученых академического материаловедческого комплекса Украины диктовалась острой необходимостью обеспечения потребностей единого народнохозяйственного комплекса Советского Союза.

Список литературы

1. Бернадский В.М., Илюшенко В.Н. В обстановке творческого подъема // Вестн. Акад. наук Украинской ССР. – 1981. – № 2. – С. 3–4.
2. В.С. Гвоздецкому – 80 // Автоматическая сварка. – 2010. – № 9. – С. 62.
3. Выдающийся ученый и популяризатор науки. (К 100-летию со дня рожд. М.В. Келдыша) // Автоматическая сварка. – 2011. – № 3(695). – С. 60–61.
4. Государственный архив Киевской области. Фонд Киевского горкома Компартии Украины.
5. Звіт про діяльність Академії наук Української РСР у 1990 році: у 2-х ч. Ч. 2. – К., 1989.
6. К 90-летию со дня рождения Б.С. Касаткина // Автоматическая сварка. – 2009. – №11. – С. 88–89.
7. К 90-летию со дня рождения Д.А. Дудко // Автоматическая сварка. – 2011. – № 7. – С. 66–67.
8. К.А. Ющенко – 75 // Автоматическая сварка. – 2010. – № 12. – С. 58–59.
9. Лобанов В. Эффект высоких технологий: Институту электросварки им. Е.О. Патона – 70 лет // Вестн. НАН Украины. – 2004. – № 9. – С. 28–35.
10. Л.М. Лобанову – 80 // Автоматическая сварка. – 2010. – № 9. – С. 61.
11. Отчет Академии наук Украинской ССР в 1966 г. – К., 1967.
12. Отчет деятельности Академии наук Украинской ССР в 1987 г.: в 2-х ч. Ч. 1. – К., 1988.
13. Отчет деятельности Академии наук Украинской ССР в 1988 г.: в 2-х ч. Ч. 1. – К., 1989.
14. С.И. Кучук-Яценко – 80 // Автоматическая сварка. – 2010. – № 8. – С. 69–70.
15. Центральный государственный архив высших органов власти и управления в Украине. Фонд Совета Министров Украинской ССР.

ЛИЧНОСТЬ В ИСТОРИИ

УДК 94(47).066:930(47)

М.Б. Свердлов

Екатерина II как историк

В статье рассмотрены политические взгляды и творческое наследие императрицы Екатерины II (1762–1796) как историка. Выявлено историографическое значение исторических трудов императрицы, в частности ее знаменитых «Записок касательно российской истории».

The article discusses the views and work of the Empress Catherine II (1762 – 1796) as a historian. The author identifies the historiographical importance of the historical works of the Empress, in particular, her famous "Notes on Russian history".

Ключевые слова: Екатерина II, история, периодизация, историк, историография, идеология, «Записки касательно российской истории».

Key words: Catherine II, history, periodization, historian, historiography, ideology, "Notes on Russian history".

Системному изучению трудов Екатерины II, как историка, постоянно препятствовал ее статус императрицы. При консервативном николаевском режиме А.В. Старчевский восторженно писал: «Императрица Екатерина II должна также занять славное место в числе русских историков» [18, с. 230–241]. Позднее исследователи отмечали широкий круг ее интересов в российской истории, ее особое внимание к разным по происхождению историческим источникам, научной литературе по этой теме [7, с. 327–341; 1, с. 824–825; 11, с. 170–202].

В эпоху либеральных реформ Александра II демократ Н.А. Добролюбов обратил особое внимание на политизированность творчества Екатерины как историка, имея в виду ее стремление во все более сложных общественно-политических обстоятельствах европейской жизни 1780-х гг., завершившихся Великой французской революцией, «наблюдать за правильным ходом развития понятий нашего общества». Он отметил в екатерининских «Записках касательно Российской истории» задачу государственного значения и привел слова императрицы: «<...> по крайней мере, ни нация, ни государство в оных не унижено». Добролюбов указал на назначение «Записок» в идейной борьбе: «искусным и подробным изображением древних доблестей русского народа и блестящих судеб его уро-

нить те клеветы, которые взводили на Россию тогдашние иностранные писатели». В подцензурной печати своего времени Добролюбов написал о приемах, которыми руководствовался автор «Записок» для достижения своей цели: он «умел набросить на все темные явления русской жизни и истории какой-то светлый, даже отрадный колорит», «с особым искусством обходит он многие несправедливые деяния князей или старается придать им вид законности не только по понятиям того времени, но и перед судом новых воззрений» [2, с. 20, 22].

Многие историки, начиная с С.М. Соловьева, не уделяли внимания екатерининским «Запискам», относя их, видимо, к жанру литературы, а не истории. Вероятно, они не считали возможным в царствование российских самодержцев критически анализировать труд императрицы. Впрочем, В.С. Иконников подчеркивал, что «Записки» были предназначены для российского юношества. По его наблюдениям, Екатерина «прибегала к помощи истории» для объяснения новейших «политических обстоятельств». По мнению Иконникова, она «широко открывала двери» учению славянофилов [3].

В отличие от предшественников и современников В.О. Ключевский отметил в «Записках» «цель ученую и педагогическую». В целях педагогического назначения отечественной истории – «добро творить и зла остерегаться», необходимость знания истории «иностранной», а также совершение историей «своего суда». Научное содержание «Записок», по Ключевскому, в том, что их периодизация русской истории на пять эпох, утверждение единства исторического процесса, «одинаковых идей и страстей» человечества, лишь «видоизменявшихся» «под влиянием местных особенностей». Так что следовало только «уловить умоначертание каждого века». Такие идеи, подчеркнул Ключевский, были продолжены позднее в русской историографии [4, с. 421–422].

В советский период исследователи либо по-прежнему не учитывали исторические сочинения Екатерины II как факт историографии, либо отмечали их политизированность. При этом обязательной считалась критика ее как императрицы в соответствии с официальными требованиями советского периода. Поэтому, обобщая наблюдения предшественников и свои собственные, С.Л. Пештич пришел к двойственным выводам относительно работ Екатерины-историка. По его мнению, в опубликованном в 1770 г. екатерининском «Антидоте» содержатся «элементы научности» – «признание общности развития России и Европы». Этот вывод он соотнес с написанием «Антидота» в период «просвещенного абсолютизма». «Записки» же появились «во время усиления дворянской реакции после восстания Пугачева и событий, предшествовавших французской революции»,

поэтому они – «заведомая фальсификация всей русской истории» [9, с. 260–264].

Во всех ранее отмеченных работах обращает внимание то, что дореволюционные исследователи недооценивали общественно-политический контекст, в котором Екатериной II создавались исторические произведения, тогда как в советский период этот контекст, а также анализ ее исторических произведений в значительной мере идеологизировался. К тому же мало учитывались характеристики Екатериной собственных работ и исторических сочинений других авторов. Поэтому необходимо продолжить анализ творчества Екатерины II как историка, уточнение и большую конкретизацию ее суждений.

Еще в 60-е гг., прежде всего в «Наказе Комиссии о сочинении проекта нового уложения» (1767) и в «Антидоте» (1770), написанном в опровержение критических по отношению к России замечаний французского астронома аббата Шаппа д'Отроша (1768), Екатерина сформулировала концепцию европейской принадлежности России. Сравнивая социальную и политическую историю России и других европейских стран, прежде всего Франции, она пришла к выводу о том, что в России происходили те же исторические процессы в средние века, что и в государствах Западной Европы. Эти совпадения заключались, по ее наблюдениям, в близости темпов и содержания исторических процессов, включая тождество феодалов и помещиков, королевских апанажей и княжеских уделов.

Такие выводы продолжили просветительскую концепцию единства исторического прогресса, а также идейное содержание преобразований Петра Великого, в результате которых Россия стала могущественной европейской державой. Эти выводы Екатерины стали историко-идеологическим обоснованием ее реформ и должны были утверждать принадлежность России к единому европейскому историческому и культурному пространству [16, с. 22–24].

1783–1784 гг., когда были опубликованы «Записки», стали временем стабильности внутреннего и внешнеполитического состояния Российской империи. Тревоги, относившиеся к восстанию пугачевцев, миновали, а новые заботы, относившиеся к русско-турецкой войне 1787–1791 гг., русско-шведской войне 1788–1790 гг., Великой французской революции 1789 г. и распространению ее идей, еще не начались. Время Екатерины II было занято тогда рутинным управлением огромной империей. Такой ситуацией относительно затишья она воспользовалась для активной внешней политики (присоединение Крыма к России и заключение Георгиевского договора с грузинским царем Ираклием II о российском покровительстве). Внутренняя политика была сосредоточена на законодательной регламентации социальных отношений: жалованные грамоты дво-

рянству и городам (1785). Была начата реформа образования (1786). В 1782 г. Екатерина именным указом Адмиралтейской коллегии напомнила свои предшествующие распоряжения о максимальном ограничении применения пыток [10, № 15313]. В это время императрица обратила внимание также на состояние гуманитарных наук. Именным указом 30 сентября 1783 г. она утвердила проект княгини Е.Р. Дашковой об учреждении Российской академии. Ее задачами стало написание «Российской грамматики, Российского словаря, Риторики и правил стихотворения» [10, № 15839].

В том же году именным указом 4 декабря граф А.П. Шувалов был назначен руководителем «нескольких человек, коих совокупные труды составили бы полезные записки о древней истории, наипаче же касающейся до России». В соответствии с этим распоряжением «прилежность и точность» должны были быть предпочтены «остроумию», т. е. аналитическим возможностям, тогда как «слог» будущего произведения должен был быть «простой, краткий и ясный». Понимание неудовлетворительного изучения древнейшей истории Руси отразилось также в именном указе 4 декабря 1783 г. Екатерина предложила в нем будущей группе историков изучать не только древнюю российскую историю, но также историю западных и восточных стран.

О большом значении, которое придавалось Екатериной осуществлению этого плана, свидетельствует его поручение А.П. Шувалову. Он был великолепно образован, хорошо знаком с Ф.М. Вольтером и находился с ним в переписке, являлся поклонником творчества М.В. Ломоносова. В 1782–1786 гг. Шувалов пользовался полным доверием императрицы и был осыпан ее милостями – высокими наградами и должностями. Впрочем, работа созданной по решению императрицы «комиссии для составления записок о древней истории, преимущественно России» во главе с Шуваловым оказалась неудачной [5, с. 241–290]. Она лишь обратила внимание на актуальность продолжения изысканий, касающихся истории России.

Одновременно Екатерина решила сама написать обобщающий труд по истории России. Почти двадцатью годами ранее в письме к Вольтеру, датированном 11/22 августа 1765 г., Екатерина откровенно написала о себе: «Мой девиз – пчела, летающая с одного растения на другое и собирающая мед для отнесения в улей с надписью: "Полезное"» [8, с. 7]. Эта склонность к компилятивности чужих мнений, впрочем, очень достойных авторов, вскоре проявилась в полной мере в «Наказе» Уложенной комиссии.

В обстоятельствах мирных, но идейно напряженных 1783–1784 гг., когда впервые были изданы «Записки», Екатерина сформулировала свое понимание истории как науки и как конкретного содержания истории российской. К этому времени она прочла летописи, ознакоми-

лась с существовавшей тогда исторической литературой, самостоятельно и с помощниками собрала значительные материалы. Но поскольку у Екатерины не было возможности и, вероятно, желания заниматься историческими исследованиями профессионально, эти источники и литература стали для нее материалом для выражения своего отношения к историческому процессу в России. При изложении этих своих наблюдений она проявляла талант не исследователя, а политика, который синтезирует и переосмысляет чужие выводы.

В то же время Екатерина, которая работала над еще неопубликованными «Записками», характеризовала их в письме М. Гримму от 19 апреля 1783 г. как сочинение популярное, предназначенное для библиотеки ее внуков Александра и Константина, которым было тогда соответственно шесть лет и четыре года. Но здесь же она обозначила свое сочинение как произведение идеологическое и политическое, которое должно было стать «противоядием» против «негодяев, которые унижают историю России». Именно чувством патриотизма объяснила императрица Гримму успех своих «Записок», частично уже опубликованных в «Собеседнике»: их «<...> считают наиболее сносным сочинением, до сих пор опубликованным, и в нем находят устремление к [славе] отечества, которое согревает чувство» [12, с. 286].

В письме к Гримму, датированном 3 марта 1783 г., до начала публикации «Записок», Екатерина указала, что делит российскую историю «на пять эпох», в чем узнается выделение такого же числа периодов А.Л. Шлёцером в 1760-е гг. Впрочем, шлёцеровские характеристики этих периодов были описательными: 1) Россия рождающаяся, 2) разделенная, 3) угнетенная, 4) победоносная, 5) процветающая [19, с. 43–88, 91]. Такая периодизация в 80-е гг. уже не соответствовала уровню исторической науки, и Екатерина насытила основные периоды российской истории конкретным историческим содержанием.

Начало «первой эпохи» российской истории Екатерина отнесла к V в. н. э., но ее основное содержание связывала, в частности, с легендарным основанием Новгорода славянами, которые, преследуемые врагами на Дунае, пришли на эти земли.

«Вторую эпоху» она датировала (в письме от 3 марта 1783 г.) 862 г. – серединой XII в. [12, с. 268, 273]. В данном случае она поступила подобно В.Н. Татищеву и М.В. Ломоносову, которые выделяли период второй половины IX – первой половины XII в. как время княжеского единовластия – «монархии» (Татищев) или «самодержавства» (Ломоносов). Последующую историю российской государственности Ломоносов характеризовал разделением «на разные

княжения и на вольные города, некоторым образом гражданскую власть составляющим» [15, с. 501–503].

Работая над историей России «второй эпохи», Екатерина сообщила Гримму приблизительный план обобщений, которые собиралась сделать по «второй эпохе»: «1) Замечательные перевороты (revolutions)¹. 2) Последовательные изменения в порядке вещей. 3) О населении и о финансах. 4) Договоры и документы. 5) Примеры устремления (du zèle) или небрежения правителей и их последствия. 6) Замечания о том, что можно было бы избежать. 7) Примеры храбрости и других выдающихся добродетелей. 8) Черты пороков, таких как жестокость, неблагодарность, невоздержанность и т. д. и их последствия» [12, с. 292]. Здесь ясно прослеживается накопленный императрицей опыт ее предшественников и ее собственный: в первых трех пунктах – Ф.М. Вольтера, в четвертом и пятом – М.М. Щербатова, в шестом – характерное для любителей стремление рассуждать о возможных вариантах развития исторических событий, в седьмом и восьмом – свойственное принципам Просвещения внимание к нравам, к их зависимости от своего времени, а также влияние древнего дидактического утверждения – «история – учительница жизни».

Последующие третий, четвертый и пятый периоды представляли для нее тогда меньший интерес, так что она лишь обозначила их основное содержание: «пришествие» и «изгнание» ордынцев-татар, смена династии Рюриковичей Романовыми.

Утверждая особое значение славян и Руси в древнейший период их истории, Екатерина писала Гримму на уровне созвучий и народной этимологии о славянском происхождении многих западноевропейских имен, названий географических и этнических в странах Западной Европы, Индии, Америки, а также халдейцев, древнеегипетского Осириса, скифов, скандинавского бога Одина, салических франков, франкских королей Хильперика, Хлодвига, всей династии Меровингов, вандалских королей Испании и т. д. [12, с. 294, 318, 323–326]. Впрочем, увлечение Екатериной сопоставлением слов из разных по происхождению групп языков было распространено в XVIII в. и свойственно догумбольтовскому периоду в языкознании. Оно восходило к идеям Г.В. Лейбница (1646–1716) [6, с. 45–49].

В то же время для доказательства равного положения Руси среди европейских государств Екатерина обоснованно приводила Гримму сведения о династических связях Владимира Святого с правящими домами государств Западной и Центральной Европы, а

---

¹ Здесь и далее в цитатах в скобках приведены французские слова, использованные Екатериной, для более точного понимания того, какой смысл она вкладывала в свои тексты.

также Византии, о древнерусском происхождении Полоцка, о его последующем вхождении в состав Литвы и Польши, о войнах России за Полоцк [12, с. 271, 620–621]. Последняя тема была политически актуальна в связи с присоединением к России белорусских земель в соответствии с так называемым первым разделом Польши (1772).

В условиях русско-турецкой (1787–1791) и русско-шведской (1788–1790) войн, изменений в Европе под влиянием французской революции Екатерина II стала выражать свое отношение к российской истории и к историкам откровенно, учитывая значимость истории в общественно-политической жизни страны. Как она писала Г.А. Потемкину 14 мая 1790 г., «вся жизнь моя была употреблена на поддержание блеска России, и потому не удивительно, что наносимые ей оскорбления и обиды я не могу терпеть в молчании и их скрывать, как это мы делали доньше, ради минутной осторожности, того требовавшей; но, весьма часто подавляя в себе подобные чувства внутреннего злопамятства, мы их тем более усиливаем» [13, с. 80].

В черновике письма от 4 октября 1790 г. российскому резиденту в Венеции А. Мордвинову Екатерина сообщила о предложении эмигрировавшего из революционной Франции значительного чиновника Сенака де Мельяна написать книгу об истории России XVIII столетия. В данной связи она конкретизировала свою концепцию единства исторического развития России и других европейских стран, обратив особое внимание на недостатки западной «Россики» своего времени. Как писала Екатерина, «необходимо, чтобы я была уверена в том, что тот, кто возьмет на себя этот труд, отказался от тех предрассудков, которыми страдало большинство иностранцев по отношению к России; например, они видят в черном свете все, что ее касается, нимало не принимая в расчет того, что происходило в то же самое время в других странах; утверждают, что эта империя до Петра I не имела ни законов, ни управления (*administration*), тогда как в действительности было наоборот. Правда, что смута (*les troubles*), которая произошла после смерти царя Ивана Васильевича, отодвинула Россию на 40–50 лет назад, но до этого времени она почти сравнилась со всею Европой. Те усилия, которые она сделала для соединения и освобождения своих территорий (*provinces*) от нашествия (*l'invasion*) татар – эпоха в ее истории совершенно неизвестная. До этого нашествия (*invasion*) великие князья принимали самое значимое участие (*la part la plus marquée*) в делах Европы и состояли в союзе и в родстве со всеми царствующими домами нашего полушария; несколько раз они содействовали сохранению того или другого короля или императора, интересы которых они брали на себя». В таком изложении исторического процесса Екатерина обращала особое внимание на его единство: «<...> я настолько люблю

древность и в ней одной выуживаю (je pêche) причины результатов последующих веков» [13, с. 173].

К изложению истории своего царствования в предполагаемом историческом труде де Мельяна Екатерина отнеслась не без иронии: «Что же касается до частной истории моего царствования, то относительно истории монархов, написанной во время их жизни, я совершенно придерживаюсь того же мнения, как относительно монументов, которые им ставят прежде смерти их: неизвестно – будет ли это украшение города (только произведение искусства, лишенное внутреннего содержания. – М.С.) или заслуженный памятник».

Екатерина жестко сформулировала идеологическую направленность любого исследования, которое в конкретных европейских обстоятельствах октября 1790 г. касалось истории России: «<...> история или записки, могущие служить материалом истории России, предпринятой с моего одобрения и согласия, могут принять только такую внешнюю форму и направление, которые бы проистекали из наибольшей славы государства и служили бы потомству для соревнования и повторения (servit à la postérité d'émulation et de miroir). Всякая другая, менее блестящая форма была бы ему вредна, потому что мы живем в такое время, когда, далеко не умаляя блеска деяний и событий, следует скорее поддерживать умы, ободрять их и направлять к той возвышенности настроения, которое приводит к великим делам; ведь, конечно, не склонность же к абсолютному равенству состояний (имеются в виду принципы французской революции и первая фраза «Декларации прав человека и гражданина»: «Люди рождаются и остаются свободными и равными в правах» – М.С.), производящему анархию, которая обурекает в настоящее время Францию, их произведет».

Далее императрица практично и не без цинизма определила политическую позицию автора будущего сочинения о России XVIII в.: «По справкам оказывается, что г. де Мельян вовсе не заражен той системой, которая господствует в настоящее время во Франции». Ей только неясно, будет ли он управляемым в своих разысканиях. Поэтому она обратилась к А. Мордвинову с просьбой установить: «Достаточно ли он сговорчив, чтоб позволить управлять собою в такой важной работе, как та, которую он хочет предпринять» [13, с. 114–116].

Такой практичный подход к определению соответствия взглядов историка идейным установкам императрицы разъясняет ее характеристики предшественников и современников.

В черновике письма де Мельяну, датированном июнем 1791 г., Екатерина допускала, что «препятствия для написания истории страны, языка которой вовсе не знаешь, очень велики, и кроме того требуют также перевода всех потребных к тому материалов». По-

этому она обратила его особое внимание на уже опубликованные труды Татищева и Щербатова. При этом Екатерина с пониманием относилась к зарубежным историкам: «Всякому иностранцу, пишущему о России, неизвестны старинный образ жизни и обычаи, и вследствие этого он часто и часто будет ошибаться, если не будет постоянно настороже против своих собственных предубеждений» [13, с. 187–188].

В письме де Мельяну от 8 сентября того же года, Екатерина уже критично характеризовала труды Ломоносова и Щербатова по истории России, что объяснялось, вероятно, их «несговорчивостью» с ее направляющими идеями. Но она по-прежнему одобряла «Историю» Татищева, обращая внимание на связи труда историка с государственным пониманием исторических проблем: «это был ум человека государственного, ученого и знающего свое дело» [13, с. 199]. Впрочем, в своих «Записках» она во многом следовала также за трудами Ломоносова и Щербатова.

События, происходившие в революционной Франции, воздействовали на екатерининские идеи единства исторического процесса в Европе. В том же письме от 8 сентября 1791 г. она теперь писала де Мельяну: «Очень верю, что вы не находите в России сходства с Францией. Я бы этого и не желала» [13, с. 200]. Как правительница умная, она делала все, чтобы Россия не стала походить на предреволюционную Францию. Вместе с тем она правильно поняла основное содержание «Путешествия из Петербурга в Москву» А.Н. Радищева, и, прочтя эту книгу вскоре после ее публикации, по своему адекватно выразила ее смысл, указав в июне 1790 г. графу А.А. Безбородко в крайнем гневе: «Напиши еще к нему (А.Н. Радищеву – *примеч. публикации*), что кроме раскола и разврату не усматриваю из сего сочинения».

Решительно изменилось ранее терпимое отношение Екатерины к масонам. В 1790 г. она предложила тому же Безбородко подготовить «публичный манифест», в котором излагалось суждение императрицы: «<...> за долг почитаю верно любезный народ остерегать от прельщения, выдуманного вне наших пределов под названием разного рода масонских лож, и с ними соединенных мартинистских иллюминатов и других мистических ересей, точно клонящихся к разрушению христианского православия и всякого благостройного правления, а на место оногo вводящих неустройство под видом несбыточного и в естестве не существующего мнимого равенства <...>» [13, с. 84, 134].

За такие идеи А.Н. Радищев был осужден на смертную казнь, замененную ссылкой в Сибирь, а просветитель и масон Н.И. Новиков заключен в Шлиссельбургскую крепость.

Видя неспособность людей, которым было официально поручено создать труд, посвященный истории России, Екатерина II со своими помощниками написала собственное сочинение.

Основные идеи «Записок», поначалу опубликованных в «Собеседнике любителей русского слова» в виде статей, совпадают с тем, что Екатерина говорила и писала в 80-е гг. Такое совпадение свидетельствует о продуманности ею этих идей и убежденности в них, во всяком случае, до событий Великой французской революции.

Пристрастному изложению российской истории иностранными авторами, которых Екатерина обвинила к тому же в плохом знании русского языка, «летописцев и историков», она вновь противопоставила концепцию единства исторического процесса в просветительском единстве времени и нравов: «Беспристрастный читатель да возьмет труд сравнить эпоху российской истории со историями современников великих князей российских каждого века, усмотрит ясно умоначертания всякого века и что род человеческий везде и по вселенной одинакие имел страсти, желания, намерения и к достижению употреблял нередко одинакие способы».

В отличие от Щербатова, который вслед за Д. Юмом стремился устанавливать глубинные причинно-следственные связи, Екатерина ограничилась содержанием российской истории как «описанием дей или деяний», а также ее поучительным назначением. Но вслед за исторической концепцией западных просветителей и опытом практических исследований Щербатова она афористично написала: «<...> без знания иностранных народов истории, наипаче же соседственных дей и деяний, своя не будет ясна и достаточна».

Как и в корреспонденции, предшествующей публикации «Записок», Екатерина разделила российскую историю на пять эпох. Когда положительных сведений о князьях не хватало, она переписывала из «Истории Российской» Татищева домысленные им княжеские портреты-характеристики. Они, как и так называемые «татищевские известия», которые не подтверждаются сохранившимися аутентичными источниками, были свойственны начальному периоду становления исторической науки. В таких домысливаниях выразились объективная потребность в XVIII столетии в дополнительной исторической информации, а также литературная составляющая в историческом исследовании. Тогда возможности источниковедческого анализа и вспомогательных исторических дисциплин были крайне ограничены. Потенциал сопредельных с историей гуманитарных наук не использовался, а некоторые из них еще не сформировались.

Происхождение княжеских портретов-характеристик и «татищевских известий» объясняется не только особенностями истории как науки в первой половине XVIII в., но также свойствами философских концепций, которыми Татищев руководствовался [14, с. 57–

60]. Ломоносов и Щербатов, которые великолепно знали содержание многих летописей, преимущественно не использовали «татищевские известия». Они предпочитали летописные сообщения, которые такие тексты Татищева не подтверждали. С подозрением относился к ним Ф.А. Эмин. Но Екатерина не только использовала в «Записках» «татищевские известия», вымышленные сведения в русской литературе XVI–XVII вв. как достоверные, но и домысливала новые. Причинами этого являлись неаналитическое чтение летописей, использование экстрактов, подготовленных помощниками, а также преобладание в ее работе литературного и идеологического начал над исследовательскими.

Екатерину явно подавило количество летописных сведений о происходивших на Руси событиях, внутреннее содержание которых она не могла раскрыть. Видимо, это непонимание проявилось в ее сообщении Гримму в письме, начатом 20 сентября 1783 г., о публикации ее «Записок» в «русском журнале» по «такому-то количеству правлений в месяц (*tant de règnes par mois*)» [12, с. 286].

Разумеется, после трудов Вольтера, Татищева, Ломоносова, Щербатова она не могла ограничиться перечнем событий, происходивших в разные княжения, что получалось в ее «Записках». Но благое намерение Екатерины, изложенное в письме Гримму 20 декабря 1793 г., написать о «замечательных переворотах», о «последовательных изменениях в порядке вещей», «о населении и о финансах», о «договорах и документах» и т. д. выразилось у нее в вырванных из контекста выписках из летописей [17].

Видимо, Екатерина понимала неудовлетворительность своих «Записок» как исследовательского труда. После начала публикации «Записок» в «Собеседнике» и похвал ее ближнего окружения она с понятной гордостью писала 16 августа 1783 г. Гримму о том, что «успех, кажется, полный». Но после завершения этой работы в черновике письма, датированном июнем 1791 г., она охарактеризовала себя вполне самокритично в ответ на предложение де Мельяна быть руководителем в его разысканиях о русской истории: «<...> если я должна руководить вами во мраке древности, то вы будете иметь для этого только фонарь достаточно тусклый (*vous n'aurez là qu'une lanterne bien sourde*)» [13, с. 188].

Таким образом, следует поддержать мнение тех исследователей, которые считали труды Екатерины II, касающиеся российской истории, историографическими фактами. Историографы отметили, хотя не все и не всегда последовательно, воздействие на них идеологии и политики, их государственное предназначение. Столь же обоснованы наблюдения над написанием екатерининских «Записок касательно российской истории» для юношества, над содержащи-

мися в исторических трудах императрицы идеями единства исторического процесса.

Вместе с тем следует отметить необоснованность крайних по содержанию характеристик исторических трудов Екатерины как панегирических, так и критических. Их особое историографическое значение заключается в том, что в них раскрываются конкретные следствия воздействия идеологии и политики на исторические разыскания. В 1762–1789 гг. Екатерина последовательно интерпретировала исторический процесс в соответствии с просветительской концепцией его единства. Эта концепция определяла содержание ее внутренней и внешней политики как могущественной европейской державы, в чем она продолжала политику Петра Великого. Но идеи Великой французской революции, ее вызовы формулировали альтернативные новые для нее задачи – быстрые общественно-политические преобразования или консерватизм. В условиях господствовавшей системы крепостного права и сословного строя Екатерина выбрала второй путь. Следствием этого стало противопоставление революционной Франции и России, что создавало условия для последующего противопоставления их в историческом процессе.

В екатерининских «Записках касательно российской истории», вероятно, впервые в российской исторической литературе Нового времени был последовательно осуществлен принцип целенаправленного отбора и интерпретации сведений исторических источников, а также их домысливания в изложении исторических событий в целях государственной пропаганды. Такая целенаправленная интерпретация исторических материалов не оправдывала предназначения «Записок» для юношества.

Все эти историографические факты свидетельствуют о том, насколько историк находится в центре воздействия на него самых разных факторов – общественного, политического, философии, состояния исторической науки в данный период.

Список литературы

1. Гильдебрандт П.А. Разыскания западнорусских летописей для Екатерины II // Древняя и новая Россия. – 1880. – № 4.
2. Добролюбов Н.А. Собеседник любителей русского слова: изд. кн. Дашковой и Екатерины II. 1783–1784 // Добролюбов Н.А. Соч. 2-е изд. – СПб., 1871.
3. Иконников В.С. Императрица Екатерина II как историк (отд. отт. из Ист. Вестн. № 1–2). – Киев, 1911.
4. Ключевский В.О. Сочинения: в 8 т. Т. 8: Исследования, рецензии, речи (1890–1905). – М., 1959.
5. Кобеко Д. Ученик Вольтера граф Андрей Петрович Шувалов (1744–1789) // Рус. архив. – 1881. – Т. 3.
6. Крачковский И.Ю. Избранные сочинения. – М.; Л., 1958. – Т. 5.

7. Мурзакевич М. Кабинет Зимнего дворца императрицы Екатерины II (С 5-го сентября 1793 по 13-е августа 1795 года) // Журн. М-ва нар. просвещения. – 1872. – № 8.
8. Переписка российской императрицы Екатерины II и господина Вольтера. – 1812.
9. Пештич С.Л. Русская историография XVIII века. – Л., 1965. – Ч. 2.
10. Полное собрание законов Российской империи (ПСЗ). Т. 21.
11. Пыпин А.Н. Исторические труды имп. Екатерины II // Вестн. Европы. – 1901. – Т. 5.
12. Сборник русского имп. исторического общества (Сб. РИО). – 1878. – Т. 23.
13. Сб. РИО. – 1885. – Т. 42.
14. Свердлов М.Б. Василий Никитич Татищев – автор и редактор «Истории Российской». – СПб., 2009.
15. Свердлов М.Б. М.В. Ломоносов и В.Н. Татищев: к изучению историографического наследия XVIII в. XXI столетии: сб. ст. и материалов, посвящ. 300-летию со дня рожд. М.В. Ломоносова. СПб., 2011.
16. Свердлов М.Б. Общественный строй Древней Руси в русской исторической науке XVIII–XX вв. – СПб., 1996.
17. Сочинения императрицы Екатерины II на основании подлинных рукописей с объяснительными примечаниями акад. А.Н. Пыпина. Т. 9–11: тр. ист. Зап. касательно Российской истории. – СПб., 1901–1906.
18. Старчевский А. Очерк литературы русской истории до Карамзина. СПб., 1843.
19. Schlözer A.L. Probe Russischer Annalen. – Bremen und Göttingen, 1768.

**Личность наказного атамана как субъект повседневности
(на примере жизнеописания наказного атамана
Оренбургского казачьего войска И.В. Падурова)¹**

При изучении повседневной жизни казачьего сословия особый интерес представляют личности атаманов. В статье на основе биографического метода представлено описание жизнедеятельности наказного атамана Оренбургского казачьего войска, генерал-майора Ивана Васильевича Падурова.

In the study of everyday life of the Cossack estate the individual atamans are of special interest. The life of the Major-General Ivan V.Padurov, the Ataman of the Orenburg Cossack Army, is represented on the basis of the biographical method.

Ключевые слова: повседневность, субъект повседневности, биографический метод, казачество, Оренбургское казачье войско, наказной атаман.

Key words: everyday life, subject of everyday life, biographical method, the Cossacks, Orenburg Cossack army, ataman.

При изучении повседневной жизни определенной группы людей, в том числе и казачьего сословия, возникает вопрос о выделении субъекта исследования, и здесь нельзя не согласиться с профессором С.В. Любичанковским: «В самом узком, самом точном смысле слова под субъектом повседневности может и должен рассматриваться отдельный человек во всех своих ипостасях (возрастной, семейной, профессиональной)» [4, с. 150]. Причем, так как обычно в центре внимания исторического исследования стоит не отдельный человек, а какая-либо группа людей, следовательно, субъектом повседневности в историческом исследовании могут и должны выступать группы людей [4, с. 151].

При анализе субъекта повседневности используется прежде всего биографический метод. Речь идет о концентрации внимания на частном и уникальном в конкретных человеческих судьбах. В фокусе биографического исследования оказывается внутренний мир человека, его эмоциональная жизнь, отношения с родными и близкими как в семье, так и вне ее. При этом индивид выступает и как субъект деятельности, и как объект контроля со стороны семейно-

---

© Годовова Е.В., 2014

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта РГНФ «Оренбургский край – трансграничный и поликультурный регион Российской империи»: научный (академический) сборник документов по истории Оренбургского края в дореволюционный период», проект №12-31-01281/a2.

родственной группы, круга близких, формальных и неформальных сообществ, социальных институтов и властных структур разного уровня [6].

В данной статье предпринята попытка, описать жизнедеятельность конкретного человека – наказного атамана Оренбургского казачьего войска, генерал-майора Ивана Васильевича Падурова, представителя такой социальной группы, как казачество.

И.В. Падуров происходил из самарских казаков. Его дед – Тимофей Иванович – в 1748 г. поступил на службу в Оренбургский нерегулярный казачий корпус, где дослужился до чина сотника. Он был умен, умел читать и писать. В 1767 г. вместе с другими казаками его отправили в Москву в качестве депутата от войска для работы в «Комиссии по сочинению проектов Нового Уложения» (Уложенной комиссии Екатерины II – Е.Г.) [2. Л. 4]. Можно предположить, что опыт работы в Уложенной комиссии способствовал тому, что Падуров в числе 150 оренбургских казаков 27 сентября 1773 г. перешел на сторону Емельяна Пугачева, за что 10 января 1775 г. был казнен.

Отец И.В. Падурова – Василий Тимофеевич – дослужился в Оренбургском казачьем корпусе до чина есаула. Семья Падуровых проживала в Оренбурге в собственном доме. Здесь 20 июня 1798 г. родился И.В. Падуров. Отец сам обучил сына грамоте. Это знание очень пригодилось мальчику, который после смерти отца в возрасте 14 лет поступил на службу в канцелярию Оренбургского военного губернатора князя Волконского для «письменных занятий в звании рядового казака из Старшинских детей» [2. Л. 7 об.]. Данные послужного списка свидетельствуют о его стремительном чинопроизводстве. В 1812 г. он стал урядником, а в 1818 г. был произведен в чин полкового хорунжего [2. Л. 9].

Такой рост не случаен. Падуров был исполнителен, серьезно относился к возлагаемым на него обязанностям и поручениям, за что 15 марта 1817 г. получил от князя Волконского аттестат. Кроме того, служба в канцелярии главного начальника Оренбургского края дала И.В. Падурову возможность приглядеться ко всем системам управления краем, ближе узнать чиновничий канцелярский мир, в котором он сам вращался.

В период с 1817 по 1819 г. Иван Васильевич женился на дочери небогатого чиновника Александре Яковлевне Конке и приобрел деревянный дом напротив Николаевского института.

20 июля 1819 г. И.В. Падуров поступил на службу в Оренбургский тысячный полк. Через год его назначили адъютантом при войсковом атамане В. Углицком (1815–1821). В мае 1821 г. Падуров был произведен в полковые сотники. В этой должности он продолжал трудиться и после смерти В. Углицкого, в феврале 1822 г., при

временно исполняющем обязанности войскового атамана полковнике В. Авдееве. В этот период у И.В. Падурова родился сын Александр.

С 3 марта 1822 г. по 25 января 1828 г. Падуров все в той же должности адъютанта служил при командующем Оренбургского казачьего войска полковнике Е.Н. Тимашеве, а 23 марта 1823 г. его произвели в полковые есаулы.

В июле 1823 г. И.В. Падуров по делам службы отправился в Самару к полковнику Тимашеву. По дороге на них (он ехал с ямщиком – Е.Г.) напали киргизы и раненого Падурова взяли в плен, из которого он был освобожден спустя четыре месяца.

Вернувшись из плена, он вновь вступил в должность адъютанта при командующем войском полковнике Тимашеве. Во время частых поездок по станицам он изучал экономическое положение оренбургских казаков, их умственное и нравственное развитие. Кроме того, молодой адъютант учился у командующего и общению с казаками. По воспоминаниям старожилов, «Егор Николаевич Тимашев был человек высшей степени гуманный, доступный для каждого казака, и они, как говорится, души не чаяли в "Егоре Миколаевиче" (иначе они его не называли) за его попечение о войске и сердечное и ласковое обращение с ними. Приезд Тимашева в станицу ожидался как праздник. В суровое прежнее время такое отношение и обращение начальника с казаками было далеко незаурядным явлением. Достаточно указать, что в то время служащие в крепостях казаки были в полном подчинении у комендантов как начальников гарнизона крепости (станицы по линии в 20-е гг. назывались еще крепостями) и кардонный стражи на линии» [2. Л. 12]. Следовательно, совместная служба Падурова и Тимашева довольно благотворно влияла на Ивана Васильевича, укрепляя в нем отечески заботливое отношение к подчиненным.

26 февраля 1828 г. был издан указ о формировании 9-го Оренбургского казачьего полка, созданного специально для участия в Русско-турецкой войне 1828–1829 гг. Командиром этого полка был назначен тридцатилетний есаул И.В. Падуров.

Полку Падурова довелось воевать на Балканах. Первую благодарность оренбуржцы получили за «примерное» форсирование Дуная. Им довелось участвовать во многих больших делах той войны: боях при Эски-Армаутларе и Козлудже, в Кулевчинском сражении (в нём участвовало пять казачьих полков), под осаждённой крепостью Шумла. Главнокомандующий русской армией генерал-фельдмаршал И.И. Дибич-Забалканский не раз отмечал казачью доблесть [8].

За мужество и умелое командование полком Иван Васильевич Падуров был награжден Аннинским оружием «За храбрость», орде-

ном Святого Владимира 4-й степени и чином войскового старшины [8].

11 ноября 1831 г. 9-й Оренбургский казачий полк был награжден грамотой и знаменем с надписью «За отличие в Турецкую войну 1829 года» [2. Л. 15 об.]. Среди казаков это знамя получило название «Падуровское», что также свидетельствует о заслуженном авторитете Ивана Васильевича среди оренбургских казаков. Казаки, служившие под командованием И.В. Падурова, позднее отмечали его честность и заботу по отношению к ним. Никогда он не наказывал казака, не объяснив ему «всю неблаговидность его поступка», да часто только этим и ограничивался. «Раскритится, бывало, зато пает ногами: "Всех заporю! Живых в землю закопаю!", но, конечно, ничего подобного не делал. Боялись казаки Падурова, но гордились им и любили его за правду», – говорил о Падурове один из старожилы [2. Л. 16–16 об.].

В 1832 г. И.В. Падуров закончил кордонную службу, и в 1833 г. его отряд вступил в Оренбург. 16 февраля 1833 г. он был назначен командиром Непременного полка, находившегося в Оренбурге, а 16 апреля – командиром кордонной стражи на Оренбургской дистанции, сменив на этом посту Степана Дмитриевича Аржанухина (своего закадычного друга, сыгравшего большую роль в освобождении Падурова из киргизского плена – Е.Г.).

Непременный полк существовал в Оренбурге на случай «экстренных заграничных обстоятельств», но на службе была только треть его состава, две трети находились по домам и «упражнялись в хозяйстве». Летом эта треть несла кордонную службу в форпостах по линии от Оренбурга до Илецкой Защиты и в самой защите.

Следовательно, командир Непременного полка большее внимание уделял не строевому образованию казаков, а их хозяйственному быту, чтобы «по первому вызову казак мог явиться в строй на добротной лошади, имея все положенное вооружение и обмундирование в должном числе и порядке» [2. Л. 22].

23 января 1834 г. И.В. Падуров из войсковых старшин был произведен в подполковники. В 1834–1835 гг. по распоряжению Оренбургского военного губернатора В.А. Перовского он был назначен председателем в «Комиссию по отмежеванию земель к Оренбургской линии и казачьим станицам» [2. Л. 22 об.]. В 1835 г. по поручению В.А. Перовского И.В. Падуров подготовил докладную записку, где изложил свое видение усовершенствования службы дистанционных начальников Оренбургской линии. Так, И.В. Падуров считал необходимым, во-первых, увеличить им содержание со 100 до 150 р. в год. Во-вторых, каждому начальнику назначить по два хороших писаря, причем «содержание их обеспечить отпуском солдатского полка, жалованием от комиссариата и выдачей из

экономической кордонной суммы по 5 рублей в месяц каждому, на ремонт амуниции и хозяйственные издержки» [2. Л. 29 об.]. В.А. Перовский учел пожелания И.В. Падурова и 20 мая 1835 г. предписал Оренбургской войсковой канцелярии с июля того же года назначить дистанционным начальникам жалование по 150 р. в год каждому, а также разрешил им выбрать по одному писарю с вознаграждением по 5 руб. в месяц.

Активное участие принял И.В. Падуров и в реализации общественной запашки полей, введенной 16 февраля 1835 г. В.А. Перовским для обеспечения населения Оренбургского казачьего войска продовольствием в неурожайные годы. По положению об общественной запашке каждый казак должен был ежегодно посеять на общественном поле пуд зернового хлеба. Для хранения полученного урожая создавались склады и запасные магазины. Излишки продавались в казну по низким ценам – 1 р. 80 к. серебром за четверть; четвертая часть вырученных денег поступала в хлебный капитал, который до введения общественной запашки пополнялся денежным сбором в размере 25 к. с человека. Оставшиеся деньги расходовались на содержание лиц, следивших за проведением общественной запашки, и выдавались в качестве премий за большие посевы.

По свидетельству старожилов Оренбургского казачьего войска, Падуров не допускал среди казаков своего полка противодействия общественной запашке полей и даже «заставил их на своей земле тем же порядком сделать доселе не практиковавшиеся посевы картофеля» [2. Л. 28], за что впоследствии казаки его благодарили.

В качестве вознаграждения за участие в деле общественной запашки и «Комиссии по отмежеванию земель к Оренбургской линии и казачьим станицам» в 1835 г. Падуров получил 500 десятин земли в вечное потомственное пользование [2. Л. 28].

В период с 1836 по 1839 г. он неоднократно командовал военными экспедициями (казачьими отрядами), которые посылались в Киргизскую степь. В июне 1841 г. И.В. Падуров был назначен на должность старшего члена войскового правления.

Характеризуя деятельность И.В. Падурова, необходимо сказать и о внедрении им в казачьих станицах нового вида топлива – кизяка. Так как в 1847 г. наказной атаман граф Цукато запретил жителям 1 и 2 округов использовать дрова в качестве топлива, И.В. Падуров настоятельно требовал от казаков иметь достаточное количество кизяка, и «горе было тому, кто не успевал выставить к приезду (инспектора – Е.Г.) требуемое количество кизяка» [2. Л. 44 об.]. Это топливо получило среди казаков название «падуровского», и казаки еще долго с благодарностью вспоминали Ивана Васильевича, как человека, заботящегося о благосостоянии войска.

В 1848 г. при Оренбургском военном губернаторе В.А. Обручеве Падуров был назначен инспектировать 1-й и 2-й полковые округа, а в 1850 г. его наградили полугодовым окладом жалования в размере 257 р. 50 к. [2. Л. 43]. В 1851 г. И.В. Падуров был командирован для осмотра состояния гарнизонов степных укреплений Оренбургского, Уральского, Аральского и Карабутацкого фортов. Но такое положение его, как старшего члена войскового правления, не отвечало той жажде деятельности, которую проявлял И.В. Падуров, и он подал в отставку.

Военный министр граф Чернышев отправил на имя Обручева бумагу, где предложил ему «употребить свое влияние, чтобы этот весьма заслуженный офицер не оставлял службы, а продолжал по-прежнему свою полезную деятельность для войска» [2. Л. 43 об.].

Столь лестный отзыв военного министра ободрил И.В. Падурова, и он вернулся на службу. Оренбургский и самарский генерал-губернатор В.А. Перовский поручает И.В. Падурову важное дело – обозрение поземельных угодий по всей Оренбургской линии и прекращение беспорядков между линейными жителями и киргизами за право пользования луговыми местами.

30 марта 1852 г. полковник Падуров за отличие по службе был произведен в генерал-майоры и назначен присутствующим в войсковом правлении.

По ходатайству В.А. Перовского 13 декабря 1852 г. Иван Васильевич Падуров высочайшим указом императора Николая I был назначен наказным атаманом Оренбургского казачьего войска [2. Л. 44].

В 1853 г. генерал-майор И.В. Падуров участвовал в отряде Перовского при взятии Кокандской крепости Ак-Мечеть и получил за это орден Святого Станислава I степени с объявлением монаршего благоволения [3. Л. 32].

Деятельность И.В. Падурова в должности наказного атамана также свидетельствовала о его ответственном и заботливом отношении к войску.

До середины 50-х гг. XIX в. окружные начальники проводили общие полковые смотры, вызывая казаков, входивших в состав полковых округов, со всем снаряжением на сборное место. Необходимость проведения смотра большого количества служащих в сжатые сроки приводила к тому, что он осуществлялся поверхностно, а при выходе казаков на полевую службу оказывалось, что многие из них либо вообще не имеют установленных образцов вооружения и обмундирования, либо оно находится в совершенно неприглядном виде. В связи с этим специальным приказом наказного атамана генерал-майора И.В. Падурова от 16 июля 1854 г. было запрещено проведение инспекторских смотров целыми полками, а предписы-

валось организовывать их непосредственно в станицах [1, с. 129]. Для проведения таких смотров начальники военных округов составляли расписание по полкам, а офицеры полковых правлений закреплялись по станицам и поочередно присутствовали при их проведении, составляя по итогам подробные отчеты.

Заботился И.В. Падуров и об улучшении войскового конезаводства. В 1854 г. на месте старых конюшен были возведены большие здания конюшни и рассадника [7. Л. 25].

В период его командования войском вновь была введена общественная запашка полей, отмененная по инициативе Оренбургского военного губернатора В.А. Обручева.

Оренбургский и Самарский генерал-губернатор В.А. Перовский, считавший необходимым возобновить общественную запашку в войске, пожелал узнать мнение казаков по этому вопросу, поручив объехать станицы наказному атаману И.В. Падурову. Тот, опросив на сходах казаков 98 станиц и отрядов, отмечал в докладной записке, что им выгоднее продолжать общественную запашку полей, а денежный сбор на строительство запасных магазинов будет для них обременителен [5, с. 68]. В 1854 г. военный совет, вновь обсудив этот вопрос, пришёл к выводу, что, хотя общественная запашка полей существует только в Оренбургском казачьем войске, она является мерою не только полезною, но и необходимою, вследствие чего было решено её восстановить на основании положения, утверждённого 16 февраля 1835 г. [5, с. 69]. Отменена общественная запашка полей была в 1859 г.

Скончался наказной атаман Оренбургского казачьего войска, генерал-майор И.В. Падуров 7 августа 1859 г. Всю свою жизнь он посвятил Оренбургскому казачьему войску, заботясь о его процветании. Именем И.В. Падурова были названы казачий посёлок Оренбургского войска и улица в казачьем предместье города Оренбурга. Память о нём сохранилась и в походной песне оренбургских казаков:

Уж ты степь ли наша, степь наша широкая!
Широко-долго, степь, ты протянулася.
Пролегла во степи больша дороженька,
По этой дороженьке никто не прохаживал,
Никто следику не прокладывал,
Тут шёл-то, прошёл Падуров с полком.
Впереди-то идут brave хорунжишки,
За хорунжишками молодые уряднички,
За урядничками идёт полк казачоньков.
Как у вас-то в полку несчастье случилось –
Как убили у вас brave хорунжушку.
Как хорунжушки шашками возбрякнули,
А молодые уряднички песенку возгаркнули,

А полк-казачоньки слезнёхонько восплакнули.
Не в чистом поле снежки забелелися,
Не алы цветы заалелися –
Забелелось тело белое,
Заалелась кровь алая [8].

Итак, биографический метод позволил нам осветить жизнь и деятельность наказного атамана Оренбургского казачьего войска И.В. Падурова – человека, оставившего глубокий след в истории России.

Список литературы

1. Абрамовский А.П., Кобзов В.С. Оренбургское казачье войско в трех веках. – Челябинск, 1999.
2. Государственный архив Оренбургской области (ГАОО). Ф. 169. Оп. 1. Д. 45.
3. ГАОО. Ф. 169. Оп. 1. Д. 46.
4. Любичанковский С.В. Проблема определения субъекта повседневности в историческом исследовании // Изв. Самарск. науч. центра Рос. акад. наук. – 2012. – Т. 14. – № 3.
5. Материалы по историко-статистическому описанию Оренбургского казачьего войска. – Оренбург, 1913. – Вып. 12.
6. Репина Л.П. Персональные тексты и «новая биографическая история»: от индивидуального опыта к социальной памяти [Электронный ресурс]. – URL: <http://ist-bessmertie.narod.ru>.
7. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1263. Оп. 1. Д. 2631.
8. Шишов А. Сто великих полководцев [Электронный ресурс]. – URL: <http://historylib.org>.

Николай Николаевич Суцов – один из выдающихся предпринимателей-дворян пореформенной России

В статье исследуются основные вехи биографии известного российского предпринимателя Н.Н. Суцова. Бывший чиновник Сената, Суцов, используя свои знания и связи, сумел стать одним из первых представителей дворянства, добившихся серьезного успеха в капиталистическом предпринимательстве и авторитета в деловых кругах пореформенной России.

This article examines the main stages of the biography of the well-known Russian businessman N.N. Sushchov. The former official of the Senate, Sushchov, using his knowledge and connections, managed to become one of the first representatives of the nobility, who had great success in capitalist enterprise and high prestige in the business community of post-reform Russia.

Ключевые слова: российское дворянство, пореформенный период, предпринимательская деятельность, бюрократия, деловая элита, железные дороги, промышленность, банки.

Key words: Russian nobility, post-reform period, business activity, bureaucracy, business elite, railroad, industry, banks.

Под воздействием реформ 1860–1870-х гг., оказавших серьезное влияние на жизнь российского общества в целом и каждого человека в отдельности [6], достаточно широкое распространение получила практика участия дворянства в капиталистическом предпринимательстве. Первые дворяне-предприниматели пореформенной эпохи часто являлись людьми неординарными, как и подобает первопроходцам в любом деле.

В полной мере к такому типу принадлежал Николай Николаевич Суцов (1830–1908). В последней трети XIX в. и первые годы XX в. мало кто в Петербурге не слышал об этом крайне эксцентричном человеке, обладателе весьма запоминающейся внешности. «Это был полный, высокий, огромный мужчина..., с громким голосом, с видом добродушного нахала, рыжий как морковь» [24, с. 406]. Его выезд знал весь город. «Ездил он из кокетства на рыжих, как он, лошадях, с рыжим кучером, в санях, покрытых рыжей полостью» [10, с. 177].

В 1870–1880-е гг. Суцов приобрел известность одного из самых видных деятелей в области частной инициативы. «Казалось, ни одно железнодорожное дело, ни одно коммерческое предприятие, ни

одно коммерческое дело – не могло осуществиться без Суцова – всюду был Суцов» [9, с. 308]. Соединявший в себе традиционную купеческую предприимчивость и дворянский размах с дворянской же расточительностью, Суцов являл собой один из самых ярких типов, порожденных пореформенной жизнью.

Его имя встречалось, прямо или завуалированно, в работах многих тогдашних публицистов и писателей. Так, под вымышленной фамилией Саламатов он появляется в цикле очерков «Оскудение» С.Н. Терпигорева и в романе П.Д. Боборыкина «Дельцы»¹. Отчасти чертами Суцова наделен образ Зацепина, героя поэмы Н.А. Некрасова «Современники» [15, с. 605].

О нем оставили отзывы многие его современники, но более или менее полноценной биографии Суцова так и не было составлено. При его жизни в этом не было необходимости, так как он и без того был слишком хорошо известен. Грянувшая же вскоре после его смерти революция практически стерла его имя, как и многих других известных предпринимателей, из исторической памяти России. В данной статье предпринимается попытка восстановить этот пробел и представить биографию Н.Н. Суцова в развернутом и последовательном, насколько это возможно, виде.

Николай Николаевич родился в марте 1830 г. в семье морского офицера Николая Ивановича Суцова, потомственного дворянина Нижегородской губернии [27. Д. 2701. Л. 5]. Служебных высот его ближайшие родственники не достигали – отец дослужился лишь до чина капитан-лейтенанта, а дед, Иван Петрович, и вовсе вышел в отставку подпоручиком, однако материальное положение семьи было, по-видимому, прочным. Родовое имение, доставшееся Н.Н. Суцову, насчитывало 1800 десятин в Сергачском уезде и 102 десятины в Горбатовском уезде Нижегородской губернии [27. Д. 3547. Л. 2–3; 20. Д. 642. Л. 300, 493].

Суцовой принадлежали к древнему дворянству нижегородской губернии, занесенному в шестую часть родословной книги. Известно, что предок Суцовых Василий Филиппович еще в 1637 г. был «за многие похвальные службы и храбрость» жалован вотчиной в 450 четвертей² земли в Курмышском уезде [27. Д. 2701. Л. 5–6; 18, с. 575–576].

Принадлежность к древнему дворянству позволила Суцову рассчитывать на поступление в элитное Училище правоведения в Петербурге с семилетним курсом обучения, которое он окончил в

---

¹ В своих воспоминаниях П.Д. Боборыкин прямо указывает, что прототипом Саламатова стал «уже тогда (в 1870-е гг.) знаменитый Н.Н. С-щев» [3, с. 164].

² Четверть – старинная русская мера площади пахотных земель, равнявшаяся 0,5 десятины или примерно 0,55 га.

1849 г. «Он считался в своем выпуске самым бойким, самым способным, почти не учился, но всегда был из первых» [24, с. 403].

После окончания училища Суцов получил должность младшего помощника секретаря в канцелярии Общего собрания Сената. Благодаря хорошему знанию законов и исключительной работоспособности, отмечавшейся всеми, он быстро повышается по службе. В 1853 г. Суцов был назначен товарищем председателя палаты гражданского суда в Нижнем Новгороде с чином титулярного советника [27. Д. 3547. Л. 4–5].

В 1855–1856 гг., во время Крымской войны, Суцов вступил в ряды нижегородского подвижного ополчения, одним из главных инициаторов созыва которого был он сам. В связи с этим он был зачислен на военную службу и «переименован в поручика». Здесь проявилась противоречивая натура Суцова: наряду с активными действиями по организации ополчения он «прославился» и своими исключительными кутежами. В результате после войны он был награжден ополченческим крестом, орденом Св. Станислава 2 степени и... остался без места на службе [27. Д. 3547. Л. 6].

Лишь с большим трудом Суцову удалось добиться возвращения на государственную службу, но не в Министерство юстиции, а в Министерство внутренних дел. В 1857 г. он был командирован в составе особой комиссии под руководством генерал-майора Шванна в Астраханскую губернию для расследования дела купеческого внука Ламасова, судимого за растрату сумм астраханского питейного откупа, и вопросов, связанных со злоупотреблениями чиновников присутственных мест и учреждений МВД в губернии. Во время расследования Суцов проявил себя «самым деятельным образом» [27. Д. 3547. Л. 6–7; 19, с. 282].

Он снова возвратился в Министерство юстиции и вскоре, в 1859 г., занял пост управляющего канцелярией министерства с чином надворного советника. Благодаря энергичности Суцова значение канцелярии министерства значительно возросло. В том же году он по случаю совершеннолетия наследника престола вел. кн. Николая Александровича получил придворное звание камер-юнкера.

В качестве чиновника Суцов держал себя независимо и беззастенчиво, не церемонясь ни с кем, включая начальство. Своего руководителя, директора департамента М.И. Топильского, хотя последний обычно был крайне строг к подчиненным, он «запугал... совершенно». «Суцов, огромный, толстый, при малейшем противоречии кричал во все горло, неистово вращал глазами, лез на Топильского животом вперед» [24, с. 403]. Впрочем, обладая, по отзыву С.Ю. Витте, большим «здравым смыслом и здравым рассудком» [9, с. 307], Суцов не доводил ситуацию до крайности, и его служебная карьера продолжала складываться вполне благоприятно.

Едва ли в это время он мог предполагать, что уже вскоре служба для него отойдет на второй план перед деятельностью в области коммерции. Однако начавшиеся в 1860-е гг. преобразования, изменившие социальную структуру страны, освободившие частную инициативу, быстро обратили на себя внимание Суцова. Видимо, в предпринимательской деятельности он почувствовал размах, которого «кипучая натура его требовала» [16. № 11709].

Уже к 1862 г. он становится членом правления «Русского общества пароходства и торговли». Хотя правление этой компании располагалось в Петербурге, основным направлением ее деятельности было развитие судоходства на Черном море, значительно сократившегося после неудачной для России Крымской войны. Благодаря умелому руководству и значительной государственной поддержке в последующие десятилетия общество прочно удерживало статус одной из крупнейших в России и самых успешных частных компаний.

В этом была большая заслуга и лично Суцова, который с первых лет своей службы в обществе проявлял значительную активность. Так, к примеру, в мае 1862 г. он отправился в область Войска Донского с целью выяснения ситуации относительно устройства здесь рудника для добычи антрацита (наиболее высококачественного из сортов угля), необходимого для снабжения пароходов «РО-ПиТ». Представленные Суцовым соображения и подробные сметы расходов были одобрены правлением, а в марте 1863 г. началось устройство двух шахт [17, с. 6–7].

Весьма деятелен в этот период Суцов и на государственной службе. В 1862 г. он уже статский советник и камергер, в 1863 г. – чиновник за обер-прокурорским столом в IV департаменте Сената [27. Д. 3547. Л. 9–11]. В 1864 г. ему было поручено важное дело – ревизия дел Московской уголовной палаты. Подробности ревизии описаны В.И. Танеевым: «В палате уже несколько лет ничего не делали. Нерешенных дел было просто тысячи. Неразобранные бумаги лежали ворохами. Арестанты томились в тюрьмах и не видели исхода своему заключению. Палата представляла министру отчеты, в которых увеличивалось число решенных дел, а число нерешенных уменьшалось чуть ли не во сто раз.

Суцов сразу все понял. Созвал присутствие и канцелярию, разругал скверными площадными словами и стал распоряжаться в палате сам. Он засадил всех писать решения, самые трудные дела взял себе, работал день и ночь, писал, ругал, поощрял, и в то же время устраивал попойки. В два месяца все было готово. Дела решены, решения написаны, переписаны, подписаны. Члены палаты смотрели на Суцова с благодарностью, с благоговением.

Среди этой работы он находил еще время знакомиться в Москве со всеми, везде бывал, везде пьянствовал, сделался популярным» [24, с. 405].

После окончания ревизии Суцов получил чин действительного статского советника, а в 1866 г. стал обер-прокурором II департамента Сената, в компетенции которого находились различные гражданские дела [27. Д. 3547. Л. 11–14].

Однако постепенно коммерческие дела, в которых все активнее участвовал Суцов, приобретали для него большую важность, чем государственная служба. Он начал заниматься всевозможными коммерческими операциями, учреждением акционерных обществ, писал уставы для них. Так, в 1865 г. он подготовил устав и выступил одним из учредителей акционерного Московского купеческого банка [5, с. 319]. Потребность в крупных частных кредитных учреждениях в России в то время была крайне острой. Московский купеческий банк, имевший основной капитал в 5 млн р., был одним из первых частных банков такого масштаба в стране.

Суцов, используя свои юридические и экономические знания, а также связи в чиновных кругах столицы и взятки, способствовал организации множества акционерных обществ и товариществ. Он писал всевозможные проекты, уставы, прошения, направлял иски, способствовал реализации различных коммерческих инициатив, в том числе и сомнительного свойства. За все это от заинтересованных лиц Суцов, разумеется, получал богатое вознаграждение, исчислявшееся десятками тысяч рублей.

Для многих людей, в том числе и для революционного демократа, по убеждениям В.И. Танеева, такая деятельность представлялась презренным занятием, недостойным хоть сколько-нибудь порядочного человека. Признавая этот взгляд отчасти справедливым, необходимо, однако, отметить и другой факт.

Действовавшие в тот период в России законы, касавшиеся торгово-промышленной сферы, в большинстве случаев были крайне громоздкими и часто совершенно устаревшими. Так, устав любого акционерного общества или товарищества на паях до своего утверждения должен был пройти длинный ряд бюрократических процедур, приобрести форму частного законодательного акта и быть подписанным самим императором. Все это порождало колоссальную канцелярскую волокиту и создавало немалые трудности для предпринимателей, желавших организовать такую фирму [4, с. 111]. Поэтому деятельность Суцова, прекрасно ориентировавшегося как в законах, так и в неюридических формах осуществления коммерческих проектов, способствовала в конечном счете общему развитию промышленности и торговли в стране. Противоречивость его фигуры в этом смысле проявлялась довольно ярко.

В конечном итоге нахождение Суцова на государственной службе стало проблематичным, так как его деятельность все менее укладывалась в рамки дозволенного чиновнику Сената – учреждения, олицетворяющего законность. В 1872 г. он вышел в отставку после довольно неприглядного дела [19, с. 282]. История эта получилась вполне в духе Суцова. Ее в своих мемуарах приводит другой известный предприниматель – Н.Е. Врангель со слов самого фигуранта.

Суцов, участвуя в миллионной судебной тяжбе двух польских магнатов, ухитрился быть негласным поверенным у обеих сторон. Проигравшая сторона представила доказательства министру юстиции (у Врангеля речь идет о Д.Н. Замятнине, но по времени это должен был быть граф К.И. Пален). Министр предъявил их Суцову, требуя объяснений, угрожая отдать его под суд. Суцов в присущей ему добродушно-нагловатой манере парировал: «Э, полно, Ваше Сиятельство. Разве такой скандал допустить возможно? Судебная реформа, святость суда, неподкупность судей – и вдруг сам обер-прокурор Сената замешан в такой грязи. Подумайте только». Изумленный такой дерзостью Пален потребовал, чтобы Суцов немедленно подал в отставку. Последний заявил, что согласен, но с условиями: пожалование чином тайного советника и сохранение придворного звания. Министру ничего не оставалось, кроме как согласиться [10, с. 178].

Выйдя в отставку, Суцов полностью сконцентрировался на коммерческих операциях и стал действовать в более широких масштабах. Он начал играть в мире частной инициативы огромную роль, поскольку приобрел в предпринимательских кругах известность в качестве эксперта и юрисконсульта по финансовым, промышленным и железнодорожным делам. Учреждение множества крупных частных компаний в эти годы осуществлялось при его участии.

Суцов, по выражению С.Ю. Витте, «так наострился», что тратил на написание устава всего «несколько часов в течение двух дней». Он составлял уставы акционерных компаний самых различных профилей – от торгово-промышленных до банковских. Гонорары его за подобную работу в этот период достигали 25–30 тыс. р. [9, с. 307].

Кроме того, Суцов и сам начал деятельно участвовать в управлении различными частными предприятиями, как уже существовавшими, так и создававшимися. Так, продолжая службу в «Русском обществе пароходства и торговли», он еще с начала 1870-х гг. участвовал в железнодорожных делах. Один из руководителей Министерства путей сообщения барон А.И. Дельвиг в своих мемуарах указывал, что в 1870 г., во время Второго общего съезда представителей русских железных дорог был приглашен на обед, организо-

ванный участниками съезда. Распорядителем обеда был Н.Н. Суцов, в отношении которого Дельвиг отмечал, что он «член совета¹ "Главного общества российских железных дорог" и участник во многих других предприятиях» [12, с. 373].

«Главное общество российских железных дорог» в данный период являлось крупнейшей частной железнодорожной компанией в стране, контролировавшей важнейшие железные дороги и участвовавшей в строительстве наиболее перспективных линий. В период российской железнодорожной лихорадки 1860–1870-х гг. ее руководители извлекали фантастические прибыли.

Н.Н. Суцов принимал деятельное участие в делах общества, боролся за предоставление ему различных концессий. К примеру, у того же Дельвига отражен эпизод, как Суцов, используя свои связи в правительственных сферах, участвовал в борьбе за предоставление «Главному обществу» строящейся Ландварово-Роменской железной дороги [12, с. 355–358]. Также он входил в правление Одесской железной дороги, контролировавшейся «Русским обществом пароходства и торговли» [21, с. 36]. Во время службы на Одесской дороге он вместе с С.Ю. Витте, работавшим тогда в ее управлении, реализовал на практике один из первых в России надлежащим образом составленных тарифов на перевозку грузов по железной дороге [9, с. 308]. Одесская дорога в эти годы интенсивно развивалась, однако качество строительства и технического обслуживания оставляло желать лучшего, подтверждением чего стала произошедшая в 1875 г. на 186-й версте дороги крупнейшая Тилигульская катастрофа.

В 1878 г. Суцов выступил одним из главных инициаторов слияния Одесской железной дороги с Киево-Брестской и Бресто-Граевской дорогами с целью установления единоначалия в управлении железнодорожной сетью на юго-западе Российской империи. В результате организовалось колоссальное «Общество Юго-Западных железных дорог» с акционерным капиталом в 50 млн р. Правление его расположилось в Петербурге.

«Общество Юго-Западных железных дорог» стало одной из самых высокодоходных частных компаний в России, оставаясь таковой вплоть до выкупа в казну в 1895 г. [1, с. 56–57, 75]. Его руководители получали «сотни тысяч гарантированного жалования, плюс танъемы и барыши биржевой игры на своих акциях» [13, с. 115]. Суцов стал членом его правления, а де-факто – самым влиятельным человеком в руководстве [13, с. 125].

---

¹ Имеется в виду Совет управления ГОРЖД – такое название носило правление этой компании.

Первые десятилетия развития капитализма в России были эпохой, полной противоречий. С одной стороны, благодаря всплеску частной инициативы основывались новые предприятия, закладывавшие основы будущих промышленных подъемов; осваивались новые области хозяйственной жизни страны; быстрыми темпами развивалась до того веками находившаяся в зачаточном состоянии кредитная система России. С другой стороны, подавляющая часть доходов от новых видов деятельности в эти годы не доходила не только до широких слоев населения, но даже до основной массы предпринимателей, оседающая в руках узкой группы дельцов, получавших к ним доступ часто благодаря связям и собственной изворотливости.

Старые социальные идеалы и нормы уходили в прошлое, заменяясь разнородными идеями, не способными сразу занять господствующее место в общественной морали. Все это порождало неопределенность, замешательство даже среди образованных классов.

Поэтому такие люди, как Суцлов, привыкшие думать и действовать прагматично и практически, имевшие при этом довольно расплывчатые представления о морали и законности, добивались в этой ситуации наибольшего успеха. По выражению Н.Е. Врангеля, Суцлов сумел стать «патриархом» этой «дикой жизни», но не простым «прислужником в этом храме», а полным достоинства и очень влиятельным человеком, почетным членом в самых избранных деловых кругах Петербурга [10, с. 177].

Впрочем, такое положение вовсе не мешало ему оставаться весьма непосредственным человеком, совершать эксцентричные поступки и попадать иногда в глупые ситуации. Так, однажды после очередного застолья в ресторане Бореля в Петербурге этот «полный достоинства» жрец капитала самым неприглядным образом скатился вниз головой с круглой лестницы [24, с. 407]. В другой раз, после ужина в ресторане Пивато Суцлов оставил официантам на чай... только что купленное фортепьяно [10, с. 179]. А однажды, путешествуя из Москвы в Петербург на поезде с известными купцами П.И. Губониным и В.А. Кокоревым, во время игры в карты так увлекся, что первосортное шампанское запивал отваром из огурцов, причем последнего выпил несколько ведер [9, с. 311]. Бесчисленные истории о Суцлове рассказывал весь Петербург.

В 1880-е гг. Н.Н. Суцлов, опережая во многом свое время, понимает значение, которое в жизни страны постепенно приобретают частные банки. На рубеже XIX и XX вв. они станут центрами всей экономической жизни страны, координирующими развитие основных отраслей промышленности. К 1889 г. он занял руководящие посты в двух петербургских банках: стал членом совета «Русского для

внешней торговли банка» (одного из крупнейших в России, с основным капиталом в 20 млн р.) и членом правления «Центрального банка русского поземельного кредита».

Помимо этого на 1889 г. он входил в правления уже упоминавшихся «Русского общества пароходства и торговли» и «Общества Юго-Западных железных дорог», а также «Общества Санкт-петербургских водопроводов» [2; 7; 22].

«Общество Санкт-петербургских водопроводов» с капиталом в 1,5 млн р., в правление которого, как указано выше, входил Суцов, было организатором строительства и владельцем первого в городе водопровода, начавшего действовать в 1863 г. Длительное время общество сохраняло монопольное право на его использование, несмотря на претензии со стороны потребителей. Такое положение обеспечивалось умело и предусмотрительно составленным контрактом общества с городским самоуправлением, написанным как раз Суцовым [11, с. 1–32; 14, с. 215].

На своих коммерческих операциях и благодаря службе в правлениях различных компаний Суцов зарабатывал по 400 тыс. р. в год, а иногда и больше [24, с. 405]. Однако он никогда не ставил себе целью составление крупного капитала. Основная часть заработанных им денег уходила на постоянные кутежи, обеды, которые он любил давать, и азартные игры. Следует отметить также, что далеко не все он тратил на себя. Он не отказывал в помощи и простым нуждающимся людям: «Обождать акционерное общество, конечно на законном основании, ему ничего не стоило. Но, подвернись бедный, он опустит руку в карман, вынет, не считая, полную горсть бумажек и сунет» [10, с. 179].

Знавшие Н.Н. Суцова люди нередко отмечали его отзывчивость и доброту к попавшим в тяжелое положение. Так, анонимный автор, поместивший после смерти Суцова некролог в газете «Новое время», описывал случай, имевший место в 1880-е гг. Суцов, как признанный авторитет в банковской сфере, был вызван экспертом в суд по делу о крушении одного из банков. Вникнув в суть дела, он вступился за одного из обвиняемых и заявил, что следствие велось некомпетентными в финансовых вопросах людьми, выразив готовность провести собственную экспертизу. Суцов, отложив все личные занятия, «высидел 16 дней за банковыми книгами и вынес к концу процесса экспертизу, выше чего нельзя было ничего сделать, и это безвозмездно, и тем спас обвиняемого, выявив его неучастие в крушении банка» [16. № 11709].

Николай Николаевич, с теплотой относившийся к Училищу правоведения, которое он окончил, был одним из учредителей, а впоследствии и председателем правоведской кассы, созданной для материальной поддержки «впавших в нужду товарищей и их се-

мейств». Из личных средств он выделял значительные суммы денег на пособия, по возможности анонимные, для нуждающихся учащихся и выпускников [16. № 11709; 19, с. 282].

В годы промышленного подъема 1890-х гг. Суцов продолжал активно участвовать в делах частных предприятий. В 1895 г. при содействии петербургских «Русского для внешней торговли» и «Международного» банков и бельгийского капитала открылось «Русско-Бельгийское металлургическое общество» – одна из самых значительных металлургических компаний на Юге России. Производство располагалось в Екатеринославской губернии, правление же общества открылось в Петербурге. В состав этой компании с основным капиталом в 15 млн р. входили крупнейший металлургический завод с рельсопрокатным отделением, железные и угольные рудники. Одним из ее основных организаторов наряду с инженерами Ф.Е. Енакиевым и Б.А. Яловецким стал Суцов, действовавший как представитель «Русского для внешней торговли банка» [25, с. 1416–1417; 26, с. 66–67].

Деятельность Суцова на посту члена правления «РБМО» описал в своих воспоминаниях инженер А.И. Фенин, служивший тогда в обществе и присутствовавший иногда на заседаниях его правления: «...он (Суцов) поражал, почти подавлял деловитостью своей мысли, всегда дающей окончательную, нужную формулу, раньше, без него, вовсе не улавливаемую. В правлении он был признанным оракулом» [26, с. 67–68]. По-видимому, Суцов всегда старался быть хорошо осведомленным в делах предприятий, которыми занимался. Так, тот же А.И. Фенин указывал, что Суцов, чтобы лучше войти в курс дела, взял у него несколько уроков по вопросам залегания и добычи каменного угля, причем оказался «превосходным учеником даже в неведомом ему горном деле» [26, с. 67–68].

В 1890-е гг. Суцов также стал членом руководства петербургского «Международного коммерческого банка», крупнейшего банка России в тот период, тесно связанного с промышленностью. Кроме того, действуя от лица «Русского для внешней торговли» и «Международного» банков, вошел в правления «Общества железодельных, сталелитейных и механических заводов "Сормово" и «Северного общества трубопрокатных и механических заводов».

Таким образом, к началу XX в. Н.Н. Суцов, несмотря на достаточно преклонный возраст, продолжал оставаться одним из крупнейших и самых авторитетных предпринимателей в Петербурге и России. В 1901 г. он входил в руководства шести акционерно-паевых компаний с правлениями в Петербурге: являлся председателем совета «Международного коммерческого банка» и членом совета «Русского для внешней торговли банка»; был председателем правлений акционерного общества «Сормово» и «Северного обще-

ства трубопрокатных и механических заводов»; входил в правления «Русского общества пароходства и торговли» и «Русско-Бельгийского металлургического общества» [23]. Помимо этого, Суцов занимал должность члена Совета по железнодорожным делам – совещательного органа при Министерстве путей сообщения [8. Отд. III, с. 562].

С возрастом Суцов сильно располнел, с трудом передвигался, но деловую активность сохранял до конца жизни. Умер он в октябре 1908 г., похоронен на Смоленском кладбище Петербурга.

Современники часто считали его жестоким дельцом-капиталистом, без зазрения совести попиравшим интересы ближних, но едва ли это было в полной мере справедливо. С.Ю. Витте замечал, что, несмотря на всю свою неоднозначность, «это был... человек с добрым сердцем» [9, с. 308]. Можно констатировать, что Н.Н. Суцов являлся одним из самых ярких представителей дворянского предпринимательства в России второй половины XIX – начала XX в. Фигура Суцова, противоречивая и неординарная, являлась в то же время в значительной степени характерной для переломной эпохи первых пореформенных десятилетий. Человек, бывший воплощением нового строя жизни со всеми его противоречиями, являвшийся одним из первых предпринимателей капиталистического типа в России и одним из первых дворян-капиталистов, едва ли мог быть достаточно заурядным.

Список литературы

1. Андреев П. Юго-Западные железные дороги: ист.-экон. оч. – Киев, 1896.
2. Биржевые ведомости. – 1889.
3. Боборыкин П.Д. Воспоминания. За полвека. – М., 1965. – Т. 2.
4. Бовыкин В.И. Формирование финансового капитала в России (конец XIX в. – 1908 г.). – М., 1984.
5. Братченко Т., Сенявский А. Раннеиндустриальная модернизация дореволюционной России // Изв. Самарск. науч. центра РАН. – Самара, 2007. – № 2.
6. Веремеенко В.А., Тропов И.А. Реформы и микросоциальные процессы в России (вторая половина XIX – начало XX в.) // Соц.-экон. и полит. модернизация в России. XIX–XX вв.: сб. науч. ст. / отв. ред. И.В. Кочетков. – СПб., 2001. – С. 55–63.
7. Вестник финансов, промышленности и торговли, указатель правительственных распоряжений по Министерству финансов. 1889. Отчеты торговых и промышленных предприятий. – СПб., 1889.
8. Весь Петербург на 1901 год: адресная и справ. кн. С.-Петербурга. – СПб., 1901.
9. Витте С.Ю. Воспоминания: Детство. Царствования Александра II и Александра III. – Берлин, 1923.
10. Врангель Н.Е. Воспоминания: от крепостного права до большевиков. – М., 2003.
11. Городские водопроводы в С.-Петербурге: кр. ист. очерк. – СПб., 1901.
12. Дельвиг А.И. Полвека русской жизни. – М.-Л., 1930. – Т. 2.

13. Колышко И.И. Великий распад. Воспоминания. – СПб., 2009.
14. Михневич В.О. Наши знакомые. Фельетонный словарь современников. – СПб., 1884.
15. Некрасов Н.А. Полное собрание сочинений и писем. – Л., 1982. – Т. 4.
16. Новое время. – 1908.
17. Общее собрание Русского общества пароходства и торговли. – СПб., 1863.
18. Общий гербовник дворянских родов Всероссийской империи. Ч. 1–9. – М., 2009.
19. Пашенный Н.Л. Императорское Училище правоведения и правоведы в годы мира, войны и смуты. – Мадрид, 1967.
20. Российский государственный исторический архив (РГИА). – Ф. 1343. – Оп. 51.
21. Состав советов и правлений железнодорожных обществ. – СПб., 1877.
22. Справочная книга о лицах купечества и других званий, получивших в течение времени с 1 ноября 1888 по 1 февраля 1889 г. свидетельства и билеты по 1 и 2 гильдиям на право торговли и промыслов. – СПб., 1889.
23. Статистика акционерного дела в России на 1901-1902 год. Личный состав всех правлений и ответственных агентств. Очерки деятельности крупных и выдающихся предприятий. – СПб., 1901. – Вып. 4.
24. Танеев В.И. Детство. Юность. Мысли о будущем. – М., 1959.
25. Указатель действующих в империи акционерных предприятий и торговых домов. – СПб., 1905.
26. Фенин А.И. Воспоминания инженера. – Прага, 1938.
27. Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга (ЦГИА СПб.). – Ф. 536. – Оп. 6.

ЭТНОЛОГИЯ

УДК 94(479.24).072/.084.2:745.5

Э.Л. Гасанов

Традиционные этно-антропологические и исторические особенности основных ремесленных отраслей Гянджи XIX – начала XX в.

В статье исследуются характерные ремесленные особенности Гянджи. Отмечается их значение в изучении традиций художественных ремесел в период XIX–XX вв. На основе историко-этнографических, археологических фактов доказывается важность изучения местных ремесленных образцов как этно-исторических источников.

The article examines typical handicraft features of Ganja. It is noted their importance in study of arts and crafts traditions during XIX–XX centuries. On the basis of historic-ethnographical, archaeological facts prove the importance of studying of the local craft samples as ethno-historical sources.

Ключевые слова: XIX–XX века, Гянджа, Азербайджан, историко-этнографическое исследование, ремесленные отрасли.

Key words: XIX–XX centuries, Ganja, Azerbaijan, historic-ethnographical research, handicraft branches.

Как известно, в течение многих столетий в городе Гяндже развивались разные отрасли народного ремесла. Благодаря благоприятным природным, а также геостратегическим условиям в Гяндже развитие отдельных отраслей народного ремесла стало отличаться характерными особенностями. Историко-этнографическое исследование задач и отраслей ремесел как способ изучения наряду с историей и культурой народа годами сформированных политико-экономических и производственных отношений очень важно. Тесно связанные с хозяйством и ежедневным бытом народа ремесленные занятия были одними из основных национальных традиций.

Ряд занятий в Гяндже с XIX до середины XX в. отличались от кустарных промыслов других областей Азербайджана. Это были в первую очередь профессии, связанные с расширением города и ростом населения, что увеличивало спрос на ремесленные изделия. При таких обстоятельствах кустарное производство не смогло удержать свой натуральный характер. Уже в ряде отраслей готовые изделия были выставлены на базар [11, с. 255].

Увеличение количества ремесленников в городе напрямую было связано с ростом населения. Конкуренция продукции заводов и фабрик не достигла еще серьезного уровня, и поэтому создавались благоприятные условия для расширения традиционных родов занятий. Вдобавок, изделия этих ремесленных отраслей были тесно связаны с бытом и традициями народа и трудно было бы заменить их заводской продукцией. В указанный период истории в Гяндже развивалось в основном гончарное ремесло, ковроткачество, ткацкое дело, ремесло портного, тискальщика, кузнечное и ювелирное дело, профессии красильщика, бондаря и кожевника, оружейное дело и др. [2, с. 339; 3, с. 133].

Гончарное ремесло имело значимую роль в развитии города, так как в этот период в Гяндже существовало более 20 мастерских, где представители данного ремесла изготавливали качественные, неоднородные глиняные изделия. Гончарные образцы Гянджи данной эпохи можно условно классифицировать в таких основных группах, как строительная керамика, неглазурные глиняные изделия и эмалированные керамические изделия [7, с. 57].

Основными характерными особенностями гончарных изделий Гянджи являлись конструктивно-пластические формы, а также геометрические, зооморфные декоративно-орнаментальные элементы.

Среди городских ремесел особо стоит выделить ковроткачество. Широкому развитию данного ремесла способствовала доступность сырья. Вдобавок ковры очень широко использовались в быту – и как мебель, и как занавесь, и как постель, и как покрытие для пола. В ковроткачестве в основном были заняты женщины. Это было связано с тем, что в мусульманском обществе женщины предпочитали работать в домашних условиях. Однако известны случаи, когда этим ремеслом занимались и мужчины [1, с. 34].

Ковроткачество Гянджи данного периода безусловно считается очень важным историко-этнографическим источником. В период XIX–XX вв. Гянджинские национальные ковры сохраняли свои главные характерные декоративно-ремесленные особенности. Важно отметить то, что Гянджинские ковры отличались некоторыми свойствами в течение веков и в связи с этим ковры Гянджа-Карабахской группы в данном периоде считались особым декоративно-ремесленным видом.

Главными ремесленными видами Гянджинских ковров в данном периоде считались палаз, килим, шедде, чувал, хурджун и др. По статистическим данным в 1886 г. на территории Гянджи (Гянджинской-Елизаветпольской губернии) было произведено более 25 тыс. пудов коврового изделия, 23 тыс. пудов данных изделий были отправлены на экспорт. В 1894 г. последние показатели достигли

28980 пудов, а в 1913 г. из Гянджи было экспортировано 72,2 тыс. единиц ковровых изделий [13, с. 17].

Следует отметить, что начиная со второй половины XIX в. разные качественные ковры и ковровые изделия Гянджи неоднократно демонстрировались на международных выставках.

На основе классифицирования ремесел было определено, что к концу XIX в. многие ранее модные профессии стали исчезать. Среди них были шерстобиты, чесальщики, селебчи, джулфачы, извочники. Они изжили свое и были заменены представителями новых ремесел.

В быту у населения Гянджи роль ремесленных изделий была велика. Они широко использовались гянджинцами – ими украшали обстановку жилых комнат, а также пополняли приданое невест. неотъемлемой частью одеяния горожан были созданные в местных цехах платья, костюмы и шапки. Портные и шапочники создавали как национальную одежду, так как и наряды в стиле европейской моды. Несмотря на то, что национальная одежда все еще оставалась более востребованной жителями города, в Гяндже, в отличие от апшеронских сел, европейская одежда в XX в. стала постепенно вытеснять национальную. Это было связано с нарастающим притоком в Гянджу представителей других национальностей. И только женские украшения, как составная часть одеяния, оставляли свою национальную особенность. В это время были модными украшения на груди, руках, пальцах и на одежде.

Еще одной особенностью ремесленного дела в Гяндже была его наследственная передача потомкам. Особо выделялись потомственные ювелиры, ткачи, изготовители ковров, башмачники, гончары и каменотесы [7, с. 57; 12, с. 252]. Каменотесное дело Гянджи отличалось древней историей и богатыми ремесленными традициями. На рубеже XIX–XX вв. в этом древнем городе данное ремесло считалось основным рычагом развития местной архитектуры. Главными показателями каменотесного ремесла Гянджи в сфере архитектуры и строительного дела являются экстерьеры свыше двухсот жилых домов, а также общественных зданий, которые являются историческими памятниками местного значения. Это, прежде всего, каменные шебеке и каменные стелы гробницы Имамзаде и мечети Шаха Аббаса (или же Джума мечеть) [5, с. 145–151].

На рубеже XIX–XX вв., особенно в XIX в. в Гяндже активно развивалось ремесло каллиграфов-резчиков. На территории Гянджи до сих пор сохранилось довольно много образцов надгробных стел – произведений художественной резьбы по камню. Эпитафии этого древнего города являются прекрасным отражением поэтического творчества местных мастеров-поэтов-художников и каллиграфов-резчиков Мир Мехти Гянджи (или же Мирзы Мехти Наджи) и Шейха

Замана [14, с. 3]. Данные исторические образцы каменотесного ремесла Гянджи находятся на территории кладбищ комплекса Имамзаде и Себзикар. Общее число эпитафий, в том числе уникальных склепов-гробниц насчитывается более ста единиц.

Металлообрабатывающее ремесло было одним из основных отраслей народного ремесла Гянджи. Во второй половине XIX и начале XX в. металлообработка развивалась с особой скоростью и ускорялось с ростом квалификации в этой сфере.

Согласно проведенным исследованиям есть точные сведения о широком развитии ювелирного дела в Гяндже в конце XIX – в начале XX в. Ювелиры в основном изготавливали украшения на заказ. Среди них существовала специализация. Работы искусных мастеров поражали даже иностранцев. Развитие торговых и экономических отношений Гянджи с соседними государствами способствовало признанию местных ювелирных изделий за границей.

Благодаря декоративно-орнаментальным особенностям, техническому снабжению и технологическому мастерству произошло совершенствование ремесленных отраслей и в ювелирном деле, и в занятии медников, а также в сфере гравировки. В связи с этим изделия данного ремесла использовались как в быту, так и в качестве оружия. Кроме того, в Гяндже развивалось художественное металлообработка.

Кроме вышеуказанных ремесленных отраслей в Гяндже на рубеже XIX–XX вв. развивались такие традиционные народные профессии, как деревообработка, ткачество, шапочное дело, занятия войлочников, шорников и др. Данные ремесленные отрасли считаются важными историко-этнографическими источниками исследования прошлого Гянджи и ее развития. Одним из главных доказательств развития этих отраслей в Гяндже считается длительное существование отдельных историко-этнографических единиц градостроительства – приходов, т. е. местных кварталов мастеров. Эти приходы в течение веков назывались по отдельным отраслям данного ремесла [11, с. 115–122]. На территории данных приходов-кварталов жили и работали семьи представителей именно вышеуказанных ремесленных отраслей. Они имели крупные мастерские и здесь изготавливались высококачественные изделия, которые не только использовались местными жителями, но и продавались покупателям других регионов [9, с. 402].

Данные исторические факты являются доказательством развития традиционных ремесленных отраслей и подтверждают важность научного исследования в этой сфере. На основе инновационных методов и технологий весьма актуально изучение основных местных ремесленных традиций как неоспоримых историко-этнографических и антропологических источников.

Традиционные сферы ремесел, как показало проведенное нами исследование, являются неоценимыми и надежными источниками изучения культуры, эстетического вкуса, мировоззрения азербайджанского народа. И поэтому важнейшей обязанностью этнографии, как науки, является передача их следующим поколениям и продолжение углубленных научных исследований в будущем.

Список литературы

1. Зубов П. Картина Кавказского края. – Т. IV. – СПб., 1834–1835.
2. Кавказский календарь на 1854 г. – Тифлис, 1853.
3. Кулиева Н.М., Гасанов Э.Л. О развитии художественной керамики в древней Гяндже: материалы междунар. науч.-практ. конф. «Вопросы общественных наук: социология, политология, философия, история». – Новосибирск, 2011.
4. Azərbaycan arxeologiyası: 6 cildə, VI cild. – Bakı, 2008.
5. Azərbaycan etnoqrafiyası: 3 cildə, I cild. – Bakı, 2007.
6. Ergenekon Cavidan. Tempe keçə sanatında geleneksel süsleme üsulları ve günümüzde bu saneye yönelik yeni yaklaşımlar // Azərbaycan xalçası və xalq tətbiqi sənəti mövzusunda III Beynəlxalq simpoziumun materialları. – Bakı, 2005. – S. 45–46.
7. Guliyeva N.M., Hasanov E.L. New ethnographic approach to the research of main decorative - applied arts of Ganja of the XIX–XX centuries // International scientific conference – Achievements in science: new views, problems, innovations. – Lodz, 2012. – P. 56–58.
8. Guliyeva N.M., Hasanov E.L. Investigation of basic decorative-applied arts of Ganja on the basis of some innovative arguments and technologies // Science and Society: Proceedings of the 3rd International scientific-practical conference. – London, 2013. – P. 281–291.
9. Hasanov E.L. Innovational ethnographic facts on investigation and teaching of some basic decorative – applied arts of Ganja of the XIX–XX centuries // Applied and Fundamental Studies: Proceedings of the 1st International Academic Conference. – Saint Louis, 2012. – P. 400–403.
10. Həsənov E.L. Die Gändschänischen teppiche von XIX–XX Jahrhundert als geschichtliche – ethnographische quelle // European Science and Technology (Die Europäische Wissenschaft und die Technologien): 2nd International scientific conference. Bildungszentrum Rdk e. V. – Wiesbaden, 2012. – P. 26–27.
11. Həsənov E.L. Gəncə İmamzadə türbəsi (tarixi-etnoqrafik tədqiqat). – Bakı, 2012.
12. Hasanov E.L. Innovative results of ethno-archaeological researches in Ganja (On the basis of handicraft patterns) // Global Science and Innovation: Proceedings of the 1st International scientific conference. Chicago: Publishing house Accent Graphics communications. – Chicago (USA), 2013, vol. 1. – P. 251–253.
13. The dawn of Art. – Leningrad, 1974.
14. Guliyeva N.M., Həsənov E.L. Die traditionelle Gändschänischen Teppiche von Zeitraum der Aserbaidshanischen Gelehrten und Dichter Mirsə Schäfi Waseh als ethno-anthropologische quelle (XIX Jahrhundert) // European Applied Sciences (Europäische Fachhochschule). – 2014. – № 2. – S. 3–5.

**Место и роль биев в системе ханской власти
в оценках российских исследователей
(XVIII – первая половина XIX в.)**

В статье рассматриваются вопросы места и роли биев в выборах казахского хана. Данный акт позволял последним контролировать и влиять на внутреннюю и внешнюю политику хана в угоду своим интересам. Российская империя при проведении своей политики в крае была вынуждена считаться с этим правовым институтом, точнее, с мнением и желанием лидеров крупных родовых объединений казахской степи.

This article considers the issues of biys' place and role during the elections of Kazakh khan. This act allowed the latter to control and influence on internal and external policy of khan with own interest. When conducting its regional policy, the Russian Empire had to consider this legislative authority, i.e. opinions and wishes of the leaders of large tribal unions of Kazakh steppe.

Ключевые слова: бии, ханская власть, совет биев, управление.

Key words: biys, khan's power, biys' council, management.

Казахское кочевое государство в ходе своего исторического развития в силу разных объективных причин переживало моменты объединения и распада, расцвета и кризиса, в которых решающую роль играла элита «черной кости» – бии, старшины, батыры, главою же возникающих политических объединений всегда выступал хан.

Роль биев, которые выполняли в казахской степи не только функции судей, но и предводителей родов, и были движущей силой казахского общества, можно проследить во всех работах дореволюционных исследователей края. Без его поддержки ханская власть, особенно после присоединения Казахстана к России, теряла свою силу и постепенно значение. Однако вплоть до конца XVIII в. царское правительство в своей политике делало ставку на ханов и на султанов как своих агентов в степи. Лишь постепенно, осознавая значимость биев в жизни казахского социума, царизм начал опираться при проведении своей политики в крае именно на эту социальную группу.

Источники XVIII в. указывают, что все вопросы внутренней и внешнеполитической деятельности казахских родов решались биями. Здесь следует отметить, что такая достаточно сильная позиция биев характерна не только для времени упадка авторитета ханской

власти в степи (вторая половина XVIII в.), но и для периода достаточно сильной централизованной власти эпохи Тауке-хана. Ибо и сам Тауке-хан, время которого источники называют «золотым веком», по многим вопросам делил свою власть с биями, не предпринимая без совета с последними серьезных мер по управлению казахской степью.

Влияние биев на ханскую власть прослеживается и в вопросе выбора хана. Этот обычай ярко иллюстрирует силу и значимость бийско-батырского сословия. Выборы производились по принципу меритократии, когда из множества претендентов «белой кости» на ханский трон избирался кандидат, соответствовавший предъявляемым обществом требованиям.

В дореволюционной литературе утвердилось два мнения по этому вопросу: одна группа исследователей считала, что выборы хана являлись одним из главных институтов в традиционном казахском обществе и не носили формализованный характер; другие ученые считали ханскую власть наследственной, вследствие чего выборы хана представляли из себя пустую формальность, так как претенденты на это звание происходили из дома Жадига. Мы в данной статье позволим себе остановиться на историографическом исследовании работ первой группы, которые, на наш взгляд, представляют большой интерес для изучения этой проблемы.

Одним из первых авторов, сообщивших российскому правительству об институте избрания ханов являлся посол Тевкелев, который после переговоров с Абулхаир-ханом записал в своем дневнике следующее, что: «Первое, ханы у них не самовластные; второе – не наследные, но выборные, а он Абулхаир желает, чтоб протекциею ея императорского величества быть ему самовластным и дети б ево по нем были наследники» [2, с. 201].

Ту же самую мысль мы находим и в другом донесении Тевкелева, в котором он описывал казахские роды Большого жуза: «А в Большее орде ханов выбирают из киргис-кайсацких салтанов ... и ханы у них не наследные, но выборные, потому и прежних ханов никто не знает, понеже у них письменных историй не имеется» [3, с. 156]. Учитывая, что казахи не имели письменной истории в указываемый автором период, можно сделать предположение, что казахи не знали прежних ханов не из-за письменной неграмотности, а скорее всего от того, что отсутствовало культивирование династических традиций, как обычно бывает в наследственных монархиях. Этим как бы подчеркивалась возможность непредсказуемости при выборе хана. Автор отмечал, что хан выполнял скорее функцию военного полководца, защищавшего земельные владения кочевников, нежели верховного правителя в мирное время. В последнем случае прерогатива управления казахскими родами находилась в руках родопра-

вителей – биев. При таком положении дел у хана было мало шансов прямым образом влиять на положение дел внутри родовых общин. Но ханы пытались исправить это с помощью внешней силы, захватив этот рычаг управления степью в свои руки. Отсюда понятна позиция Абулхаир-хана, очень метко подмеченная в свое время Тевкелевым, который просил не просто изменить порядок наследования на территории Младшего жуза, но и присовокупить к этому военный казачий отряд, обеспечивавший сохранность ханской фамилии в кочевой среде.

Пытаясь обезопасить свою власть от контроля со стороны биев, а также ослабить их политическое влияние на казахские роды, Абулхаир-хан даже предлагал Тевкелеву план реализации подобной акции. Его мы находим в дневнике Тевкелева: «Инако никак не можно сию орду привести в состояние, кроме того, что надобно всех противных старшин искоренить, иных переказнить, а иных послать в дальние города... А ежели де стариков противных всех уходить, а вместо их определить повелено будет указом из молодых, то будет оным определенным молодым старшинам великой страх, а доброжелательным покой» [3, с. 156]. Более того, по мнению Абулхаир-хана, такая операция привела бы к смене «политической элиты» в казахском обществе, т. е. замене авторитетных «стариков» молодыми родоначальниками, но не по принципу выдвижения самим родовым коллективом, а путем назначения зависимых от верховной власти ставленников, которые за верную службу хану сохраняли бы рычаги управления степью. Иными словами, хан предлагал своего рода «политическую революцию», которая обеспечила бы ему стабильное положение, независимое от своеволия и желаний биев, старшин, батыров.

Как отмечал капитан Н.П. Рычков, обычай повиноваться законам степи, а именно: платить за увечье человека половину куна убитого человека, касалось всех без исключения кочевников. В доказательство своего довода он привел пример из жизни казахов Младшего жуза, в котором сам хан Младшего жуза Нуралы «... принужден был, повинуюсь установленному праву, платить за увечье одного Киргисца (казаха – Ж.М.)». (Народный суд, не считаясь с высоким положением хана Нуралы заставил его заплатить половинный кун за мужчину, которого покалечили нукеры хана) [8, с. 24]. Случай произошел в кибитке ханской жены, в которой спряталась от побоев своего хозяина калмычка. Застигнув ее в юрте ханши, он при ней начал «бранить и бить свою пленницу, от чего сделалось смятение во всем Ханском улусе. Служащие при Хане люди сбежались на сей крик, вытащили вон сего дерзновенного нахала; и между тем нечаянно изувечили его так, что он по осмотру собравшихся Киргисцов оказался неспособным к деторождению» [8, с. 25]. И как ни старался

хан защитить себя уважением к своему ханскому достоинству, бии принудили его платить положенный кун.

После убийства в 1748 г. Абулхаир-хана, когда встал вопрос о преемнике, И. Неплюев решительно рекомендовал царскому правительству принять во внимание сложившиеся традиции в казахском обществе. В частности, он подчеркивал важность выбора народом хана, и игнорирование этой традиции, по мнению губернатора края, могло привести к самым нежелательным результатам, вплоть до военного выступления. «Ханы бывают у них не по наследству, но по народному избранию и тако ежели со стороны ея императорского величества в то, чтоб ханы их были наследственные вступиться, а их киргис-кайсацкие (казахские — Ж.М.) старшины и народ того не похотят и не примут, то принуждать их к тому неудобно, а, начав оное, иногда и без предосуждения быть может» [6, с. 232].

Таким образом, И. Неплюев принимал институт выборов хана как один из необходимых атрибутов власти, не учитывать который на тот момент считал рискованным для официальных властей. Иначе говоря, можно сделать вывод, что сложившаяся традиция выбора хана являлась традиционной для казахского общества, однако, начиная с середины XVIII в., по мере усиления позиций России в регионе, она постепенно превращалась в фикцию, в которой переплелись старый принцип избрания на ханский престол претендента с новыми, привнесенными извне, значительно трансформировавшими данный порядок в сторону ослабления этого важного выборного института. Все последующие выборы являлись карикатурой прежних выборов, ставленники России не пользовались в среде старшин и биев уважением отчасти от того, что последние уже не принимали активного участия в них, соответственно ханская власть уже не пользовалась авторитетом и среди народа.

Наглядным примером данного факта служат выборы Нуралы-хана, которые собрали небольшое количество наиболее надежных старшин, положительное решение которых не влияло на легитимацию этой ханской власти. Однако для конституционного утверждения власти необходимо было главное звено в лице законодательного органа, т. е. съезда старшин. Возникшую трудность разрешил бий Исет, который поддержал хана и присягнул на верность, за ним последовали другие. Таким образом, впервые мы наблюдаем трансформацию выборов хана в сторону снижения роли бийско-старшинского элемента, что впоследствии отразилось в дальнейшей судьбе Нуралы. Присутствовавшие и принесшие присягу вновь «выбранному» хану бии и старшины, лишённые своего законного права участвовать в выборах хана, не посчитали нужным для себя в будущем подчиняться его власти. Движение Срыма Датова является в этом плане подтверждением сказанных слов, ведь

одной из основных его целей являлась как раз таки ликвидация той ханской власти, которая в глазах кочевников не являлась легитимной, так как не получила одобрения на съезде казахской знати.

Поближе рассмотреть обряд избрания хана и участия в этом процессе различных политических сил казахского общества позволяет работа Я. Гавердовского, побывавшего в казахском плену в начале XIX в. После возвращения из плена, он отправил многочисленные донесения правительству, в которых описывал жизнь казахов. К донесениям Я. Гавердовского следует отнести с доверием, как к первоисточнику, так как он еще застал институт ханской власти в живом виде (хотя и отживающим свой век). Автор подробно остановился на процедуре выборов, что позволяет нам сделать некоторые выводы: 1) привлекался широкий круг лиц, которые имели право участвовать в этой процедуре; 2) рядом со биями-старшинами фигурировали «депутаты», скорее всего аксакалы или почетные люди, которым делегировалось право участия в подобного рода мероприятиях и от лица аула отдавать свой голос за того или иного кандидата; 3) стоит отметить, что и простой народ не оставался пассивным участником событий: в случае разногласий и споров между биями, он имел право советовать своим выборщикам и отдавать голос по назначению.

В данном случае сама процедура выборов очень далека от формальной, которую можно встретить в других работах исследователей. Мнению Я. Гавердовского, повторим, стоит доверять, так как он не понаслышке описывал события, а как непосредственный участник. Позволим себе привести отрывок из этой работы в полном объеме, так как последующие исследователи казахского общества в своих трудах опирались именно на этот материал. «В прежние времена по смерти хана каждый аул и почти каждая семья избирала из среды своей доверенных людей и посылала оных на общий совет в определенное место; но нынче участвуют в советах все без разбору... Когда киргизы (казахи – Ж.М.) для выбора хана со всех сторон соберутся, и многие близкие роды приходят туда со своими аулами, тогда начинаются взаимные угощения. Солтаны, желающие взойти в любовь народа, истощают все способы, дабы удовлетворить алчность посетителей... В продолжении сих увеселений между тюбями и аймаками идут суждения. Сперва оные начинают два сословия кара-сюек и ак-сюек, т. е. простолюдины и дворяне, потом нарочито собираются родовые советы, где из среды себя собирают почтеннейших людей, долженствующих в общем собрании решительно согласиться о назначении владетеля народа. Накануне выборов на поле совета собираются все старейшины, солтаны и депутаты, которые садятся в порядке по старшинству родов... Народ, стекаясь толпами, располагается по частям в некотором от сего места отда-

лень; после чего начинается совет; он не всегда оканчивается в один день, ибо иногда, в случае несогласия, относятся с мнением к народу и собирают от него голоса» [4, с. 390].

Данный отрывок иллюстрирует предвыборную борьбу между претендентами, когда шел подкуп голосов путем раздачи угощений, словесную борьбу приверженцев того или иного кандидата, которая позволяла выявить положительные качества желающих взойти на ханский престол, и законность его претензий. Даже те споры, которые иногда «не всегда оканчивается в один день», говорят о серьезной борьбе между сторонами за ханский титул.

После многочисленных прений сторон участники собрания отдавали свой голос тому претенденту, который на данный момент соответствовал, по их мнению, всем необходимым требованиям. Выигравшего в конкурентной борьбе «белокостного» победителя сажали на сложенный в четыре слоя войлок и поднимали три раза над головой. Данный акт символизировал признание его новым ханом собравшимся сообществом. После этого новоиспеченный хан давал клятву всему казахскому народу.

Напомним, что описанный порядок избрания хана относится к началу XIX в., когда усилиями царского правительства этот институт начал переживать период упадка. Однако складывающаяся из отрывка картина происходящих событий живо рисует нам, насколько даже после реформ царизма второй половины XVIII в. (реформа Игельстрома, ликвидировавшая ханскую власть на территории Младшего жуза, создание частей, расправ и т. д.) данный институт ханской власти, точнее его выборы, был живуч в казахской среде. Причем на первый план выступал вопрос выборности хана, а не простой передачи статуса от одного поколения другому потомками хана Абулхаира.

Порядок выборности предводителей родов и племен вообще был характерен для кочевой среды. Наследственная преемственность могла оказаться роковой в судьбе кочевого социума, который в условиях выживания в естественной природной среде, отбирал для своего жизнеобеспечения только самые лучшие, проверенные временем институты. Этот порядок понимала и принимала российская сторона, которая, видоизменяя традиционные институты, не решилась на ликвидацию выборности предводителей родов и племен. Ведь в ходе всех реформ царизма на территории Казахстана в XIX в. она оставила без изменения это правило при выборах волостных и аульных старшин и биев. Исключение в данном случае составляет только Младший жуз, где в 20-х гг. XIX в. в ходе реформ Эссена была учреждена новая, назначаемая правительством России должность султана-правителя. Но этот акт российская сторона могла себе позволить, так как на тот момент ее позиции на террито-

рии этого жуза были прочны, поэтому придерживаться традиционных правил избрания правителей она не сочла для себя нужным.

Далее следует обратить внимание на тот факт, что автор делал акцент в повествовании на то, что ханы никогда не признавались верховными правителями. Каждая часть народа имела своего старейшину, избираемого по дружелюбному согласию и почти равносильного хану [4, с. 399]. Причину этого можно увидеть в том, что в кочевом обществе несколько семей, объединенных в один аул, занимаясь кочевым хозяйством, находились вдалеке от ставок верховных правителей, поэтому закономерно, что они, объединенные не только родством, но и общим хозяйством, выбирали из своей среды предводителей, соединявших в своих руках практически все ветви власти.

В XVIII в. начинается процесс перераспределения властных полномочий в степи между представителями «белой» и «черной» кости, следствием чего стало то, что «...ханские потомства были богатейшими в орде, пользовались отличительными правами, но ныне происходящие от черных костей столько же усилились; они часто приобретают себе титул биев и батырей, входят в родством с солтанами и начальствуют многими аулами [4, с. 428]. Причем авторитет бия зависел от многочисленности семейства, что приводило к постоянному притоку желающих встать под его покровительство.

Некоторые дореволюционные исследователи отмечали, что родоправители – бии, старшины, батыры являлись «дворянством» в казахской степи, своего рода знатью. Это заблуждение отчасти можно объяснить тем, что в условиях падения престижа ханской власти, начиная с середины XVIII в. по своему влиянию и весу родоначальники не уступали, а зачастую, наоборот, превышали представителей «белой кости». Мы находим подтверждение этого факта в работе доктора Саввы Большого, также побывавшего в плену у казахов в 1803–1804 гг. Он сообщал, что казахи «управляются слегка ханами, султанами, биями; но более – зажиточными или семьянистыми своими братьями» [9, с. 58]. Окруженные своими родственниками-общинниками, бии, старшины, батыры зачастую представляли социальную силу, которая по многим аспектам социально-экономической и политической жизни превосходила силу хана, что позволяла им напрямую вмешиваться в его деятельность по управлению казахским народом. Имея мощный арсенал в лице многочисленного семейства, они могли манипулировать поведением хана в угоду своим интересам, и особенно тогда, когда они не совпадали с желаниями и поведением хана. Усиление позиции хана не всегда было на руку биям, если оно влекло за собой нарушение стабильности в жузах путем перераспределения вопреки обычному праву из-

давна сложившихся в степи маршрутов кочевания, что привело бы к столкновениям внутри родовых племен за эти пути.

Заменить же свободные выборы хана назначением со стороны России было невыгодно, так как прямое наследование, которого так добивались ханы Абулхаир и Нуралы, царизм позволить себе не мог из-за потери влияния на престолозамещение, с другой стороны, выборы позволяли манипулировать ханской фамилией и в то же время привлекать на свою сторону старшинско-бийскую группу, которая в этот период начинала набирать политический вес в глазах российского правительства. Поэтому А. Левшин писал, что заменить выборы хана назначением «было опасно и не нужно» [5, с. 179]. Он полагал, что правительство понимало нужность института выбора хана для колониальной политики в крае, поэтому правительственные круги пытались изучить основы обычно-правовой системы в крае и использовать ее в своих интересах. Когда Оренбургская администрация поставила вопрос о преемнике Нуралы хана, ссылаясь на нормы обычного права казахов о наследовании, и предложила «по обычаям киргизским после смерти Нуралы следует быть ханом одному из братьев его, а не сыновей», Министерство иностранных дел категорически отвергло это предложение, ссылаясь на то, что «правило наследства в частной жизни не должно быть применяемым к преемничеству ханского достоинства, ибо оно всегда переходило от одного лица к другому не иначе, как по избранию народа» [5, с. 246].

Во второй половине XIX в. в печати появляются публикации о казахах и других народностях, населявших Центральную Азию. На одну из них хотелось бы обратить особое внимание. Автором статьи, названной «Из Зауральской степи» и разделенной на несколько частей, являлся мифический Султан Мендали Пиралиев. Письма этого автора «возбудили живой интерес в людях, знакомых с Оренбургским краем» [1, с. 199]. Он вел повествование от первого лица – казахского султана, который «живет зиму и лето в войлочной кибитке, а не в уютном доме» [10, с. 15]. Между тем автором этих публикаций являлся известный к тому времени ученый, востоковед, а с 1851 г. начальник Оренбургской пограничной экспедиции В.В. Григорьев. Работа в крае, непосредственная близость к кочевому быту, частые встречи с казахами и другими кочевыми народами позволили ему от лица местного жителя напечатать свои наблюдения о стратегическом важном для России регионе. Наряду с общими проблемами русско-казахских отношений, он обращал внимание читателей на особенности казахского общества. В частности, он писал, что у казахов «Ханы были не наследственные, а избирательные, и повиноваться хану своего выбора Кайсаки считали себя обязанными только до тех пор, пока он им нравился» [11, с. 13]. Выборность

хана ставила последнего в очень сложное положение. По мнению ученого, в степи положение хана зависело от настроения и пожелания реальных правителей улусов – аксакалов, биев и батыров.

О выборности ханов народом в казахской степи писал и исследователь Л. Мейер. Во второй половине XIX в. Россия, усиливая свое присутствие в крае и продвигаясь еще дальше в юго-восточном направлении, пыталась проанализировать причины шаткости своего положения на казахской территории в XVIII в. Предпринимались попытки обобщения имеющегося материала, на основании которого предлагались способы и пути управления во вновь завоеванных землях. Одну из причин сложных взаимоотношений оренбургской администрации с верхушкой казахского общества Л. Мейер видел в нарушении вековых традиций выбора хана народным собранием. По его мнению, Россия пошла «...прямо против коренного начала киргизской свободы, стесняя выбор Хана и в тоже время делая этого Хана как будто бы не совсем зависимым от нас, потому что его право основывалось не на нашей воле, а на первородстве» [7, с. 8]. Такая двойственная политика: с одной стороны, назначения угодных ханов, с другой – видимость свободных выборов бийско-старшинской группой, делала присутствие России в регионе нестабильным, считал ученый.

Таким образом, можно сделать некоторые выводы. Отдельные дореволюционные российские авторы считали, что, во-первых, выборы хана носили неформальный характер. Этот выборный акт имел серьезный политический смысл, так как в нем проявлялись не только желание и поддержка выборщиков данной кандидатуры, но и в целом поддержка того курса, который проводился избранным. Поднятие хана на белой кошке символизировало не только его признание родовой знатью, но, самое главное, поддержку его теми лицами, от повелений которых зависело поведение всех кочевых общин. Кстати, неформальность выборов хана отражает и пример из истории, когда в результате успешных казахско-джунгарских войн в конце 20-х гг. XVIII в. на всеказахском съезде родовой знати реальные шансы на избрание имел Абулхаир-хан, руководивший военным ополчением. Ведь, как указывалось выше, одним из критериев выбора хана были его полководческие способности. Однако съезд биев, старшин решил иначе, Абулхаир не стал ханом.

Во-вторых, отношение к хану со стороны биев и старшин зависело от многих его качеств, в первую очередь, от его полководческого и военного дара. Кочевые племена на казахской земле издавна занимались кочевым и полукочевым хозяйством, главным принципом которого является его экстенсивность. Богатство кочевника напрямую зависело от количества поголовья скота, которое, в свою очередь, находилось в зависимости от площади пастбищ. Поэтому

одной из главных задач предводителя-хана являлось увеличение территории *Авторитет хана со стороны родовых лидеров был гарантом его власти (выделено мной – Ж.М.)*.

В-третьих, институт выбора хана уходит своими корнями в прошлое казахского народа. Понимая это, а также учитывая значение и роль его в жизни казахов, чиновники царского правительства при исследовании казахского общества, особенно первой половине XVIII в., пытались понять механизм его функционирования, а самое главное – уяснить потребность в нем со стороны России. Демократический способ выборности у казахов ставил правительство России в сложное положение, так как вынуждал считаться с мнением большинства. Поэтому его желанием было искоренение этого института, точнее, изменение его в угоду целям и задач империи.

Список литературы

1. Веселовский Н.И. Василий Васильевич Григорьев по его письмам и трудам. 1816–1881. – СПб., 1887.
2. Донесение М. Тевкелева в Коллегию иностранных дел 5 января 1732 г. // Красный архив. – 1936. – № 5(78).
3. Журнал Тевкелева. 1732–1733 гг. // Красный архив. – 1938. – № 2 (87).
4. История Казахстана в русских источниках XVI–XX веков. – Т. 5. – А., 2007.
5. Левшин А.И. Описание киргиз-казачьих или киргиз-кайсацких орд и степей. Ч. 2. – СПб., 1832.
6. Материалы по истории Казахской ССР. – М., Л., 1940. – Т. 2.
7. Мейер Л. Материалы для географии и статистики России. Киргизская степь Оренбургского ведомства: ист. оч. – СПб., 1865.
8. Рычков Н.П. Дневные записки путешествия капитана Николай Рычкова в киргиз-кайсацкой степи 1771 года. – СПб., 1772. – С. 24–25.
9. Савва Большой. Записки о приключениях в плену у киргиз-кайсаков в 1803 и 1804 годах // Сын Отечества. – 1822. – № 35.
10. Султан Мендали Пиралиев. Из Зауральской степи. (Письма к редактору «Дня») // День. – 1862. – № 28.
11. Султан Мендали Пиралиев. Из Зауральской степи. (Письма к редактору «Дня») // День. – 1862. – № 32.

Служилая вотчина в Белозерском уезде в первой четверти XVII в.

В статье рассматривается изучению одна из форм светского феодального землевладения в первой четверти XVII в. в Белозерском уезде. На основании материалов писцовых книг и делопроизводства делается вывод, что члены дворянских корпораций владели в уезде «выслуженными» вотчинами, полученными за военную службу.

The article researches the problem of one of the forms of secular feudal tenure of Belozersk district (votchina) in the first quarter of the seventeenth century. On the material of cadastres it is concluded that in the district members of nobility corporations owned "served" patrimonies received for military service.

Ключевые слова: дворянство, дворянские корпорации, поместье, Белозерский уезд, вотчина.

Key words: nobility, nobility corporations, estate, Belozersk district, patrimony (votchina).

В XVI в. светская вотчина не была для Белозерского уезда чем-то новым и незнакомым. А.И. Копанев, посвятивший отдельную главу своего исследования истории монастырской вотчины в XV–XVI вв., отмечал стремление Кирилло-Белозерского монастыря к округлению своих владений, которое выражалось в обмене своих земель и земель великого князя, в покупке вотчин, например братьев Мауриных-Зайцевых в 1566–1567 гг.

По всей видимости, светские вотчины начали исчезать, когда часть уезда вошла в опричнину в 1569–1570 гг. Уже к концу XVI – началу XVII в. в Белозерском уезде образовался фонд черных и дворцовых земель, созданный как ходом опричной политики, так и экономическими причинами, приведшими к исчезновению феодального светского землевладения. Исследование А.И. Копанева и анализ писцовых материалов 1626–1627 гг. показывают, что к началу испомещения в 1613 г. служилых людей доопричного светского вотчинного землевладения не сохранилось [4, с. 107–108].

Необходимо отметить, что светское феодальное землевладение XVII в. на территории Белозерского уезда не было предметом

исследования ученых, поскольку внимание последних привлекало преимущественно монастырское землевладение. Только в работах С.Б. Веселовского, А.И. Копанева, А.А. Новосельского, А.Л. Станиславского частично затрагивались проблемы светского землевладения в Белозерском крае [1, с. 282; 4; 5, с. 139–162; 12, с. 200–223]. Основными источниками для данной работы послужили «платежница Белозерского уезда с книг писма и дозору» М.М. Беклемишева и Т. Копнина 1615–1616 гг. и писцовые книги «письма и меры» князя Н. Шеховского и М. Козлова 1626–1627 [8; 9; 10]. Если писцовая книга уже привлекалась исследователями, то платежница вводится в научный оборот впервые.

Первое упоминание о двух светских вотчинах в XVII в. находим в платежнице 1615–1616 г. Они располагались в Вадбольской волости и принадлежали князьям Борису и Михаилу Вадбольским, потомкам белозерских князей [8. Л. 84]. Дело в том, что большое количество вотчин Белозерского уезда, о которых пойдет речь, были выслуженные. Появление вотчин князей Вадбольских, возможно, было связано, с возвратом части родовых владений, потерянных в XVI в. Этими шагами правительство Михаила Романова могло привлечь на свою сторону потомков княжат. Таким образом, появление светской вотчины в Белозерском крае было связано не с пожалованиями «за осадное сидение», а с политикой правительства Романова, направленной на стабилизацию общества.

Рассмотрим светское вотчинное землевладение по трем станам Белозерского исходя из данных, полученных при анализе писцовых книг 1626–1627 гг. В Надпорожском стане располагалось 15 вотчин, принадлежавших шестнадцати вотчинникам, так как одна вотчина была в совместном владении братьев А.Г. и Г.Г. Образцовых, получивших её от отца [9. Л. 199 об. – 202]. Как они появились?

История происхождения вотчин отчасти раскрывается данными писцовых материалов. Основной заголовок раздела вотчин – «дано за московское осадное сидение королевича прихода и царя Василево осадное сидение». Более того, в семи случаях есть ссылка на жалованные вотчинные грамоты: Г.К. Булгакову и кн. И.А. Дашкову за приписью дьяка А. Вареева 1621/22 г., Б.С. Десятого за приписью дьяка А. Вареева 1620/21 г., Томасу Крофу без указания года и фамилии дьяка, Г.А. Ларионову за приписью дьяка Н. Новокщенова 1620/21 г., Я.А. Тухачевскому за приписью дьяка Г. Мартемьянова 1620/21 г., кн. Д.К. Щербатому за приписью дьяка И. Грязева 1621/22 г. Две вотчины перешли по наследству сыновьям, чьи отцы получили их «за московское осадное сидение в королевич приход»: братья Г.Г. и А.Г. Образцовы, Ф.Г. Уваров [9. Л. 171 об.–172 об., 258 об.–260, 251–253, 182 об. –184, 253 об.–254, 90–91, 257–258 об., 139 об.–202, 404–406 об.].

Таким образом, перед нами выслуженные вотчины, полученные от правительства за военную службу. Превращение части поместья в вотчину в качестве награды просматривается в законодательстве XVII в., начиная с царя Василия Шуйского. Такой способ поощрения был связан с отсутствием в казне денег и небольшим фондом неразоренных земель. В 1610 г. было указано «давати бояром, и розных городов дворянам, и детем боярским за службу и за осадное сиденье поместья в вотчины». Норма перевода была 20 четвертей на 100 четвертей поместного оклада. Это приводило к существенным изменениям в общей картине феодального землевладения и увеличению числа вотчин. В вотчинном фонде выслуженные вотчины становятся преобладающими [2, с. 79; 3, с. 116].

Указ 1618–1619 гг. о жалованных грамотах «за московское осадное сидение королевича приходу» сообщал, что владелец «и ево дети, и внучата, и правнучата вольны» распоряжаться, «продать, и заложить, и в приданные дать, и в монастырь по душе до выкупа дать.» Кроме того, если не останется детей, а только одна жена, то «и жене ево тою вотчиною владеть по свой живот; а после своего живота та вотчина для мужа своего и своего поминка отдать в монастырь до выкупу». Она же может вотчину продать или заложить. В случае, если жена его «пойдет замуж», государь мог пожаловать из той вотчину её жениха поместьем «что доведетца» [2, с. 93–94].

Превращение пятой доли земли в вотчину во многих поместьях свидетельствовало о дальнейшем укреплении феодальной земельной собственности. Таким образом, право распоряжения вотчинника выслуженной вотчиной приближалось к праву распоряжения вотчиной родовой. Указ 1619–1620 г. касался одновременно вотчин верстанных казаков, но их землевладельческие права были ограничены. В нем говорилось, что «вотчин не продавать и в вотчинные книги без государского имеянного приказу не записывать». Вотчина отписывалась на государя, если атаман или казак «пойдет в монастырские служки или в холопи в боярский двор, или х комунибудь, или учнет торговати, или за кем сядет на пашне». Указ ограничивал землевладельческие права казаков в отношении вотчин. Здесь явно видно стремление правительства поставить под контроль казачье землевладение [3, с. 98, 133–1234, 137].

Вышесказанное позволяет сделать вывод, что большинством из пятнадцати вотчин были выслуженные «за королевич приход». Исключение составляет, во-первых, вотчина князя Л.О. Щербатого. У составителей «Осадного списка 1618 г.» он указан среди вотчинников, пожалованных «за осадное сидение при царе Василие Шуйском», он записан в группу «Дворяне ж в сотню были не росписаны за старостью, а иные для бедности» [11, с. 42, 191, 180]. Это позво-

ляет, учитывая его возраст, предположить такое происхождение вотчины. Во-вторых, указание на происхождение вотчины князя Д.К. Щербатого как бывшего владения княгини Овдотьи князя Дмитрия жены Щербатого. Он фигурирует в реконструированной части списка «Стряпчие, которые малы, по полкам были не расписаны, а были в верху у государя и всполохив полки ездили собою» [11, с. 34]. Но в платежнице 1615–1616 гг. в Андожской волости записано поместье вдовы княгини Овдотьи Щербатого [8. Л. 17], которое, по видимому, перешло к князю Давиду [9. Л. 258 об.]. В третьих, непонятным является происхождение вотчины О.Г. Оничкова. Дело в том, что его вотчина идет в списке сразу после описания вотчины С. Протасова [9. Л. 254 об; 11, с. 80]. Вотчина Протасова находилась в Карголомской волости, расположенной рядом с Белоозером. Описание вотчины О.Г. Оничкова приводится в Андожской и Карголомской волостях, а владел он ею после А.И. Шорстова, а тот, соответственно, после Тимофея Шорстова. О них в осадном списке данных нет. Таким образом, за короткое время у вотчины сменилось три владельца.

Всего в Надпорожском стане в вотчинах находилось 1631 четвертей земли. В среднем на каждую вотчину приходилось по 108,7 четвертей. Только в Андожской, Даргунской, Заягорбской, Ивановской, Череповецкой волостях имелась владельческая пашня, что совпадает с теми данными, что в этих волостях были дворы, принадлежащие вотчинникам, а проживали там их приказчики, деловые люди и бобыли. В одной Шухтовской волости, где во дворе вотчинника проживал бобыль, у Ф.Г. Уварова не было владельческой пашни.

Самая большая вотчина принадлежала пожилому московскому дворянину князю Л.О. Щербатову. За ним находилось 259 четвертей, из которых 208 были пахотные, т. е. более 83 % всего владения. На его земле стояла Успенская церковь. В 15,5 деревнях, не считая селищ и пустошей, в 29 дворах проживали 41 крестьянин и бобыль. Имелся двор вотчинника, где проживал его приказчик, скотный двор и двор деловых людей, в котором было 5 чел. [9. Л. 260–263 об.]. Самой маленькой вотчиной в этом стане было владение смоленина А.П. Баскакова, который в 1618 г. служил по «выбору» [11, с. 58]. В половине деревни Максимовской на вотчинном дворе проживал один бобыль. Из 20 четвертей земли пахотной владельческой было 3 четверти [9. Л. 373–373 об.]. Средний размер вотчины по стану составлял 108,7 четверти.

В Судском стане вотчинников было 18 чел., а вотчин 17. Владения вдовы Офимьи Ивановской жены и её племянника Богдана Иванова, сына Медведевых были совместными и располагались в двух волостях – Васколовской и Хилевской.

Происхождение вотчин, как и в первом случае, чаще всего одно – пожалование за «осадное сидение в королевич приход». Ссылка на государевые жалованные грамоты на вотчину есть в 12 случаях: И.С. Дичкову 1619/20 г. без указания за чьей приписью, П.М. Ковалеву за приписью дьяка Г. Мартемьянова 1618/19 г., К. Кузмину за приписью думного дьяка Н. Новокщенова 1620/21 г., А.А. Обрамову за приписью дьяка Г. Мартемьянова 1620/21 г., А.Ю. Обрамову за приписью дьяка Г. Мартемьянова 1620/21 г., Ю.Ю. Обрамову за приписью дьяка Г. Мартемьянова 1624/25 г., Б.Т. Резанову за приписью дьяка И. Грязева 1622/23 г., И.Ф. Тархову за приписью дьяка Г. Мартемьянова 1620/21 г., П.О. Товаркову за приписью дьяка Г. Мартемьянова 1620/21 г., А.Т. Усову за приписью дьяка А. Вареева 1621/22 г., «новокрещену» И. Шваковскому за приписью В. Махова 1623/24 г., А.Г. Шепелеву за приписью дьяка Г. Мартемьянова 1618/19 г.(18). В случае с Шепелевым мы имеем точную датировку грамоты 26 марта 1619 г. [10. Л. 692–693 об., 459–460, 549 об.–551, 566–567, 564–566, 567–568, 716–717, 657–658, 548–548 об., 693 об. –695 об., 605 об.–606, 460–461 об.; 3, с. 134].

Владения вдовы Ефимии Ивановской жены и её племянника Богдана И. Медведевых указаны в писцовой книге 1626–1627 г. как «старая вотчина» и «старая родовая вотчина». Об этом владении имеется ссылка на то, «что писана та вотчина» по государевой жалованной грамоте за приписью дьяка Т. Корсакова и отказной выписи 1623/24 г. в Васколовской и Хилевской волостях [9. Л. 677–678 об.]. А.А. Новосельский приводит следующие данные о происхождении этой вотчины: по решению боярина князя А.В. Сицкого в августе 1626 г. старице Маремьяне Медведевой с её братом Богданом Медведевым и снохою (вдовой) Ефимьей была возвращена родовая вотчина село Никольское по предъявлению ею жалованной грамоты царя Ивана Грозного 1541–1542 гг. [6, с. 136–139]. Первоначально эти земли были отданы князю И. Вяземскому в поместье в 1613 г., но в платежнице 1615–1616 гг. его нет. Получается, что белозерские владения, взятые в опричнину и пробывшие в черных волостях более 40 лет, вернулись к потомкам своих прежних владельцев.

Вотчина князя М.М. Вадбольского по указанию списка 1618 г. числится как пожалованная «за московское осадное сидение в королевич приход» [11, с. 123, 225]. В писцовой книге есть указание на то, что это «старая вотчина» [10. Л. 717–720 об.]. Учитывая, что она располагалась в Вадбольской волости, возможно переплетение происхождения данного владения. Необходимо учитывать и что, несмотря на пожалование земель «за осадное сидение» князю Борису княж Иванову сыну Вадбольскому, что подтверждает осадный список 1618 г. [11, с. 123, 225], такого заголовка в писцовой книге нет.

Его владения в писцовой книге идут сразу после описания вотчин князя Михаила.

Вотчина И.И. Загряского была приобретена по купчей у жильца И.Ф. Новосильцева [10. Л. 704 об.–706 об.]. Сам Новосильцев принимал участия в событиях 1618 г. и, очевидно, получив пожалованные вотчины в Белозерском и Коломенском уездах [11, с. 165], воспользовался царским указом для её продажи на Белоозере. Вотчинные владения И.К. Карамышева в Шудбальской волости были куплены у В.Ю. Шадеева и И.Т. Платова. Дело в том, что И.К. Карамышев имел пожалованные вотчины в Пусторжевском уезде «за Московское осадное сидение при царе Василии Шуйском», а приобрел в Белозерском уезде земли у волочан – участников обороны Москвы в 1618 г. [11, с. 60, 61].

Всего в Судском стане в вотчинных владениях находилось 1399 четвертей земли. В среднем на каждое владение приходилось 82,32 четвертей. Самая большая вотчина принадлежала И.К. Карамышеву. За ним было 243,5 четверти земли, где располагались 11 деревень, две из которых пусты, 8,5 пустошей и один починок. Паханой крестьянской пашни было всего 49 четвертей. В 14 крестьянских и восьми бобыльских дворах проживало соответственно 20 крестьян и девять бобылей [10. Л. 742 об. – 746 об.].

Самая маленькая по размеру вотчина принадлежала Б.Т. Резанову – городовому сыну боярскому по Волоку. У него было всего 28 четвертей, из которых только девять были крестьянской пахотной пашней. В половине деревни Бор с жеребьем в двух крестьянских и двух бобыльских дворах проживали тои крестьянина и два бобыля [10. Л. 411–413].

В Заозерском стане было 17 вотчин и 17 вотчинников. Практически все материалы однозначно свидетельствуют о происхождении вотчин «за осадное сидение в королевич приход». Ссылки на государевы грамоты есть в 14 случаях: И.В. Белову грамота за приписью дьяка И. Грязева 1621/22 г., С.И. Горнину за приписью дьяка Г. Мартемьянова 1618/19 г., И.С. Дичкову по отдельной выписи 1627/28 г., С.А. Дичкову за приписью дьяка А. Вареева 1621/22 г., И.М. Скобееву за приписью дьяка Г. Мартемьянова 1619/20 г., С. Лопотову за приписью дьяка В. Махова 1624/25 г., Л. Наумову за приписью дьяка Г. Мартемьянова 1618/19 г., Ф.Р. Алексееву грамота 1618/19 г. без указания имени дьяка, И.Г. Протасову за приписью дьяка А. Вареева 1621/22 г., М.Д. Протопопову за приписью дьяка Г. Мартемьянова 1619/20 г., Б.Т. Резанову за приписью дьяка И. Грязева 1622/23 г., Г.М. Слизневу за приписью дьяка А. Вареева 1621/22 г., А.С. Федотьеву за приписью думного дьяка Н. Новокщенинова 1620/21 г., И.И. Шапкину за приписью дьяка В. Махова 1623/24 г. [10. Л. 337 об.–338, 352–355, 335 об. –337, 411–413, 266–267,

198–199 об., 338–339]. Владения В.П. Чихачева в двух волостях перешли по наследству от отца, который указан в осадном списке. Поэтому данная вотчина имела выслуженное происхождение по отцу, а далее становилась родовой вотчиной.

В двух случаях мы находим купленные вотчины. И.Р. Епанчин приобрел у С. Горина три деревни у Святозерка с 60 четвертей земли и два бобыльских двора. Имеется упоминание купчей за приписью дьяка В. Ключарева за 1628/29 г. В Ухтомьярской волости земля И.К. Карамышева указана как вотчина, которая принадлежала ранее Н. Тютчеву. В неё входило три деревни и пять с третью пустошь (159,5 четвертей земли с 16 крестьянами и бобылями) [10. Л. 371–373, 396 об. – 399]. Достаточно неплохое приобретение. Н.И. Тютчев, волочанин, владел помещьем ещё в 1615–1616 гг. Он был участником обороны Москвы в 1618 г. [8. Л. 68]. Но в Волотцкой десятне 1622 г. со слов окладчиков сообщается, что Н.И. Тютчев имел вотчину в Волотцком уезде, полученную за «Московское осадное сидение при царе Василье», пустое от литовцев и русских «воров». Белозерская вотчина дана ему «за волотцкое осадное сиденье», которое он продал «от бедности» Ивану Карамышеву, кстати, своему соседу. Вероятно, в вотчину Карамышева входили его собственные поместные земли или были утрачены по каким-то причинам, так как нет ссылки на купчую. Продажа произошла со слов окладчиков два года назад, т. е. примерно в 1620 г., и жил Тютчев на осадном дворе на Волоке. Сам Никита Иванович рассказал, что продал белозерскую вотчину за 50 р. и «теми деньгами платил долг», но так и остался беден, что окладчики подтвердили [7. Л. 7 об.–9]. Таким образом, приобретенные путем покупки вотчины были связаны с вотчинными пожалованиями правительства.

Самая большая вотчина стана находилась в Бадожской волости и принадлежала звенигородцу Н.Д. Протопопову. У него было 200 четвертей земли, из которых 46 четвертей являлось крестьянской запашкой. Это более пятой части владения. В десяти крестьянских и семи бобыльских дворах проживало 12 крестьян и восемь бобылей.

Самое небольшое владение в стане было в Ломне за С.И. Горниным: деревня и пустошь. Из 41 четверти земли две четверти были крестьянской пахотной пашней. В вотчине был один двор вотчинника в деревне Мурачева. Других дворов или рабочих рук у сына боярского не было [10. Л. 371–371 об.]. Средний размер вотчины был 70,8 четвертей.

Всего в Белозерском уезде находилось 46 вотчин, принадлежавших 48 владельцам, так как две вотчины были в совместном владении вдовы Ефимьи Ивановой жены Медведевой и её племянника Б.И. Медведева, а также братьев А.Г. и Г.Г. Образцовых. Вотчинники владели 4544 четвертями земли. Большинство вотчин по

происхождению являлись выслуженными. Только владения Медведовых и князей Вадбольских являлись родовыми вотчинами.

Несмотря на то, что вотчины появились недавно, десять из них уже поменяли владельцев. Половина вотчин перешла к новым владельцам от родственников, причем три вотчины достались детям от своих отцов.

Представляется необходимым выделить отдельную группу землевладельцев, чьи владения включали как вотчину, так и поместье. Нами учтено 23 таких комплекса, расположенных в разных станах Белозерского уезда. Итак, социально-экономическая жизнь уезда за 15 лет сильно изменилась, смешанные комплексы являются доказательством быстрого проникновения и укоренения светского землевладения на территории Белозерского уезда, в котором процессы развития светского землевладения проходили так же, как и во всем государстве.

Список литературы

1. Веселовский С.Б. Белозерский край в первые годы после Смуты // Архив русской истории: науч. ист. журн. – М., 2002. – № 7. – С. 276–296.
2. Законодательные акты Русского государства второй половины XVI – первой половины XVII века. Тексты / под ред. Н.Е. Носова. – Л., 1986.
3. Законодательные акты Русского государства второй половины XVI – первой половины XVII века. Комментарии / под ред. Н.Е. Носова, В.М. Панеяха. – Л., 1987.
4. Копанев А.И. История землевладения Белозерского края XV–XVI вв. – М., 1951.
5. Новосельский А.А. Служилое общество и землевладение на Белоозере после Смуты // Новосельский А.А. Исслед. по истории эпохи феодализма. Научное наследие. – М., 1994. – С. 139–162.
6. Новосельский А.А. Отголоски опричнины в документах XVII в. // Новосельский А.А. Исследования по истории эпохи феодализма. Научное наследие. – М., 1994. – С. 136–139.
7. Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 210. Д. 194.
8. РГАДА. Ф. 1107. Оп. 1. Д. 115.
9. РГАДА. Ф. 1209. Д. 591.
10. РГАДА. Ф. 1209. Д. 592.
11. Памятники истории Восточной Европы. Источники XV–XVII вв. Осадный список 1618 г. / отв. ред. Б.Н. Флоря, Ю.М. Эскин. – Т. 8. – М.-Варшава, 2009.
12. Станиславский, А.Л. Гражданская война в России XVII в. Казачество на переломе истории. – М., 1990.

Особенности организации взимания косвенных налогов в России в середине 50-х гг. XIX в. (по материалам «Устава об акцизе с свеклосахарного производства 1848 г.»)

В статье поднимается проблема введения сахарного акциза в России в середине XIX столетия. Рассматриваются существовавшие в обществе точки зрения на возможность обложения сахара в России. Подробному анализу подвергается «Устав об акцизе с свеклосахарного производства», где особое внимание уделяется порядку взимания нового косвенного налога.

The article raises the problem of the introduction of the sugar excise in Russia in the middle of XIX century. It examines perspectives on opportunities and approaches taxation of sugar in the Russia. "Statute on Excise Duty from sugar production" is analyzed in detail. Particular attention is paid to the new order of levying of indirect taxes.

Ключевые слова: акциз, налоговая система, история Российского государства, сахар, свеклосахарное производство.

Key words: excise, tax system, history of the Russian state, sugar, sugar production.

В настоящее время налоговая система России XIX–XX вв. периодически становится предметом изучения специалистов – историков, экономистов, юристов, появляются общие и специальные работы по тому или иному фискальному вопросу [2; 3; 4; 5; 8; 10]. Однако проблема становления и развития сахарного акциза в Российском государстве не стала предметом специального исследования.

В XVII–XVIII вв. государственная казна формировалась за счет косвенных налогов на 40–50 %, а к концу XIX в. доля косвенного налогообложения в бюджетных доходах превысила 58%. К началу же XX в. поступления от косвенного обложения превышали доходы от прямого в 5,6 раз, составив 84,8 % в структуре казны.

Обратим свое внимание на появление сахарного акциза в России. Известный русский экономист И.Х. Озеров отмечал, что «сахар не является пригодным объектом обложения, так как он служит предметом для населения и, кроме того, удешевление его и чая важно, как средство отвлечения населения от потребления спиртных напитков», но при этом, с точки зрения простоты обложения,

очень выгоден «1. сахар потребляется большими массами населения и потребление его значительно, а, следовательно, и обложение этого источника может дать крупные средства; 2. производство сосредоточивается на небольшом количестве фабрик, и поэтому легок контроль за взиманием этого налога» [7, с. 432–433].

Возникшее в Российской империи в начале XIX в. свеклосахарное производство пользовалось поддержкой государства, которая выражалась в ссудах на особо льготных условиях, непривлечением сахарозаводчиков к обложению в доход казны, что послужило сильным толчком в развитии данного производства. В 1839 г. министр финансов Е.Ф. Канкрин дал оценку развития свеклосахарного производства в стране и в связи с необходимостью возместить ожидаемые потери в доходах от таможенной пошлины с привоза сахара обратился к Николаю I с предложением об установлении невысокого акциза на туземный свекловичный сахар. Однако император «соизволил отозваться, что на сахар можно назначить акциз через несколько лет, подобно тому, как это было сделано в отношении табака» [6, с. 312]. Вследствие этого Е.Ф. Канкрин вошел с подобным предложением в декабре 1841 г. в Государственный совет, ссылаясь на уже установленный сахарный акциз в некоторых иностранных государствах. Государственный совет, хотя и посчитал развитие сахарного производства благоприятным, но большой и постепенно возрастающий доход от таможенной пошлины с привозного сахара был более подходящим для казны. Исходя из данных соображений акциза на свекловичный сахар не установили.

В декабре 1844 г. вопрос о введении сахарного акциза вновь был поднят Министерством финансов. Поводом к нему послужило прошение Санкт-Петербургских сахарных заводчиков, которые занимались рафинированием привозного тростникового сахара, ссылаясь «на усилившееся производство свекловичного сахара, настаивая на подчинении его налогу, во избежание подрыва торговли колониальным сахаром, уменьшением его привоза и соответственного падения таможенного дохода» [6, с. 314].

Ф.П. Вронченко (министр финансов России с 1 мая 1844 г. по 6 апреля 1852 г.) дал распоряжение губернаторам собрать сведения о свекловичных заводах и рассмотреть указанное прошение на собрании коммерческого и мануфактурного советов. Однако соединенное собрание советов большинством голосов акциз на свекловичный сахар признало преждевременным, хотя наблюдался рост свеклосахарного производства (табл.).

*Динамика развития свеклосахарного производства в России
(1825–1844 гг.)**

Год	1825	1830	1836	1840	1844
Количество свеклосахарных заводов	7	20	57	143	206

В дальнейшем рассмотрение этого вопроса происходило на совете министра финансов, где были признаны быстрое развитие свеклосахарного производства, а также вытеснение во многих местностях тростникового сахара свекловичным, что могло повлечь за собой постепенное сокращение привоза колониального сахара и, следовательно, уменьшения таможенной пошлины. Обстоятельно собранные сведения о положении свеклосахарного производства в государстве показали высокое техническое развитие заводов во многих местностях России. Выяснилось, что выделка свекловичного сахара составляла почти половину привоза колониального сахара, и торговля свекловичным сахаром не уступала тростниковому, уходя за пределы местности расположения свеклосахарных заводов. Министр финансов Ф.П. Вронченко, пришел к выводу о том, что свеклосахарное производство «достаточно окрепло и может выдержать умеренное обложение, тем более, что это обложение представляет собою собственно налог на потребителя» [6, с. 315].

Эта «средняя мера» должна была примерить желание не обременять налогами свеклосахарную промышленность и поддержать производство рафинированного колониального сахара. Стоит отметить, что Ф.П. Вронченко отказался от предположения облагать акцизом продукты рафинирования свекловичных песков по причине затруднений учета при совместной выделке тростникового и свекловичного сахара рафинада и отдал предпочтение такой системе, при которой акцизом облагалось количество готового продукта, а не употребленной на его выработку свекловицы. Предложенный Николаем I порядок обложения помещений с сахаром платными бандеролями оказался неприменимым, по причине невозможности наложения на них бандеролей из-за большого объема помещений (бочек и ящиков), а введение мелких помещений обременяло бы промышленников, в том числе и введение особых бандеролей для рафинада. Также была отвергнута предложенная Е.Ф. Канкриным в 1841 г. идея о ведении учета акциза по заводским книгам, которые должны были находиться в условиях постоянного надзора, что стес-

---

* Составлено по: http://dic.academic.ru/dic.nsf/brokgauz_efron/91437/

няло бы свеклосахарных промышленников и было бы затруднительным для самой казны.

В мае 1847 г. доработанный проект «Устава об акцизе с свеклосахарного производства» был представлен Государственному совету. Ф.П. Вронченко при составлении данного проекта опирался на свои соображения об исчислении акциза на сахар по определенным нормам выхода сахарных песков из свекловицы, в зависимости от суточной выработки снарядов, употребляемых для выжимки сока, а также числу рабочих дней. Размер акциза он посчитал правильным установить в совокупности с величиной таможенной пошлины, как в Германии, в размере примерно 1/5 части пошлинной ставки. Хотя, на первое время предполагалось назначить сахарный акциз значительно меньше нормы, с постепенным повышением акциза к реальным размерам, а для отдельных заводов предусматривалось распространение льгот по платежу акциза.

«Устав об акцизе с свеклосахарного производства» был учрежден 25 февраля 1848 г., а с 1 сентября 1848 г. вступил в действие, с условием первые шесть лет оставаться без изменения. Министр финансов по истечению данного срока, опираясь на полученные результаты, должен был представить Сенату дальнейшие предложения.

Принятый «Устав об акцизе с свеклосахарного производства» состоял из девяти глав и около шести десятков параграфов. В Главе «Об акцизе вообще и о размере оного» давались общие положения нового косвенного налога – акциза, устанавливался акциз с каждого пуда пробеленного сахара и приблизительное исчисление количества сахарного песка исходя из снарядов, служащих для извлечения первого сырого сока. В дальнейших главах осуществлялся более подробный разбор механизма начисления и взимания акциза.

В параграфе 13 гл. 3 было обозначено более подробное исчисление акциза: с каждого свеклосахарного завода исчислялось количество сахарного песка ежесуточно (в продолжение 24 ч), добываемого из первого сырого сока. Во внимание принималось: среднее содержание сахарного песка в одной берковице свекловицы (10 пуд.), очищенной от земли; сила, число и емкость различных снарядов и аппаратов для извлечения из свекловицы первого сырого сока. На основании этого для уездных казначейств устанавливался точный порядок исчисления: «содержание сахарного песка в берковице свекловицы, очищенной от приставшей к ней земли, определялся без изменения в течение шести лет, 3 % веса свекловицы, или в 12 фунтов пробеленного сахара; 2) по сему определенному 3 % содержанию сахарного песка в свекловице исчислялось ежесуточное производство каждого завода, смотря по снарядам холодной, либо горячей вымочке, или по силе прессов,

которыми извлекался первый сырой сок, а именно: 1) при холодной вымочке употреблялись так называемые порядки; каждый порядок состоял обыкновенно из 6 до 8 чанов, имеющих в вышину, без уторов, один аршин пять вершков. Суточная выработка каждого такого порядка полагалась в 18 берковцев (180 пудов) свекловицы, представлявших, по вышеопределенному 3 % содержанию, 5½ пудов белого сахарного песка в сутки» [9, с. 143]. Необходимо отметить нормативный порядок чанов, только установленных размеров, о чем говорилось в примечании к данному пункту. Свекловичные заводы, действующие прессами? руководствовались следующими правилами «а) при потреблении для выжимки свекловицы гидравлических прессов, принимался в расчет диаметр цилиндра для определения по силе давления, количества берковцев суточной нормы, а именно: 1) для 9 дюймового пресса 25 берковцев свекловицы, представляющим, по вышеопределенному исчислению 7 1/2 пудов белого сахара песка; 2) для 10 дюймового пресса 30 берковцев, представлявших 9 пудов белого сахара песка; 3) для 12 дюймового пресса 40 берковцев, представлявших 12 пудов белого сахара песка» [9, с. 144]. Примечание к данному пункту определяло меньшую суточную норму выжимки «свекловицы мязги» на тех заводах, где гидравлические прессы меньше диаметром «(8, 7, 6...дюймов)», согласно описаниям данных прессов в Министерстве финансов.

Заводы, на которых использовались прессы ручные «нажимные, рычажные, или ударные» для выжимки свекловицы, определяли количество берковцев суточной работы в первые трое суток, в присутствии «отряженного от уездного казначейства чиновника» [9, с. 144], и, исходя из этого, указывалось количество пробеленного сахара по 3-процентной суточной норме сахара в свекловице. Данная процедура производилась единожды, а установленные нормы действовали последующие годы, до истечения работы прессов. Горячая вымочка на заводах предполагала те же правила, которые распространялись и на ручные прессы. Все указанные исчисления по «оному акцизу представляется, через Казенную палату, министру финансов на утверждение» [9, с. 144]. Назначения акциза с сахарного песка, добываемого из других сахаросодержащих культур, кроме свекловицы происходило тем же способом.

В Уставе устанавливались размеры акциза с сахарного песка, производимого в стране и взимаемые ежегодно «1) 1 сентября 1848 г. по 1 сентября 1850 г. по 30 коп. серебром с пуда. 2) С 1 сентября 1850 г. по 1 сентября 1852 г. по 45 коп. 3) С 1 сентября 1852 г. по 1 сентября 1854 г. по 60 коп. серебром с пуда» [9, с. 143].

Таким образом, сахарный акциз устанавливался определенным порядком. Во-первых, определялось процентное содержание сахара в свекловице. Во-вторых, устанавливалась суточная выработка сна-

рядов различного рода, для извлечения первого сырого свекловичного сока. Общая сумма акциза определялась по числу и роду снарядов, а также по количеству дней действия завода по переработки свекловицы в чистый сахар, на пуд которого и начислялся акциз установленного размера.

Необходимо отметить, что возделывание свекловицы и других сахаросодержащих культур никаким ограничениям не подвергалось, акцизом не облагались рафинад из свекловицы и тростниковых песков, как оплаченный уже акцизом или пошлиной, так же добываемый некристаллизующийся сахар из свекловицы, картофельного крахмала и других веществ.

В Уставе для поддержки и развития свеклосахарного производства утверждались определенные льготы. Размеры акциза с заводов, на которых ежегодное производство не превышало 500 пуд. свеклосахарного песка, назначалось в параграфе 9 на первые шесть лет следующим образом «1) с 1 сентября 1848 г. по 1 сентября 1850 г. по 15 коп.; 2) с 1 сентября 1850 г. по 1 сентября 1852 г. по 30 коп.; 3) с 1 сентября 1852 г. по 1 сентября 1854 г. по 45 коп. серебром с пуда» [9, с. 143]. Однако в примечании было сказано, что назначенная льгота в параграфе 9 не распространялась на заводы, принадлежащие одному владельцу в одной губернии, при этом акциз назначался из совокупности, производящегося свеклосахарного песку на заводах, если производство превышало 500 пудов в год.

Определенными льготами наделялись свеклосахарные заводы, учрежденные после принятия Устава или за два года до его издания, и пользовались ими в течение трех двухгодичных периодов, а в частности: первый период освобождались от уплаты акциза, но не от покупки патента на производства; во второй период акциз составил 30 к. серебром с пуда; в третий – 45 к. серебром с пуда пробеленного сахарного песка, т. е. в последующие два периода акциз брался как с «малозначительных» заводов.

Сахарозаводчики по Уставу обязывались подавать объявление о числе и роде снарядов, имевшихся на заводе, перед началом работ. В свою очередь, «чиновники уездного казначейства должны: 1) освидетельствовать число и род снарядов для извлечения первого сырого сока и составлять подробное донесение; 2) прилагать, на шнурках, казенную печать к шкивам терок таким образом, чтобы внутренние цилиндры могли быть вынимаемы, для поправки и переделки и чтобы нельзя было привести их в действие, не сняв печатей или не разорвав шнурков» [9, с. 144]. В случаи обнаружения чиновниками необъявленных снарядов и порядков шло их опечатывание.

По итогам данной работы заводчику выдавалось патентное свидетельство на право сахароварения. Цена патентного свиде-

тельства определялась соответственно производительности заводов, расчет выделки сахара шел в течение стодневного срока. При получении свидетельства на руки сахарозаводчики сообщали о начале работ для распечатывания и составления протокола о начале работ с указанием числа и часа распечатывания терок. С этого момента казначейство и назначало акциз, который согласно п. 20 «... исчислялся по каждому заводу со дня снятия печатей с терок по день их приложения вновь, за каждые сутки, по указанной в п. 13 норме, смотря по роду и числу употребляемых снарядов» [9, с. 145]. Однако необходимо отметить, что из данного периода не исключались воскресные дни, но исключались некоторые «праздники: дни Покрова Св. Богородицы, Св. Николая Чудотворца, Рождества Христова и Нового Года, (с 25 Декабря по 2 Января), Богоявление Господне, Стретение Господне, а равно Благовещение Богородицы, Святая Неделя, и местные храмовые праздники, если впадают в период извлечения первого сырого сока» [9, с. 145].

Нерабочая пора объявлялась с 15 марта по 15 августа, со свободным снятием печатей для чистки или исправления снарядов, при этом вновь опечатывание снарядов должно было произойти не позже 25 августа, с уведомлением уездного казначейства.

В главе «О платеже акциза», указывалось на необходимость полной уплаты акциза не позже 1 апреля ежегодно. Сахарозаводчики имели право уплачивать акциз весь или частично до указанного срока и могли иметь премию со стороны казны в виде 1–0,5 % с уплаченной суммы за каждый месяц более быстрого внесения платежа. В обратном случае просрочки платежа причитающегося акциза назначалась пеня 0,5 % в месяц с просроченной суммы, при этом каждый неполный месяц считался за полный. После 1 апреля по истечении трех месяцев назначалась пеня в 2 % в месяц до окончания уплаты акциза, при этом свидетельство на работу завода не выдавалось.

Управление делами по взиманию акциза на сахар принадлежало министру финансов, Департаменту разных податей и сборов, которые обязывались производить заготовку и рассылку в казенные палаты «1) бланковых свидетельств, подлежащих выдаче в уездных казначействах разным лицам на право свеклосахарного производства; 2) шнурковых корневых книг, из которых выдавались квитанции в получении от них акциза и денежных взысканий и 3) шнурковых же книг для записи уездным казначействам в приходе имеющих поступать платежей за свидетельство, акциза, пени и денежных взысканий» [9, с. 146].

Местный контроль за взимание сахарного акциза принадлежал Казенным палатам, которые несли ответственность за снабжение уездных казначейств бланковыми бумагами из Департамента разных податей и сборов, а также за общим надзором по губернии по правилам взимания сахарного акциза. В законе отмечалось, что «в тех губерниях, где находилось значительное число свеклосахарных заводов, как например Киевская, Тульская, Воронежская, Подольская, Черниговская и Харьковская, определялись в Казенной палате особые чиновники для ближайшего надзора за исполнением всех правил по учрежденному акцизу» [9, с. 146], где же число свеклосахарных заводов было незначительно, данная должность возлагалась на чиновников особых поручений по питейному и табачному делам. В свою очередь, казенная палата обязывалась доставлять отчет о проделанной работе в Департамент разных податей и сборов ежегодно не позднее 15 декабря. Большой объем практической работы по взиманию сахарного акциза лежал на уездных казначействах.

Была создана фактически вертикаль органов, занимавшихся взысканием сахарного акциза. Надзор по сахарному акцизу осуществлялся казенными палатами посредством ревизоров и уездными казначействами путем привлечения чиновников. В свою очередь, «по делам, касающимся акциза, надзора, и взыскания, жалобы на чиновников приносятся казенным палатам, а на казенную палату министру финансов, с правом апелляции в Правительственный Сенат» [9, с. 148].

За нарушение постановлений Устава определялись взыскания. Глава VIII Устава содержала конкретный список взысканий по сахарному акцизу: действие завода без уставного свидетельства подвергалось взысканию 300 р. серебром и платежу тройной гербовой пошлины за свидетельство (в случае производства завода не более 500 пудов сахара в год взыскание уменьшалось в два раза), такому же взысканию в 300 р. серебром подвергались заводы, уличенные в тайной выделке сахара. За тайное использование аппаратов, служащих для извлечения первого сырого сока в первый раз назначалось взыскание от 25 до 60 р. серебром за каждый скрытый аппарат, исходя из его рода и силы, во второй раз взыскание удваивалось, а в третий утраивалось, а в четвертый завод закрывался. Запрещалось, кроме как в исключительных случаях, предусмотренных п. 15, снятия печатей с терок после 25 августа и ранее 15 марта, и взыскание составляло размер вдвое больше, нежели за тайное употребление аппаратов. Владельцы свеклосахарных заводов или арендаторы несли ответственность за все нарушения, происходя-

щие на их заводах, и подвергались денежному взысканию от 10 до 60 р. серебром исходя из обстоятельств дела.

Полная ответственность по введению сахарного акциза, разрешению возникавших частных вопросов и внесению изменений по установленному порядку настоящего Устава ложилась на министра финансов, о чем говорилось в гл. «Общие постановления».

Со времени введения акциза на сахар наметилась положительная динамика поступления средств в казну по данной статье дохода: «с 1 августа 1848 г. по 1 августа 1849 г. находилось в действии 269 свеклосахарных заводов, на которых выработано сахарного песка, по нормам, 269 тыс. пудов. В период с 1 августа 1854 г. по 1 августа 1855 г. всех заводов насчитывалось 395, и на них было выработано сахарного песка 1350 тыс. пудов. Акциз, начисленный в период 1848–1849 гг., составлял 70 тыс. руб. и в то же время поступило патентной платы около 2 тыс. руб.; в период 1854–1855 гг. начисленный акциз составил 402 тыс. руб. и в уплату патентного сбора свыше 4,5 тыс. руб.» [6, с. 318–319], т. е. за шесть лет поступления увеличились на 332 тыс. р. или в 4,7 раз. И в дальнейшем, вплоть до 1884 г. имелась положительная динамика в налоговом поступлении от сахарного акциза [1, с. 369].

За время царствования императора Николая I Министерство финансов занимало активную позицию в развитии косвенного обложения, которая привела к его расширению и выразилась рядом законодательных актов, в том числе в отношении свеклосахарной промышленности. Устав об акцизе с свеклосахарного производства, утвержденный 25 февраля 1848 г. показал осторожный и умеренный выбор системы налога на сахар, который одновременно привел к неуклонному развитию и расширению свеклосахарного производства, а также к приобретению надежного источника средств в государственное казначейство. Данный подход на современном этапе развития налогообложения не утратил своей актуальности, являясь основополагающей целью всех законодательных актов в области налогообложения.

Список литературы

1. Гензель П.П. Рец. на кн.: Фридман М.И. Современные косвенные налоги на предметы потребления. Т. 1. Обложение спирта, сахара и табака в Германской империи (1871–1907) // Журн. М-ва народного просвещения. – 1915. Авг. – С. 363–380.
2. Кравцова Е.С. Особенности налоговой системы России на рубеже XIX–XX вв. // Преподавание истории в шк. – 2008. – № 3. – С. 7–10.
3. Кравцова Е.С. Освобожденные от призыва облагались прямым налогом // Воен.-ист. журн. – 2008. – № 2. – С. 64–66.

4. Кравцова Е.С. «Всегда бедны и безденежны»: сельские сходы как элемент фискальной системы на рубеже XIX–XX вв. // Вестн. Рос. ун-та дружбы народов. – 2008. – № 3. – С. 24–33.
5. Марискин О.И. Государево тягло. Налогообложение крестьянства России во второй половине XIX – первой трети XX века (по материалам Среднего Поволжья). – Саранск, 2004.
6. Министерство финансов (1802–1902 гг.). Ч. 1. – СПб., 1902.
7. Озеров И.Х. Основы финансовой науки. – Вып. I. – СПб., 1911.
8. Петухова Н.Е. История налогообложения в России IX–XX вв. – М., 2009.
9. Полное собрание законов Российской империи (ПСЗ). 1848. Т. XXIII. Отд. 1. 2-е изд. – СПб., 1849.
10. Толкушкин А.В. История налогов в России. – М., 2001.

Специфика Гербового устава 1886 г.

В статье рассмотрены общие характеристики Устава о гербовом сборе 1886 г. Уделено внимание формам оплаты сбора, льготам и наказаниям за нарушения правил о гербовом сборе. Гербовый сбор принадлежал к разряду пошлин, он не был обременителен для плательщиков и служил источником постоянного дохода казны.

The article describes the general characteristics of the Statute on Stamp duty of 1886. The attention is paid to the forms of payment of charges, privileges and penalties for violating the rules of the Stamp. Stamp duty belonged to the category of duty. It was not burdensome for taxpayers and served as a constant source of income to the treasury.

Ключевые слова: гербовый сбор, простой гербовый сбор, пропорциональный гербовый сбор, гербовый сбор с процентных бумаг, Гербовое казначейство, Департамент неокладных сборов, гербовые марки.

Key words: stamp duty, simple stamp duty, proportional stamp duty, stamp duty on interest-bearing securities, Stamp Treasury, Department of indirect fees, revenue stamps.

Изобретение гербовой бумаги некоторые исследователи приписывают римскому императору Юстиниану. В Европе она стала употребляться с XVII в., прежде всего в Голландии, где один из граждан придумал в 1624 г. этот вид государственных сборов и получил за это премию, назначенную Генеральными штатами (за изобретение нового, необременительного для плательщиков и выгодного для фиска налога). Не прошло и столетия, как гербовая бумага распространилась практически по всей европейской территории. В России гербовая бумага была введена при Петре I указом 23 января 1699 г. Эту идею царю подсказал А.А. Курбатов, дворецкий графа Б.П. Шереметева, бывавший за границей [9].

Анализ истории сборов и пошлин в России может помочь оценить развитие налоговой системы России XIX – начала XX в. Отметим, что вехи развития прямого и косвенного налогообложения подвергались изучению, а механизм взимания гербовых сборов оставался за рамками исследований [1; 2; 3; 4; 5; 6].

По своей организации и в зависимости от характера документа гербовый сбор в России подразделялся на твердый, или постоянный (когда прямо определялась цифра сбора для известных сделок или известных отношений частных лиц между собой и с государст-

венными учреждениями, без всякого отношения к сумме сделки или акта) – простой сбор; пропорциональный, или изменявшийся (когда размер сбора определялся в соответствии с суммой сделки или акта); и с процентных бумаг [7, с. 2].

Простой гербовый сбор был установлен пяти размеров: в 80, 60, 15, 10 и в 5 к. [7, с. 2].

Простым гербовым сбором в 80 к. облагались всякого рода бумаги, поступавшие от частных лиц к органам правительственной власти и обратно; различные доверенности, духовные завещания, обратные счета по переводным векселям, договоры о найме квартир в городах на сумму менее 50 р. в год. Гербовым сбором в 60 к. оплачивались паспорта, билеты, виды, которые писались на гербовой бумаге. Гербовый сбор в 15 к. распространялся на расписки или квитанции, выдаваемые по желанию просителей от должностных лиц в принятие прошений, денег, документов и др. предметов; краткие маклерские записки по траттам (переводным векселям); расписки государственных и частных кредитных учреждений в приеме на текущий счет денег на суммы более 50 р. Гербовым сбором в 10 к. оплачивались «всякого рода накладные, а также известного рода паспорта, виды, билеты на отлучку» [6, с. 3–6]. Сбором в 5 к. оплачивались акты и документы по всем вообще имущественным сделкам, совершаемым на суммы менее 50 р. При этом отдельно выдаваемые документы, освобождались от уплаты сбора, если они касались суммы менее 5 р. [7, с. 8].

Пропорциональным гербовым сбором облагались: 1) акты и документы по личным долговым обязательствам (была установлена вексельная гербовая бумага); 2) акты и документы по другим имущественным сделкам, кроме личных долговых обязательств; 3) акты и документы по личным долговым обязательствам, имущественным и другим сделкам [7, с. 9].

Пропорциональным гербовым сбором облагались акты и документы по личным долговым обязательствам, которым подлежат векселя, заемные письма как с залогом, так и без залога движимого имущества, подписанные должниками счета и всеобщие акты и документы по личным долговым обязательствам, обеспеченным и необеспеченным залогом процентных бумаг и других движимых имуществ, за исключением обеспеченных залогом обязательств на суммы менее 5 р. Эти обязательства были совсем изъяты от гербового сбора. Для актов и документов по личным долговым обязательствам устанавливалось 25 разборов вексельной гербовой бумаги, ценою от 10 к. до 54 р. за лист; «когда акты и документы выдаются на суммы выше, превышающие те которые назначены по расписанию для высшего разбора бумаги, то акты и документы эти

должны быть написаны отдельно на нескольких листах, соразмерно количеству всеобщей суммы» [7, с. 8].

Пропорциональным гербовым сбором облагались акты и документы по другим имущественным сделкам кроме личных долговых обязательств, которым подлежали: 1) акты и документы по всеобщим имущественным сделкам, как между частными лицами, так и с казною; 2) акты и документы по условиям о неустойках на сумму не менее 50 р.; 3) акты и документы по договорам о передаче заключенных частными лицами как между собою, так и с казною, контрактных обязанностей, в тех случаях: а) когда передача контракта в полном его объеме совершается особым актом, а не передаточною надписью на самом контракте и б) когда передается часть обязанностей, составляющих предмет контракта, если сумма передаваемых к исполнению обязательств по контракту, в том и другом случае, составляет не менее 50 р.; 4) акты и документы по сделкам о личном найме, если он совершается не менее 50 р.; 5) условия о продлении действия подлежащих оплате пропорциональным гербовым сбором актов по имущественным и другим сделкам на новый срок с производством новых платежей, сверх установленных при заключении акта платежей, а также надписи о том на самых актах [7, с. 9].

Цена гербовой бумаги для актов и документов по личным долговым обязательствам (как и имущественным) и размер сбора определялись по сумме, на которую акт и документ заключался за все время, в которое должно продолжаться его действие [7, с. 9–10].

Согласно изъятию от пропорционального гербового сбора с актов и документов по личным договорным обязательствам, этому обложению не подлежали: 1) кассовые ордена и денежные переводы, сделанные внутри империи, по которым платеж назначен не позже 5 дней по предъявлению, 2) расписки по ссудам, выдаваемые ссудосберегательными товариществами; 3) разные бумаги, составляемые по поводу покупок земель при содействии Крестьянского поземельного банка [7, с. 10–14].

Гербовый сбор с процентных бумаг взимался с русских процентных бумаг при первоначальном выпуске их в обращение, а с иностранных процентных бумаг – при поступлении их в обращение в пределах империи. Гербовый сбор с процентных бумаг распространялся на российские иностранные ценные бумаги. Под понятием «процентные бумаги» подразумевались: акции, паи, облигации и закладные листы русских торговых, промышленных и кредитных обществ и товариществ, облигации, выпускаемые земствами, городскими обществами и другими общественными установлениями; иностранные фонды, акции, паи, облигации и закладные листы [7, с. 14].

Следует отметить, что оплата гербовым сбором русских процентных бумаг и купонных к ним листов производилась положениями, выпускавшими данные бумаги, причем: 1) сбор, уплаченный по облигациям и закладным листам и купонным к ним листам, подлежал «отнесению на средства означенных установлений»; 2) сбор же, уплаченный с акций и паев и с купонных к ним листов, а также с дивидендных акций, выдаваемых взамен погашенных, удерживался обществами и товариществами с акционеров и пайщиков при выдаче им указанных бумаг [7, с. 14].

Однако оплата гербовым сбором с иностранных процентных бумаг лежала на обязанности первого получателя в России и могла быть произведена или посредством наложения гербовых марок или же уплатою наличных денег с наложением на бумаги штемпеля, порядком, установленным для русских процентных бумаг [7, с. 15–18].

Согласно Уставу о гербовом сборе (1886) многие организации сохранили свое льготное положение. Среди них были Российское общество Красного Креста, Варшавский ветеринарный институт, Александровское Осетинское училище и др. [7 с. 15].

От уплаты гербового сбора освобождались отдельные виды дел в государственных ведомствах и установлениях (дела о преступлениях и проступках, воинской повинности, устройстве быта крестьян, покупке земель при содействии крестьянского банка, принятии христианства; дела «в ученых учреждениях и учебных заведениях, не относящихся до их хозяйства и до личного состава»; коммерческие операции государственного банка и все операции сберегательных касс и ссудо-сберегательных товариществ; производство конкурсных управлений и бумаги, поступающие туда от кредиторов) [5, с. 116–117].

Освобождались от гербового сбора разрешительные бумаги по делам, производящимся: в самих российских посольствах, миссиях и консульствах; мировых судебных установлениях, у городских судей, уездных членов окружного суда и в окружных судах, когда последние исполняли обязанности съездов мировых судей, а также по судебным делам, производящимся у земских участковых начальников; в опекунских установлениях; местных крестьянских учреждениях (волостных и сельских); местных инородческих учреждениях; горских словесных судах Кавказского края [7, с. 18–24]. От обложения освобождались некоторые имущественные сделки (договоры о найме на сельские работы, не совершаемые нотариальным порядком; о найме крестьянами земельных участков у помещиков, на землях которых они водворены, и др.) [5, с. 117].

Льготы простого и пропорционального сбора были установлены и для некоторых имущественных сделок (договоры о найме на сельские работы, не совершаемые нотариальным порядком, найме кре-

стьянами земельных участков у помещиков, на землях которых они жили и т. д.).

Указания о применениях гербового сбора содержались и в других законодательных актах Российской империи.

Так, согласно ст. 984 Устава уголовного судопроизводства, все прошения, объяснения, отзывы и жалобы в делах по преступлениям и проступкам и само производство этих дел освобождались от всяких пошлин и гербового сбора [7, с. 34].

В Уставе гражданского судопроизводства отмечалось, что казенные управления освобождались от гербового сбора и от платежа судебных и канцелярских пошлин, но подчинялись представлению судебных сборов на общем основании [8, с. 36].

Взимание гербового сбора производилось несколькими способами: продажей установленных гербовых марок; гербовой бумаги; уплатой гербового сбора наличными деньгами [7, с. 24].

Формы оплаты были различны: как посредством приложения к этим бумагам гербовых марок, так и использования гербовой бумаги для написания документов.

Гербовая бумага всех наименований и видов, а также гербовые марки заготавливались и штемпелевались в экспедиции заготовления государственных бумаг. Все действия по заготовлению, хранению, рассылке, продаже и уничтожению всех видов гербовых знаков производились через Департамент неокладных сборов при котором, состояло для приема, хранения и отпуска гербовых знаков – Гербовое казначейство. Рассылка по империи ежегодной пропорции гербовых знаков производилась по почте. Порядок приема от Гербового казначейства и перевозки по почте гербовых знаков определялся особой инструкцией, выдаваемой министром внутренних дел по соглашению с министром финансов. В казначействах и таможнях гербовая бумага и марки продавались по установленным ценам только за наличные деньги и отпускались по первому требованию. Местами продажи гербовых бумаг были казначейства, таможни, городские управы или думы, земские управы, волостные правления, нотариусы, биржевые маклеры и другие места, по соглашению министерства финансов с другими ведомствам, а также у частных лиц на основании правил, установленных особой инструкцией [7, с. 32–33].

Важно подчеркнуть, что вводился строгий контроль за деятельностью мест и лиц, продававших гербовую бумагу и марки. На них же возлагалась ответственность за целостность гербовой бумаги и марок. Порядок счетоводства и отчетности в заготовлении и употреблении гербовой бумаги и марок до издания общего счетного устава устанавливался по взаимному соглашению между министром финансов и государственным контролем [7, с. 33–35].

Нарушения правил о гербовом сборе влекли за собой для каждой из сторон, участвовавших в сделке, не оплаченной гербовым сбором, штраф в 10-кратном размере невнесенного сбора. Штрафу в 30 раз против установленного размера гербового сбора подвергались лица, выдавшие накладные, платежные расписки, счета, удостоверявшие получение денег, товаров и других предметов, вообще акты и документы, освобождавшие от выполнения обязательства без оплаты их гербовым сбором [7, с. 35].

Нарушения правил гербового сбора покрывались давностью: 1) когда со времени совершения таких нарушений должностными лицами прошло 10 лет; 2) когда совершенные частными лицами с отступлением от правил о гербовом сборе договоры и обязательства утратили за давностью свою силу. Но на взимание самого гербового сбора (без штрафов) давность не распространялась [7, с. 35].

Особо следует подчеркнуть, что виновные в подделке гербовой бумаги и марок подвергались лишению всех прав состояния и ссылке на каторжные работы на срок от 4 до 6 лет, а заведомое употребление или продажа марок, уже бывших в употреблении, приравнивалось к мошенничеству. Принятие должностными лицами гербового сбора наличными деньгами допускалось лишь в случаях, предусмотренных законом [5, с. 117].

Важную роль в Уставе о гербовом сборе 1886 г. играли гербовые марки. Эти марки имели в верхней своей части государственный герб и штампель, означавший цену марки, нижняя часть состояла из небольшого пространства чистой бумаги, на которой делалась надпись. Марки наклеивались одна возле другой, на первой странице бумаги или документа, и сразу же после наклейки погашались [7, с. 30].

На волю подававших бумаги или документы предоставлялось приписывать на марках свое имя и фамилию, а также род бумаги или документа. В надписи не допускалось никаких помарок, перечеркиваний и приписок [7, с. 30].

Оплата гербовым сбором посредством марок окончательных исходящих бумаг по поступившим от частных лиц прошениям, объявлениям и т. п. заменялась наклеиванием марок на самих этих прошениях и объявлениях. Если прошение или объявление почему-либо возвращалось просителю без выдачи ему просимых им документов, то при подаче нового прошения по тому же предмету просителю засчитывались марки, наклеенные им на первое прошение, кроме одной; причем к новому прошению или объявлению предлагалось прежнее, в доказательство того, что оно было надлежащим образом оплачено, а исполнение по нему не последовало [7, с. 30].

Для оплаты марками бумаг и документов, выдаваемых из присутственных мест и от должностных лиц без письменных о том про-

шений со стороны частных лиц, а также и расписок, выдаваемых присутственными местами и должностными лицами в принятии прошений и т. п., от просителя требовалось установленное число марок надлежащего достоинства, накладываемых и погашаемых в присутствии просителя самим присутственным местом или должностным лицом, которое «при этом производило выше установленную надпись на нижней части марки и перекрещивало верхнюю часть ей». Таким же порядком марки погашались маклерами и браковщиками на составленных ими счетах и кратких записках; первыми получателями иностранных процентных бумаг, а также лицами, в руках которых находились документы, составленные в Великом Княжестве Финляндском или вне пределов России [7, с. 31].

Наблюдение за употреблением марок для крепостных, явочных (нотариальных) и являемых к засвидетельствованию актов возлагались на ответственность должностных лиц, свидетельствовавших или совершавших эти акты [7, с. 31].

В 1891 г. при волостных правлениях тех губерний, где было введено Положение о земских начальниках, вводилась продажа гербовых марок, актовой бумаги двух низших видов («разборов») и вексельной 11 низших видов. Доплаты против установленной законом цены гербовой бумаги, взимаемые с покупателей частными продавцами, не должны были превышать 5 % казенной цены. Лица, производившие торг гербовыми знаками без особого разрешения, подвергались штрафу от 5 до 10 р., а найденные у них гербовые знаки подлежали конфискации [5, с. 118].

В России вследствие недостаточного развития промышленности и торговли поступления с гербового сбора были относительно невелики: в 1810 г. гербовый сбор доставил около 1 575 тыс. р., к 1859 г. он возрос до 14 млн р. серебром [5, с. 118].

Значительное поступление дохода по гербовому сбору было отмечено в 1879 г. как результат увеличения цены простой гербовой бумаги, гербовых марок, актовой и вексельной гербовой бумаги и введения в губерниях Царства Польского вексельной бумаги на основании Закона 26 декабря 1878 г.

В 1882 г. последовало новое увеличение гербового дохода, которое было результатом введения с 1 июля 1882 г. вексельной бумаги и повышения цен. В 1885–1886 гг. поступления по гербовому сбору уменьшались, а в 1887 г. снова возросли вследствие повышения с 1 июля 1887 г. размера простого гербового сбора и цен актовой бумаги. Впоследствии поступления от сбора непрерывно возрастали и в 1890 г. достигли 21,2 млн р. Расходы на заготовление гербовой бумаги, марок, банков и бандеролей составляли в 1890 г. около 765 тыс. р., а на содержание Гербового казначейства – 34,6 тыс. р. В том же году только штрафы за нарушения Гербового

устава принесли казне доход около 800 тыс. р. Взимание гербового сбора было отменено в период новой экономической политики (в 20-е гг. XX в.) [5, с. 118].

Таким образом, гербовый сбор принадлежал к разряду пошлин и взимался путем обязательного, в определенных случаях, употребления изготовленной государством клейменной бумаги, оплачиваемой гораздо выше действительной ее стоимости, или же накладывался на простую бумагу специальной марки, покупаемой у государства. Этот сбор не был обременителен для плательщиков и служил источником постоянного дохода казны.

Список литературы

1. Кравцова Е.С. Особенности налоговой системы России на рубеже XIX–XX вв. // Преподавание истории в шк. – 2008. – № 3. – С. 7–10.
2. Кравцова Е.С. Подоходный налог в Российской империи на рубеже XIX – XX столетий: от идеи до воплощения в жизни // Вестн. Рос. ун-та дружбы народов. – 2008. – № 5. – С. 89–93.
3. Кравцова Е.С. Фискальная политика государства в отношении российского предпринимательства на рубеже XIX– начале XX столетий (на примере губерний Центральной России) // Финансы и бизнес. – 2007. – № 4. – С. 155–166.
4. Пашков Е. В. Исторический опыт осуществления казенной винной монополии в России конца XIX – начала XX века: на примере Курской губернии // Известия РГПУ им. А.И. Герцена. – 2008. – № 67. – С. 202–207.
5. Толкушкин А.В. История налогов в России. – М., 2001.
6. Уманский Ф.С. Эволюция промыслового налога в России в XIX–XX столетиях: автореф. дис. ... канд. экон. наук. – М., 2005.
7. Устав о гербовом сборе // Свод законов Российской империи. – Т. V. – СПб., 1893. – С. 1–38.
8. Устав о гербовом сборе и алфавитный перечень актов, документов и других бумаг, подлежащих гербовому сбору и от этого сбора изъятых / сост. А.Н. Гусев. – Харьков, 1890.
9. Энциклопедия Брокгауза и Ефрона // URL: <http://enc-dic.com/brokgause/Gerbov-sbor-91324.html>.

Р.Р. Хисамутдинова, Е.В. Алантьева

Отмена карточной системы и переход к свободной торговле на Южном Урале после окончания Великой Отечественной войны

В данной статье на основе архивных документов раскрываются трудности перехода от карточной системы к свободной торговле после окончания Великой Отечественной войны на материалах Южного Урала. Рассмотрена подготовительная работа, проведенная партийными и советскими органами для осуществления декабрьского 1947 г. постановления партии и правительства.

This article based on archival documents reveals the difficulties and complexities of the transition from the card system of food rationing to free trade after the Great Patriotic war in the territory of the Southern Ural. The authors examine the preparatory work carried out by the Party and Soviet authorities for the Party and government resolution of December 1947.

Ключевые слова: карточная система, свободная торговля, продовольственные и промышленные товары, Южный Урал.

Key words: card system of food rationing, free trade, food and industrial products, South Ural.

В годы Великой Отечественной войны из-за огромных материальных потерь резко ухудшилось экономическое положение в стране. Поэтому вновь, как и во время Первой мировой и Гражданской войн, было введено нормированное снабжение городского населения продуктами и товарами первой необходимости.

Постановлением СНК СССР от 18 июля 1941 г. о введении карточной системы снабжения населения в Москве и Ленинграде, а также в их пригородах и отдельных городах Московской и Ленинградской областей было положено начало оформления системы нормированного распределения продуктов для гражданского населения СССР. Переход к карточной системе снабжения населения был осуществлен в основном с июля по октябрь 1941 г. [1, с. 705–707]. 12 августа 1941 г. было принято решение Челябинского облисполкома о введении продажи хлеба населению по карточкам в девяти городах областного подчинения (Златоуст, Карабаш, Курган, Магнитогорск, Челябинск, Троицк, Копейск, Шадринск, Каменск-Уральский), в восьми городах районного значения и в 24 рабочих поселках. С 15 августа была

введена продажа хлеба по карточкам [8. Оп. 3. Д. 1389. Л. 27–28]. В Чкаловской области с октября 1941 г. были установлены нормы продажи по карточкам хлеба, а с 1 ноября – мяса, рыбы, крупы и жиров [3, с. 47].

В основу карточной системы были положены принципы максимально экономного использования продовольственных ресурсов и строгий учет за их расходованием. Нормы снабжения зависели от характера выполняемой работы, возраста и др. Все городское население страны подразделялось по нормам снабжения на четыре группы и в зависимости от этого устанавливались разные нормы получения продуктов питания по карточкам: для гражданского населения они колебались от 400 до 800 г. хлеба в день, от 400 до 2200 г. мяса в месяц, от 200 до 600 г. жиров, от 200 до 500 г. сахара [12, с. 250]. Карточная система на колхозников не распространялась, поэтому для них основным источником существования оставалось личное подсобное хозяйство.

По оценкам У.Г. Чернявского, питание городского населения особенно ухудшилось в первый год войны, затем калорийность питания была поднята с 2555 кал. в 1942 г. до 2810 кал. в 1944 г., но она не достигла уровня 1940 г. (3370 кал. в сутки) [14, с. 173–178].

Карточная система распределения способствовала росту расходов на функционирование учреждений, которые занимались изготовлением, транспортировкой, хранением, выдачей продовольственных карточек, талонов и стандартных справок, а также контролем над обеспечением карточного снабжения. Карточки населению выдавались уполномоченными по месту работы, в уличных комитетах или домоуправлениях. Проверкой учета, хранения и выдачи карточек, а также проверкой населения, которое было поставлено на карточное обеспечение, занимались областные, городские, районные контрольно-учетные бюро (КУБ), созданные в соответствии с приказом Наркомторга СССР от 20 июля 1942 г. Аппарат карточных и контрольно-учетных бюро насчитывал 26 тыс. чел.

Постепенно вводилось нормированное снабжение и непродовольственными товарами. С 1 января 1942 г. была начата продажа по карточкам тканей, обуви, одежды, головных уборов, белья, трикотажа, чулок-носок, мыла, некоторых предметов хозяйственного обихода и пр. Карточки на промышленные товары выдавались на основании общей стандартной справки, печатавшейся вместе с продовольственными талонами. Постановлением СНК СССР от 18 октября 1942 г. «О порядке снабжения продовольственными и промышленными товарами рабочих промышленных предприятий» вводился льготный порядок снабжения рабочих, выполнявших и перевыполнявших нормы выработки. Им предоставлялась возмож-

ность в первую очередь покупать по карточкам промышленные и некоторые продовольственные товары [9, с. 64–97]. Дополнительно с весны 1942 г. сверх установленных норм отпускались картофель, овощи, другие продукты, а также дополнительное горячее питание из ресурсов подсобных хозяйств для рабочих, выполнявших и перевыполнявших нормы выработки в важнейших отраслях индустрии, строительства и транспорта. Дополнительные виды продовольственного снабжения вводились не только с целью поощрения и стимуляции производительности труда, но и являлись обеспечением поддержки лиц, которые по разным причинам нуждались в усиленном питании.

Уже через два с половиной года после окончания Великой Отечественной войны, в декабре 1947 г. в СССР была осуществлена денежная реформа, отменены карточки на продовольственные и промышленные товары, введены единые сниженные государственные розничные цены на товары массового потребления.

Одним из тяжких последствий войны было ослабление финансовой системы страны поэтому необходимой мерой финансовой стабилизации экономики стала денежная реформа. Власть прекрасно понимала, что денежная реформа должна быть приурочена к полной отмене карточной системы, чтобы упразднить множественность цен, так как в стране действовали низкие пайковые цены на товары, выкупаемые по карточкам, и высокие коммерческие, устанавливаемые в государственных коммерческих магазинах и ресторанах. Комиссия по проведению денежной реформы была создана в мае 1947 г. Реформа готовилась в обстановке строжайшей секретности, но, как свидетельствуют факты, все равно информация просочилась и началась предреформенная лихорадка, особенно в Москве и в Ленинграде.

Переходу к открытой торговле по единым ценам мешало большое количество выпущенных во время войны денег, что являлось препятствием отмены карточной системы, поскольку излишние деньги в обращении взвинчивают рыночные цены, создают преувеличенный спрос на товары и облегчают возможность спекуляции. Ставилась цель недопущения спекулятивных элементов к скупке товаров после отмены карточной системы.

И.В. Сталин планировал отменить карточную систему еще в 1946 г. послевоенная но засуха 1946 г. и её последствия отодвинули реализацию этого решения. С 16 декабря 1947 г. была отменена карточная система снабжения продовольственными и промышленными товарами, отменены коммерческие и введены единые розничные цены на продовольствие и промышленные товары. Продажа товаров стала производиться в порядке открытой торговли. Были введены единые государственные розничные цены взамен существ-

вовавших коммерческих и пайковых. Если на хлеб, муку, крупу и макаронные изделия цены были снижены в среднем на 10 % по сравнению с действовавшими пайковыми ценами, то на остальные виды продовольствия цены оставались на уровне пайковых. Цены на продовольственные товары были в целом выше довоенных и, за исключением необходимого минимума, и недоступными для большинства населения [2, с. 134].

Одной из важнейших проблем переходного периода от карточного обеспечения к свободной торговле являлась ограниченность продовольственных ресурсов. Причем ограниченность эта была не только в количестве ресурсов, но и скудности ассортимента продовольственных товаров, предоставляемых на торги. В первоначальный ассортимент продовольственных товаров, подготовленных к свободной торговле в городах и рабочих поселках Чкаловской и Челябинской областей на декабрь 1947 г. входили мука I и II сорта, крупы и макаронные изделия, кондитерские изделия (булочки, батончики, пирожные), конфеты-карамель, растительное и сливочное масло, мясо, в Челябинской области еще газированные воды и пиво собственного производства, рыбные консервы местных производителей [10. Оп. 12. Д. 919. Л. 25; 7. Оп. 2. Д. 29. Л. 7].

Но предоставляемые на свободные торги продукты питания очень часто были низкого или неудовлетворительного качества. Для борьбы за улучшение качества продукции еще в 1935 г. был создан Центральный дегустационный комитет (ЦДК), а впоследствии – отдельные дегустационные комиссии [1, с. 687–694]. Так, в Челябинской области дегустационные совещания определяли минимум требований для пищевой продукции того или иного предприятия. Особое внимание уделялось прохладительным напиткам, кондитерским и хлебобулочным изделиям [6. Д. 351. Л. 1].

Для перехода к свободной торговле проводилась серьезная подготовительная работа не только в центре, но и на местах. Во исполнение данного постановления партийные активы Челябинска, Златоуста, Магнитогорска, Копейска Челябинской области и Чкалова, Орска, Медногорска, Бузулука Чкаловской области начали организованный переход от распределения товаров к развернутой советской торговле по новым государственным ценам.

13 декабря состоялось заседание бюро Чкаловского обкома партии, где обсуждались вопросы о подготовке торговой сети к отмене карточной системы. Бюро отмечало, что, несмотря на короткий срок, оставшийся до отмены карточной системы, подготовка торговой сети области к бескарточной торговле продовольственными и промышленными товарами проходит неудовлетворительно. Торговая сеть по городам области была увеличена с 716 до 997 точек, по районам и рабочим поселкам из установленных по плану 158 торго-

вых точек подготовлено к открытию было только 108, остальные еще ремонтировались. По состоянию на 12 декабря в города области было завезено промышленных товаров на 29,7 млн р. вместо плановых 42 млн р., в районы области – соответственно на 11 141 тыс. р. вместо плановых 42 030 тыс. р. Указывалось, что особенно неудовлетворительно завозились товары по линии облпотребсоюза и совхозторга. Некоторые райпотребсоюзы и особенно Екатериновский и Сакмарский не торопились выбирать товары с баз облпотребсоюза или выбирали товары на незначительные суммы. Такие товары широкого потребления, как спички, керосин, табачные изделия, медленно выбирались и плохо завозились в магазины сельпо. Бюро постановило обязать руководителей облторготдела Медведева и облпотребсоюза Пименова до 16 декабря устранить отмеченные в настоящем постановлении недостатки и принять меры к расширению сети палаток и магазинов по торговле хлебом; потребовать от руководителей местных торгов, райпотребсоюзов и совхозторгов в срок до 16 декабря полностью завезти в магазины продовольственные и промышленные товары. Обязать секретарей горкомов и райкомов партии взять под свой контроль подготовку торговой сети к бескарточной торговле продовольственными и промышленными товарами [10. Оп. 11. Д. 130. Л. 2–3].

В течение ночи 15 декабря в торговые точки продолжался завоз хлеба и продуктов. К началу торговли почти во все магазины города Чкалова был завезен хлеб от однодневного до двухдневного лимита. Например, в магазин № 5 при потребности в 1750 кг было завезено 2050 кг; в магазин № 51 – соответственно 1750 кг и 2390 кг и т. д. [10. Оп. 11. Д. 252. Л. 64].

К моменту отмены карточной системы и переходу к развернутой торговле в Чкаловской области потребительскими кооперациями было открыто 3215 магазинов, ларьков, палаток, а также 429 столовых, чайных, буфетов, из них 1805 магазинов, палаток и 88 столовых, чайных [10, Оп. 12. Д. 913. Л. 72]. В Челябинской же области к этому времени было открыто и организовано 4732 магазинов, торговых точек и ларьков [6. Д. 315. Л. 7].

В период активной подготовки торговли без карточек практически все торговые сети в городах Чкаловской и Челябинской областей были недостаточно подготовлены. Большинство открывавшихся новых торговых помещений было принято торгоорганизациями в разрушенном виде (без дверей, окон, стены без штукатурки и т. д.) Для ремонта данных помещений требовалось большое количество стройматериалов. Так, в г. Чкалове для ремонта торговой сети горисполкомом из местных ресурсов было выдано лесоматериалов: 350 куб. м, а также краски, гвозди и другие необходимые материалы. Во многих магазинах не был решен вопрос ремонта из-за недос-

татка стройматериалов, практически во всех торговых точках отсутствовали объявления о режиме работы магазина, также не был подготовлен торговый инвентарь, весы, гири и спецодежда для работников, в больших количествах не хватало автомашин и повозок для того, чтобы поставлять товары в магазины [10. Оп. 11. Д. 923. Л. 1; 6. Д. 315. Л. 5].

В целях обеспечения кадрами дополнительно открывающиеся торговые сети в соответствии с приказом Министерства торговли Союза ССР проводилась переподготовка работников торговли и общественного питания в Чкаловской области в количестве 207 чел. (работников торговли – 103, общественного питания – 104 чел.) и 320 чел. в Челябинской области, которые должны были удовлетворить потребности новых торговых точек. Кроме того потребительской кооперацией Чкаловской области осуществлялась переподготовка 60 продавцов хлебных магазинов и 119 работников для розничной торговли [10. Оп. 11. Д. 923. Л. 4; 6. Д. 315. Л. 7].

На территории Южного Урала отмена карточной системы и переход к свободной торговле произошел, как и по всей стране, после выхода постановления Совета министров СССР, Центрального Комитета ВКП(б) от 14 декабря 1947 [10. Оп. 12. Д. 913. Л. 71].

16 декабря 1947 г. в городах Чкаловской и Челябинской областей в 8 часов были открыты почти все магазины, в которых товар отпускался уже свободно. В магазинах высели списки, где указывались цены на товары и предельные нормы отпуска товаров в одни руки: хлеб печеный – 2 кг, крупа, макаронны – 1 кг, мясо и мясопродукты – 1 кг, колбасные изделия и копчености – 0,5 кг, сметана – 0,5 кг, молоко – 1 л, сахар – 0,5 кг, хлопчатобумажные ткани – 6 м, нитки на катушках – 1 катушка, чулки-носки – 2 пары, обувь кожаная, резиновая – по 1 паре каждой, мыло хозяйственное – 1 кусок, мыло туалетное – 1 кусок, спички – 2 коробки, керосин – 2 л. Эти нормы действовали до 13 августа 1958 г. [13, с. 48]. Установленные нормы также распространялись и на кооперативную торговлю в сельской местности на всей территории СССР.

При распределении дневных лимитов хлеба по торговым точкам г. Чкалова горторгом были допущены ошибки, в результате чего к трем часам дня в магазине № 87 хлеб был распродан и магазин закрылся. В ряде магазинов в 3 часа дня спрос на хлеб почти прекратился. В то же время почти во всех магазинах имелись очереди за такими продуктами питания, как сахар, масло, крупы и пр. Особенно ощущался недостаток сахара [10. Оп. 11. Д. 252. Л. 64]. Аналогичная ситуация складывалась и в других городах Чкаловской области. Так, в Бузулуке весь фонд по хлебу был распродан к двум часам дня. Многие магазины города Орска к трем часам дня закон-

чили реализацию дневной нормы продуктов, что создавало неуверенность у населения в доступности свободной купли. В сельских районах по-прежнему продолжалось распределение хлеба по спискам. В Екатерининском районе отпускали в одни руки только по 400 г и по списку, имевшемуся в магазине. Промтовары также отпускались лишь лицам, прикрепленным к магазину [10. Оп. 11. Д. 252. Л. 12, 16]. Плохо дело было поставлено с торговлей промышленных товаров в Ново-Сергиевском районе. На весь район было отпущено всего 1350 м хлопчатобумажной ткани, 65 штук разной обуви, 15 пальто. Распределили их по торговым точкам, в результате в магазине райцентра осталось всего лишь 130 м хлопчатобумажной ткани [10. Оп. 11. Д. 252. Л. 42].

В связи с отменой карточной системы на продовольственные и промышленные товары в магазины городов Чкаловской и Челябинской областей усилился приток покупателей из близлежащих населенных пунктов (в радиусе 60–80 км от города). Иногда за продуктами, в основном за хлебом, приезжали целыми семьями по 4–5 чел. и по нескольку раз становились в очередь в разных магазинах.

16 декабря основными покупателями в областном центре Чкаловской области являлось городское население, сельские жители составляли не более 10 %. 18 декабря приезжих в продовольственных магазинах Чкалова было до 3 %, а в промтоварных до 5 %. 19 и 20 декабря удельный вес приезжих покупателей в продовольственных магазинах составлял 5 %, а в промтоварных не более 10 %, 21 декабря – в продовольственных магазинах не более 1 %. В продовольственных магазинах приезжие покупали исключительно хлеб, а в промтоварных – преимущественно хлопчатобумажные ткани [10. Оп. 11. Д. 252. Л. 29].

В первые дни свободной торговли повышенный спрос с образованием очередей имел место по крупно-макаронным, сахаро-кондитерским изделиям и растительному маслу. Этими товарами магазины городов региона 16 декабря полный день не торговали. Анализируя первый день открытой продажи, секретарь Чкаловского горкома партии Колесников в своем отчете первому секретарю обкома ВКП(б) Денисову писал о том, что для предотвращения перебоев с продажей сахара облторготделу необходимо выделить дополнительные лимиты. Из промышленных товаров повышенным спросом пользовались дешевые хлопчатобумажные ткани, галоши, валенки, хозяйственное и туалетное мыло, а также спички. Больше всего население покупало хлопчатобумажные, шерстяные ткани, трикотажные изделия, чулки, носки, тюль, тюлевые изделия, обувь – кожаную и валяную, хозяйственные, галантерейные и канцелярские товары, мыло туалетное, одеколон, пудру, духи, зубной порошок, губную помаду. Культтовары, хрусталь, фарфор, ювелирные изделия, готовые платья, головные уборы покупали слабо [10. Оп. 11.

Д. 252. Л. 65]. Однако начиная уже с 1 января 1948 г. повышенный спрос оставался только по крупно-макаронным изделиям, остальные товары продавались уже без очередей.

17 декабря состоялось заседание бюро Чкаловского обкома партии, на котором обсуждались вопросы об итогах свободной торговли по районам и городам области, и были указаны ошибки, допущенные в работе торговых организаций из-за несвоевременного завоза всех товаров в города и районы области и проведения инвентаризации. Бюро обкома партии требовало устранить имеющиеся недостатки за короткий срок [10. Оп. 11. Д. 134. Л. 2–3]. 19 декабря заседание бюро Чкаловского городского комитета ВКП(б) вновь обсуждало вопросы о нарушении принципов советской торговли в областном центре [11. Оп. 19. Д. 5. Л. 114–115]. Таким образом, все вопросы, связанные с отменой карточной системы на местах, находились под пристальным вниманием партийных органов.

В Чкалове, вместе с ОРСом 2-го отделения Оренбургской железной дороги, за пять дней декабря (с 16 по 21 включительно) хлеба было израсходовано 740,9 тыс. т, лимит же на отчетный период был установлен в 870 т. Промтоваров было продано на сумму 1 997 тыс. р., из них хлопчатки и льна – на 954 тыс., швейных изделий – 331 тыс., кожаной обуви – 327 тыс., трикотажа – 246 тыс., табачных изделий – 188 тыс., шелка – 100 тыс., резиновой обуви – 92 тыс., чулок-носок – 56 тыс., ниток – 41 тыс., шерсти – 22 тыс. р. Торговля с рук промышленными товарами на рынках города прекратилась с 14 декабря, и фиксировались лишь отдельные случаи появления спекуляции [10. Оп. 11. Д. 252. Л. 29–30].

Недостатки в организации бескарточной торговли, особенно наблюдались в районах. Так, в Ново-Орском и Адамовском районах не были завезены для продажи в магазинах промышленные товары и крупа. В Буртинском, Александровском и Октябрьском районах из-за задержки в связи со снятием остатков и переоценкой товаров, торговля промышленными товарами в магазинах была организована только во второй половине дня. В Соль-Илецком и Красно-Партизанском районах магазины торговали только хлебом. Остальными товарами не торговали из-за малого количества завоза их в магазины и затянувшейся переоценки товаров. В Люксембургском районе из-за несвоевременного завоза товаров в магазины торговля была организована только во второй половине дня [10. Оп. 11. Д. 251. Л. 15].

Для ликвидации очередей в магазинах после отмены карточной системы в городах Чкаловской области был расширен и улучшен ассортимент продуктов и промышленных товаров, а также увеличен лимит торговых организаций по крупе, сахару, кондитерским изделиям и другим товарам.

Переход к свободной торговле не означал, особенно в сельской местности, что продовольственных и промышленных товаров стало

больше. В условиях дефицитной экономики больше всего страдало село. Централизованное городское снабжение продовольствием (в год на чел.) превосходило сельское (с учетом целевых поставок): по муке – в 12–18 раз, крупе – 13–28, рыбе – 10–14, сахару – 8–12, винно-водочным изделиям – 2,5–3, чаю – в 1,5 раза. Мясо и животное масло распределялось на село только по целевому назначению. Снабжение городского населения промышленными товарами превосходило сельское по швейным изделиям в 3–6 раз, по мылу – 3–10, кожаной обуви – 2,5–5, шерстяным тканям – 1,2–8, трикотажу и табачным изделиям – в 5–12 раз. Кроме того, существовали «гужевые наценки», что автоматически повышало розничные цены [5, с. 275].

Таким образом, отмена карточной системы и переход к свободной торговле в Чкаловской и Челябинской областях были затруднены и имели массу недочетов, но в целом, после отмены карточной системы значительно улучшилось обеспечение жителей продовольственными и промышленными товарами.

Список литературы

1. Директивы КПСС и Советского правительства по хозяйственным вопросам. 1917–1957 гг.: сб. док. – М., 1957. – Т. 2.
2. Денежная реформа 1947 года: реакция населения. По документам из «Особых папок» Сталина / сост. Э.Ю. Завадская, Т.В. Царевская // Отеч. история. – 1997. – № 6.
3. Любимов А.В. Торговля и снабжение в годы Великой Отечественной войны. – М., 1968.
4. Мельникова Ю.В. Жизнеобеспечение городского населения Южного Урала в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Оренбург, 2007. – С. 18–19.
5. Никонов А.А. Спираль многовековой драмы: аграрная наука и политика России (XVIII–XX вв.). – М., 1995.
6. Объединенный государственный архив Челябинской области (ОГАЧО). Ф. Р. 804. Оп. 15.
7. ОГАЧО Ф. Р. 964.
8. ОГАЧО. Ф. Р. 274.
9. Сборник важнейших приказов и инструкций по вопросам карточной системы и нормированного снабжения. – Л., 1945.
10. Центр документации новейшей истории Оренбургской области (ЦДНИОО). Ф. 371.
11. ЦДНИОО. Ф. 267.
12. Хисамутдинова Р.Р. Советский Союз накануне и в период Великой Отечественной войны. – Оренбург, 2009.
13. Хисамутдинова Р.Р. Советский Союз в послевоенное десятилетие. – Оренбург, 2009.
14. Чернявский У.Г. Война и продовольствие: Снабжение городского населения в Великую Отечественную войну. – М., 1964.

ПРОБЛЕМЫ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ

УДК 94(439)

Б.Б. Гогоев

Трансильвания в политическом пространстве Венгрии: исторический аспект

В статье даётся краткий очерк истории Трансильвании в аспекте венгерского господства над этой территорией вплоть до конца XIX в., в разрезе развития межэтнических отношений между венгерским и румынским народами. Анализируется мадьяризация румын Трансильвании в период Габсбургской монархии.

The article gives the short sketch of history of Transylvania in aspect of the Hungarian domination over this territory up to the end of XIXth century, in view of the development of interethnic relations between Hungarian and Romanian people. Magyarization of the Romanians of Transylvania during the Habsburg monarchy is analyzed.

Ключевые слова: Трансильвания, Валахия, румыны, венгры, Австро-Венгрия, Центрально-Восточная Европа, Карпатский бассейн.

Key words: Transylvania, Walachia, Romanians, Hungarians, Austro-Hungary, Central-East Europe, Carpathian Basin.

Историческая наука претендует на ведущую роль в исследовании такого сложнейшего феномена, как национализм. По этому поводу российский историк и исследователь истории Венгрии Т.М. Исламов писал: «Нет в природе национализма (как бы ни пытались объявить его лишь "социальным феноменом", "явлением культурного наследия", или еще чем-то), который бы существовал вне истории, нет конфликта на этнической почве, который не имел бы своих исторических корней. Лишь исторической науке под силу дать достоверные сведения о происхождении тех или иных межнациональных противоречий, объяснить возникновение тех или иных этнических стереотипов и автостереотипов (т. е. самооценки и сомнения), показать то, как создавался в прошлом "образ врага"» [3, с. 3]. Лишь история способна воссоздать точную картину взаимоотношений (дружественных или враждебных) между различными народами, сосуществовавшими в одном и том же регионе, в рамках одного и того же государственного образования на протяжении тысячелетия.

Взаимоотношения венгров и румын в Центрально-Восточной Европе имеют свою довольно продолжительную историю. Проживая компактно в Карпатском бассейне, эти народы взаимодействовали между собой более тысячи лет. Таким образом, хотелось бы подчеркнуть, что история политики «румынизации» имеет непосредственную связь с историей взаимоотношений румын и венгров в прошлом.

Обращаясь к древней истории венгерского этноса, следует отметить, что прото-венгры, как и многие племена и народы в то время, были кочевниками, пока не осели на территориях современной Венгрии, Румынии и Словакии. 896 г., когда венгры вступили на территорию Карпатского бассейна, чтобы осесть там, можно считать исторической датой обоснования венгерского народа на этой территории.

Продвижение венгров в Карпатском бассейне было постепенным. Большинство венгров проникло в Карпатский бассейн через северные и северо-восточные отроги Карпат, в то время как более мелкие группы попали туда с юга, через область, сейчас известную как Трансильвания [13, р. 33]. Это переселение сыграло важнейшую роль в дальнейшей судьбе венгерского народа.

Во время появления венгров на этих территориях, ни у одного из народов проживавших там, не было никакой централизованной власти, существовали только рассеянные этнические группы, управляемые различными правителями из местной знати. Венгры покоряли эти земли одну за другой.

К концу IX в. венгров уже насчитывалось около 400 тыс. чел. [15, р. 148]. Их народ включил в себя остатки некогда мощной империи гуннов и аваров, а Паннония стала основным центром венгерских поселений. В дальнейшем именно данная область стала основой будущего венгерского государства.

Опасения Европы по поводу венгров оказались оправданными, так как они производили набеги в западном и южном направлениях. По этому поводу И. Гайанович писал: «Используя Карпаты как переход, они проникли в Австрию, Германию, Швейцарию и Италию. ... Стратегия нападений имела молниеносную тактику ведения боя, дабы мгновенно обессилить врага и заставить его сдаться» [11, р. 148–156]. В X в. жестокость венгерских всадников стала легендарной, их набеги с целью грабежа сопровождались принуждением покорённых народов заключать с ними политические союзы. В результате этого «венгры заключили союзы с княжествами Верхней Италии, Баварии и Саксонии, каждое из которых платило им дань» [17, р. 41].

Если рассматривать историю Трансильвании, то необходимо подчеркнуть, что её коренными жителями были даки (группа северо-

фракийских племён). В период великого переселения народов в Трансильвании осели различные варварские племена, в том числе и готы с гуннами, потомков которых именовали секлерами, они и до сегодняшнего времени населяют восточную часть области. В конце IX – начале X в. мадьяры под предводительством князя Арпада, захватывали всю территорию между Карпатами и Дунаем, подчиняя себе местное население, и при св. Стефане (в 1003 г.) образовали Венгерское королевство, в состав которого входила и вся Трансильвания. Проживавшие в Трансильвании валахи и славяне, проиграв в битвах с Арадом, были подчинены мадьярским племенам [9, с. 143].

Л.Е. Семёнова подчёркивает, что «в ходе совместного проживания в Карпато-Дунайских землях этого многоэтнического (с различным социально-экономическим уровнем) населения в X–XIII вв. [стали] происходить процессы взаимовлияния и ассимиляции» [5, с. 21]. Св. Стефан обратил венгров, принявших первоначально христианство из Византии, в католичество. Его преемник Гейза II (Геза II) (1141–1161) поселил вокруг г. Надь-Себен (Германштадт) для защиты южных пределов Трансильвании значительное число немецких колонистов (саксов) с нижнего Рейна и из Саксонии. Таким образом, уже в начале XII в. Трансильвания является областью с весьма пёстрым населением. Однако четыре главных этноса: румыны, венгры, секлеры и немцы сохранили свою самобытность, став главными народами, населявшими Трансильванию.

Румыны, расселившиеся в Трансильвании, находились в полном подчинении венгров, при сохранении религиозной автономии. Рассматривая правовое положение румын в XII–XIII вв., необходимо подчеркнуть, что они практически не обладали политическими правами, за исключением тех из них, кто получил дворянский титул. Более того, практически все земли находились в руках венгерского дворянства. Заметим, что при социальном расслоении венгров только небольшое число мадьяр Трансильвании принадлежало к крестьянскому сословию и было закрепощено наравне с румынами. Что же касается секлеров, однородного с мадьярами происхождения и говорящих на венгерском языке, то они развивались совершенно самостоятельно [9, с. 146]. Все секлеры принадлежали к разряду вольных людей, но подразделялись на знатных дворян, несших конную службу, и на незнатных, сражавшихся без коня, пешим строем. Они занимали отдельную территорию вдоль восточной границы Трансильванской области, подчинялись графу, который назначался королем, имели демократическое устройство, несли военную службу и не платили податей.

Саксонцы (немцы) со времени их поселения в Трансильвании пользовались значительными привилегиями, расширенными в особенности королем Андреем II (1224), их «территория составляла

самостоятельную административную единицу, управляемую графом и непосредственно подчиненную королю» [14, s. 65].

В середине XVI в. происходит отделение Трансильвании от Венгрии. Вследствие неурядиц, возникших из-за споров в системе престолонаследия, а также из-за войны с турками, седмиградский (семиградский) воевода Иштван Заполье, снискавший расположение магнатов подавлением восстания венгерских крестьян и секлеров, использовал смерть венгерского короля Людовика II для захвата власти в Венгрии. Однако в то же время вдова короля возвела на престол своего сына Фердинанда, что побудило Заполью согласиться на покровительство турок. В итоге это привело к тому, что вся южная часть Венгрии была захвачена турецкими войсками, а в Седмиградии появились самостоятельные князья, которые путём самозахватов и самоизбраний получили в свои руки власть, являясь при этом вассалами султанов. Отделённой от Венгрии Трансильвания была вплоть до 1690 г. [16, s. 77].

Трансильванские князья, принадлежавшие преимущественно к венгерской аристократии, ввели при дворе венгерский язык. Сын Стефана Батория – Сигизмунд, решил разорвать свои вассальные отношения с Османской империей, под предлогом того что последняя оказывала большую поддержку протестантскому движению в Трансильвании, которое было враждебно настроено по отношению к католическому монарху. Для противостояния Турции Баторий хотел вступить в союз с Рудольфом Австрийским, находившимся в состоянии войны с турками [7, с. 99]. Но перед этим Сигизмунд Баторий привлек на свою сторону валахского князя Михаила Храброго и даже добился признания за Валахией ленной зависимости от Трансильвании.

Однако в 1599 г., после того как Михаил Храбрый одержал несколько побед над турками, Сигизмунд Баторий уступил престол своему двоюродному брату, польскому кардиналу, Андрею Баторию, передав, таким образом, Польше формальное право подчинить своему влиянию Валахию. Это вынудило Михаила Храброго вторгнуться со своими войсками в Трансильванию. Вследствие этого армия Андрея Батория была разбита, а сам он бежал. А 1 ноября 1599 г. Михаил беспрепятственно вступил в Адьба-Юлию, столицу Седмиградии. В истории румын этот момент считается очень важным, так как им знаменуется объединение трансильванских румын с румынами Валахии и Молдавии. Но это господство валахского князя было весьма кратковременным.

18 апреля 1600 г. войска Михаила Храброго были разбиты армией императора Рудольфа, а сам он погиб. После этого Трансильванией управлял некоторое время император Рудольф. Затем в

стране вспыхнуло восстание под предводительством Стефана Бочкая, которого турецкий султан признал правителем Трансильвании.

При таких правителях, как Бетлен Габор, Ракоци I и Ракоци II, Трансильвания в течение почти ста лет довольно успешно противостояла всем намерениям германских императоров, османских султанов и венгерских королей подчинить её своей власти [5, с. 93].

К концу XVII в., когда величие Османской империи стало угасать, при князе Михаиле Апафи (1661–1690), Седмиградский сейм, видя слабость турок, заключил союз с императором германским и австрийским Леопольдом, гарантировавшим стране свободу совести, а князю Апафи и его потомкам трансильванский престол. Однако после смерти Апафи, Леопольд сам овладел седмиградской короной и в императорском ордонансе от 1691 г. закрепил следующие положения: «Трансильвания составляет часть венгерского государства, сейм созывается ежегодно, свобода совести и местные законы неприкосновенны, а все должности, не исключая губернатора (прежний воевода), заменяются венгерцами, секлерами или саксами» [10, с. 28]. Но прокламируемые свободы гарантировались только католикам, лютеранам, реформистам и униатам, православных румын это не затрагивало. Данный момент является отправным пунктом католизации румынского населения. Православные румыны, долгое время не имевшие своего епископа, посвящение священнослужителей проводили в Молдавии и Валахии. Лишь в 1784 г. (при Иосифе II) было учреждено Германштадтское православное епископство, подчиненное Карловицкому сербскому патриарху.

В 1761 г. императрица Мария Терезия дала Трансильвании статус великого княжества и сформировала в Трансильвании два валахских пограничных полка, а в 1764 г. – три секлерских. Царствование преемника Марии Терезии, Иосифа II, ознаменовалось мощным восстанием трансильванских румын, направленным против произвола венгерских и секлерских магнатов. Чтобы усмирить это восстание, император в 1785 г. освободил крестьян от крепостной зависимости и предпринял попытку ввести в княжестве однообразное управление, но в 1790 г. он восстановил в венгерских землях комитаты, секлерских – округа, а у немцев – должность саксонского графа. Между тем среди трансильванских венгров и секлеров возникло движение за полное слияние Трансильвании с Венгрией, которое нашло сильную поддержку в венгерском парламенте. Пользуясь благоприятным моментом, венгерский сейм добился от императора Франца указа, согласно которому Трансильвания была воссоединена с Венгрией. Румынам были предоставлены одинаковые с другими народностями права. В венгерский сейм были приняты трансильванские представители, избранные всеми жителями без различия этнического происхожде-

ния и вероисповедания. Однако из-за нежелания лидеров румынских националистов объединяться с венграми вспыхнуло новое восстание, имевшее в своей основе национальный характер. Это восстание совпало с венгерской революцией 1848 г., в ходе которой к власти пришёл вдохновитель революции Лайош Кошут, получивший в венгерском правительстве должность министра финансов и позже назначенный главой Комитета национальной обороны [12, р. 4].

Восстание румын было поддержано австрийскими войсками. При этой поддержке румыны поставили венгерское правительство в крайне затруднительное положение [2, с. 175].

В декабре 1848 г. Л. Кошут поручил генералу Бему подавить восстание. Действия, предпринятые генералом Бемом, оказались настолько успешными, что он даже временно занял Германштадт. Но вмешательство России решило участь венгерского восстания: 26 августа 1849 г. венгерская армия сложила оружие у Вилагоша, а отделённая от Венгрии Трансильвания стала австрийской провинцией с десятью округами, под управлением наместников [1, с. 17–18]. Главным языком провинции стал немецкий.

Эта зависимость Трансильвании от Австрии продолжалась до 1867 г., когда австрийское правительство признало Трансильванию исторической территорией Венгрии. В силу этого решения Трансильвания вошла в состав земель Венгерской короны и на основании закона от 6 декабря 1868 г., «слилась с ней неразрывно» [17, р. 216], причём законодательная власть перешла к венгерскому парламенту, а исполнительная – к венгерскому правительству. Наконец, в 1876 г. было уничтожено деление Трансильвании на мадьярские и секлерские комитаты, а также земли Саксов. Вся страна по примеру Венгрии была разделена на 15 равноправных комитатов, причем бывшие «королевские вольные города» вошли в состав соответственно установленных комитатов.

Стоит отметить, что в XVIII в. Габсбургское правительство способствовало увеличению населения Трансильванской области: «Турецкая агрессия [1526 г. и последующая оккупация страны] имела самые губительные последствия для Венгрии, ... приведя к массовой гибели мадьярского населения и запустению целых областей страны. Так, например, в Банате, освобожденном от турок в 1718 г., где сейчас живет около 1 млн. человек, проживало всего 700 человек. В других областях положение было не лучше, особенно в Трансильвании и других районах Южной Венгрии. Поэтому Габсбурги стали поощрять колонизацию венгерских территорий переселенцами из других частей империи и даже сопредельных государств. С начала XVIII в. в Трансильванию хлынул поток немецких и румынских колонистов из придунайских княжеств. Только в первой поло-

вине XVIII в. в Трансильванию переселилось от 300 до 500 тыс. румын при общей численности населения Трансильвании в то время 800–865 тыс. чел. Постепенно румыны стали доминирующей этнической группой в Трансильвании» [6, с. 85].

С тех пор как Трансильвания стала частью Австро-Венгерской короны, венгры усиленно старались её мадьяризировать: были устарены прежние законы о равноправности языков (немецкого и румынского). Но, несмотря на это, большое количество евреев и немцев, подвергнувшихся мадьяризации, стали настоящими венгерскими патриотами. «Они называли себя "Deutsche ungam", т. е. немцы Венгрии, а не "Ungarische Deutschen", т. е. венгерские немцы. Этим они подчеркивали свою привязанность к Венгрии, отчасти отделяя себя от остального германского мира. Поэтому не случайно то, что в Сегеде или Пеште можно было встретить человека, искренне считающего себя "чистокровным мадьяром" с фамилией Шмидт или Мюллер», – пишет И.В. Крючков [6, с. 87]. В отличие от румынского населения Трансильвании, у которого были отняты его многочисленные права, «"саксы" Трансильвании имели широкие политические привилегии, особенно на уровне органов местного самоуправления. ... "Саксы" ... также обладали значительной культурно-образовательной автономией. Не считая начальных школ "саксы" в Трансильвании в начале XX в. имели 5 высших гимназий, 2 низшие гимназии, высшее реальное училище, учительский институт, 3 экономических школы, 10 ремесленных школ и это при населении в 400 тыс. чел.» [6, с. 88–89].

По данным 1910 г. население Трансильвании составляло 2 669 785 чел. При общей площади области в 57 244 км² и плотности населения в 46,8 жителей на 1 км² можно заключить, что Трансильвания была населена менее плотно других областей Венгрии и соседних Галиции и Буковины. Так, например, в Венгрии на 1 км² приходилось 58 чел., в Буковине – 70, а в Галиции – 93 [10, с. 30].

Обобщая сказанное, следует отметить, что за многие столетия сосуществования венгров и румын на одной территории, эти народы, сохранив свою культуру и самобытность, создали в Дунайском регионе уникальную этно-культурную общность с общей, гармонично развивающейся экономикой. Трансильвания к началу XX в. была достаточно развитой в экономическом отношении частью Австро-Венгерской империи. В Трансильвании наблюдался сильный экономический подъём: протяжённость железных дорог выросла до 4 тыс. км, добыча угля приближалась к 1,5 млн т, было построено и функционировало 379 крупных предприятий текстильной, пищевой, химической, бумажной и строительной промышленности [4, с. 126]. Однако на фоне успехов в экономике, в общественной среде румын

Трансильвании стало накапливаться недовольство национальной политикой, проводимой венгерскими властями. Политика «мадьяризации» привела к оттоку румын из промышленности. Политика компромиссов по отношению к национальным меньшинствам должна была стать необходимой чертой развития такого многонационального государства, как Австро-Венгрия. Роль государства при этом должна была заключаться в удовлетворении требований и охране прав всех его граждан. Однако правительство Австро-Венгрии не в полной мере оценивало суть складывающейся ситуации. Конец XIX в. ярко иллюстрирует активизацию националистических движений не только румын, но и чехов и словаков Австро-Венгрии, стремившихся к реализации идеи широкой автономии.

Нерешённые проблемы в области национального вопроса в Австро-Венгрии стали критическими в годы Первой мировой войны, когда в среде румынской, а также чешской и словацкой интеллигенции всё ярче выражались требования предоставления широких автономий.

Список литературы

1. Герман Р. Русские войска в Венгрии в 1849. – Будапешт, 2002.
2. Европейские революции 1848 г. «Принцип национальности» в политике и идеологии / под ред. Ю.Я. Вина. – М., 2001.
3. Исламов Т.М. Национализм как реальность и научная проблема XX века // Очаги тревоги в Восточной Европе (Драма национальных противоречий). – М., 1994.
4. Карпещенко Е.Д., Лебедев Н.И., Язькова А.А. История Румынии нового и новейшего времени. – М., 1964.
5. Краткая история Румынии: с древнейших времён до наших дней / под ред. В.Н. Виноградова. – М., 1987.
6. Крючков И.В. «Немцы» Венгрии в XVIII – начале XX в., или к истории забытого народа // Вестн. СГПИ. Вып. 7. – Ставрополь, 2007.
7. Медведев К.Т. Австрийские Габсбурги и сословия в начале XVII в. – М., 2004.
8. Петерсон А. Венгрия и её жители / пер. с англ. Д. Г. Фридберга. – СПб., 1986.
9. Поп И.-А., Болован И. История Румынии. – М., 2005.
10. Трансильвания: ист. очерк. – СПб., 1906.
11. Gaianovije I. Historical and cultural aspect of Hungarian history. – Budapest, 1996.
12. German R. People on coins. – Budapest, 2002.
13. Kardos Matias C. Brief history of Hungary. – Budapest, 1979.
14. Minrich K. Die sächsische Stämme. – Munich, 1976.
15. Richmand F. Proto-hungarian history. – Michigan, 1999.
16. Siebenbürgen: den historischen Aspekt [Transylvania: historical aspect]. Red. By Nester-Matchet. – Bonn, 1993.
17. Sisa S. A panorama of Hungarian history and culture. – Ontario-Canada, 1990.

Участие представителей правопорядка, революционных и военных формирований в выселении этнических немцев из Восточной Европы после Второй мировой войны*

В данной статье анализируется роль милиции, армии, партизанских и революционных организаций восточноевропейских стран в послевоенных депортациях этнических немцев из региона (Польша, Чехословакия, Венгрия, Югославия). Исследуются задачи данного мероприятия, акцентируется внимание на злоупотреблениях милиционеров и военных при проведении выселений немцев.

This article examines the role of the police, army, guerrilla and revolutionary organizations of the Eastern European countries in the post-war deportations of the ethnic Germans from the region (Poland, Czechoslovakia, Hungary, Yugoslavia). The author examines its tasks and pays attention to the abuses of police and military during evictions of the Germans.

Ключевые слова: этнические немцы Восточной Европы; депортации; югославские партизаны; чехословацкая революционная гвардия; польские милиционеры; досмотры и обыски; грабежи; насилие.

Key words: ethnic Germans in Eastern Europe; deportation; Yugoslav partisans; Czechoslovak Revolutionary Guard, Polish police, inspections and searches, plunders, violence.

После окончания Второй мировой войны еще остававшиеся в восточно-европейском регионе этнические немцы согласно решению Потсдамской конференции подлежали выселению. Депортации проводились правительствами Польши, Чехословакии, Венгрии, отчасти Югославии и Румынии. Воплощение приказов о выселении в жизнь было поручено органам внутренних дел, армии, революционным и партизанским организациям.

Действия организаторов выселений затрагиваются в большей или меньшей степени во всех многочисленных германских исследованиях проблемы «изгнания» (*Vertreibung*, немецкий термин для обозначения данных событий). В этой связи следует упомянуть труды Х. Навратила [24], А. Сурминского [30], В. Шварца [29] и др. Менее представительна восточноевропейская историография вопроса, это работы Э. Навака [25], Э. Храбович [17], Д. Ковача [19]. И наконец, мало кто из российских ученых занимается вопросом

послевоенных выселений немцев из Восточной Европы. Так как страдания выселяемых зачастую связывают именно с действиями милиционеров, солдат, партизан, исследуемый вопрос представляется не только интересным, но и важным для понимания событий послевоенных депортаций из региона и анализа научного и политического дискурса вокруг данной темы.

Из Восточной Европы немцев выселяли армейские и партизанские соединения, революционные группы, милиция [33, s. 18]. Среди их задач были следующие: сообщить немецким семьям о выселении, провести досмотры на сборном пункте и конвоировать выселяемых вплоть до высадки в Германии [4, s. 46]. Представители революционных и партизанских организаций наибольшую активность в притеснении этнических немцев проявили в Югославии. Отсюда, в отличие от других стран региона, выселения проводились еще до окончания военных действий, а не после них. Кроме того, в последующее время именно на основе партизанского революционного движения формировались новые югославские власти [8, s. 97E]. Изгнание дунайских швабов из Югославии признается заслугой партизан Й. Б. Тито [31, s. 39]. А чехословацкая революционная гвардия участвовала в печально известных событиях выселений из Праги, Брюнна / Брно, Ауссига / Усти-над-Лабем [33, s. 18]. Одними из организаторов «брюннского марша смерти» стали революционно настроенные вооруженные отряды советов предприятий [17, s. 98–99]. Свою лепту в изгнание внесли и польские партизаны, преимущественно на неорганизованном этапе выселений (до соответствующих решений союзников).

Наряду с революционными и партизанскими формированиями депортации проводились также национальными армейскими соединениями. Так войска занимались удалением немцев из Чехословакии [1, с. 191]. Здесь, как и в других областях Восточной Европы, армии стали основным орудием «диких выселений» [20, s. 332]. Но наиболее известны в этом отношении действия польских военных. Они вместе с милицией начали удалять немецкое население из областей к востоку от линии Одер-Нейсе, как только эти территории были освобождены Красной армией. А 20 июня 1945 г. польской армии удалось закрыть новую польско-германскую границу, после чего военные приступили к очищению от немецкого населения 50-километровой приграничной полосы. Эти первые выселения из Польши охватывали сразу целые деревни, поселки или районы городов, солдаты собирали все немецкое население с соответствующей территории и переводили его на германскую сторону демаркационной линии [23, s. 120–121].

Схема действий военных (или милиционеров) при неорганизованных выселениях выглядела следующим образом: поселение окружали, отрезали немцам путь бегства, объявляли о явке для всех на сборном пункте, после конвоировали выселяемых до границы [9, s. 141–142 E]. Пример подобных действий можно найти в воспоминаниях немецкой семьи из Либихау (Libichau) в бывшем Восточном Бранденбурге. 25 июня 1945 г. к ним в дом ворвались польские военные и отдали приказ о выселении, после солдаты под конвоем отвели всех немцев поселения до Одера [36, s. 19].

Как уже упоминалось выше, активное участие в депортациях принимали восточноевропейские органы правопорядка. Чехословацкая и венгерская милиции занимались организацией выселений «фольксдойче», в их руках находился и соответствующий документооборот. Чехословацкие милиционеры проверяли документы выселяемых и составляли их списки. Очевидец из Брюнна сообщал, что это были мучительные многочасовые процедуры [17, s. 99–100]. Одна из венгерских швабов вспоминала, как ночью к ней пришла полиция и дала им лишь четверть часа на сборы, после их вышвырнули из родного дома [4, s. 48]. Однако в Венгрии уже с лета по осень 1946 г. численность задействованных в выселениях швабов милиционеров сократилась [32, s. 113].

Представители органов правопорядка этих стран оставили заметный след в организации изгнания, и все же наибольшее количество воспоминаний касается именно действий польских милиционеров. Во многих сообщениях указывалось, что польская милиция при выселениях вела себя по отношению к немцам особенно жестоко [9, s. 147–148 E]. Уже во время депортаций из Данцига, одних из первых в Польше, милиционеры прочесывали улицы города и пойманных немцев сажали на поезда [9, s. 140–141 E]. Позднее милиция выселяла немцев и из других новых польских западных воеводств. Так, польские милиционеры конвоировали выселяемых из Силезии [15, s. 130]. Жительница бывшего силезского округа Ландесхут / Каменна-Гура (Landeshut) вспоминала, как 10 мая 1946 г. от одного немецкого дома к другому ходили милиционеры с резиновыми дубинками и требовали, чтобы немцы утром покинули поселение [2, s. 45–47].

Следует отметить, что в организации депортаций были задействованы и другие структуры. В выселении брюннских немцев участвовали, например, чехословацкие службы безопасности, которые были призваны обеспечить конвоирование людей и защиту оставленного ими имущества [17, s. 98]. При этом документы Бундесархива описывают брюннский марш как небывалое

нарушение всех принципов гуманности [16, fol. 57]. В Венгрии с 10 августа 1945 г. над выселениями работали специальные правительственные комиссары [35, s. 81–83], здесь же заметную роль в организации депортаций играли комиссии по конфискации [10, s. 57 E]. Чиновники составляли списки подлежащих выселениям венгерских швабов, где кроме имен указывались основания для выселения [10, s. 62 E]. При организованных выселениях из Польши (операция «Ласточка», акция 1946 г. по выселению польских немцев в британскую зону оккупации Германии) конвоирование осуществляли солдаты корпуса внутренней безопасности [22, s. 25], в организации участвовали также представители государственной репатриационной службы (Rückwanderungsamt) [21, fol. 4–5].

Одной из задач структур, проводивших депортации был контроль над содержанием багажа выселяемых, что создавало благоприятные условия для превышения полномочий. Один из пражских немцев вспоминал, что военные и партизаны устраивали мучительно долгие обыски, даже когда у депортируемых уже и так ничего не оставалось [7, s. 8]. Судя по архивным данным, контроль ручных кладей брюнских немцев проводился несколько раз [16, fol. 56–57]. Многочисленные досмотры вещей изгоняемых немцев проводились и в Польше. Одной из точек досмотра багажа силезских немцев была финансовая служба Глатца / Клодзко [15, s. 130]. Про долгие и повторяющиеся обыски на сборных пунктах, в отделениях польской милиции и администрации рассказывали и выселенные из южной части Восточной Пруссии. Багаж нередко при этом уменьшался [15, s. 123–124]. Но иногда удавалось избежать досмотров. Так, в источниках упоминается, как в Данциге немцы-католики пели на вокзале свои религиозные песни, что якобы спасло их от проверок багажа [5, fol. 33].

Чаще всего именно при проведении досмотров представители восточноевропейских армий и милиции нередко воровали у выселяемых немцев понравившиеся им вещи. По сообщению Д. Брандеса, чешские милиционеры использовали проверки чтобы узнать, не вывозят ли немцы ценные вещи и сберкнижки, для того чтобы ограбить последних [6, s. 86]. Один из бывших жителей судетского Ландскрона вспоминал, что им приказали явиться на сборный пункт с ценными вещами и сберкнижками. Это было сделано для того, чтобы отнять у выселяемых последние ценные сбережения [14, s. 22]. А выселенные из Брюнна утверждали, что военные ревгвардии отняли у них все ценные вещи: золото, меха, обручальные кольца [36, s. 22]. Немцы из Иглау / Йиглавы сообщали о том, что 40 представителей той же революционной гвардии, конвоировавшие их во время выселения, забрали у них все взятое с собой в путь [18, fol. 71].

Оставленное имущество также разворовывалось. Например, священник из судетского Шильдберга (Schildberg) вспоминал, как по опустевшим немецким домам ходили чешские жандармы и забирали все, что хотели [26, s. 136]. Подобное происходило и в Венгрии, первые транспорты с венгерскими швабами обкрадывал сам сопровождавший их персонал [10, s. 62–63 E].

Один из ландратов Западной Германии оставил воспоминание о приеме им поезда с выселенными венгерскими швабами. Когда люди вышли из вагонов, выяснилось, что солдаты сопровождения забрали некоторые их вещи (в данном конкретном случае ландрату с помощью американских властей удалось вернуть людям имущество) [11, fol. 23–25]. О том, что поляки откровенно занимались организацией грабежа немецкого населения страны, было известно и советским властям [1, с. 191]. Данцигские немцы рассказывали о целой системе грабежей на железнодорожных станциях по пути на Запад [9, s. 140–141 E]. В медленно передвигавшиеся поезда прямо на ходу могли запрыгивать польские банды, чтобы поживиться имуществом выселяемых [34, s. 123–125]. Грабили депортируемых и персонал поездов, и милиция, и конвоировавшие солдаты [34, s. 117–119]. Один священник из силезского округа Гротткау / Гродкув наблюдал, как польские милиционеры грузили немецкое имущество в машины, а в ландрате милиция еще раз подвергла ревизии багаж депортируемых силезцев [27, fol. 32].

Нельзя обойти и вопрос насилия по отношению к выселяемым немцам. Практически сразу после прохождения советских войск, восточноевропейские партизаны и солдаты стали врываться в немецкие дома, начав выселения. Они не только грабили, но и стреляли в немцев, использовали против них силу [13, s. 18–19]. При пеших маршах конвой зачастую подгонял людей прикладами ружей [36, s. 22] или палками, обитыми сталью [16, fol. 56–57]. В случае неповиновения оружие обещали применить в действие [3, s. 35–36]. О стрельбе партизан на поражение сообщают немцы из Ландскрона [14, s. 22].

Случаи издевательств более мелкого порядка упоминаются еще чаще. Так, при марше из Иглау немцам запретили пить в встречавшихся по пути селениях, что люди воспринимали как желание сопровождавших увеличить численность погибших. А после выселяемых собрали в лагере на 250 чел., сконцентрировав там, по оценкам самих участников событий, в десять раз больше людей [18, fol. 71]. В отношении насилия к немцам отличились не только поляки и чехи, та же картина наблюдалась и в других странах региона. Печально известны в этой связи югославские партизаны: на последнем этапе войны в Югославии фиксируются

многочисленные убийства этнических немцев [12, s. 540]. В Венгрии жестокостей к швабам было меньше, но в начале выселений, а также при депортациях в советскую зону с августа 1946 г. много страданий пережили и венгерские немцы [10, s. 64–66 E].

Важным вопросом в этой связи является проблема организованности злоупотреблений в отношении выселяемых немцев, здесь можно выделить различные точки зрения. Одни считают, что власти восточноевропейских стран управляли процессом, другие – что насилие и грабежи стали результатом произвола отдельных лиц. Авторы документации по теме «изгнания» склоняются к тому, что все эти события выглядели как хорошо спланированная сверху акция [9, s. 141–142 E]. Сторонники этой точки зрения указывают, в частности, на то, что проведение таких масштабных акций никак не могло пройти без ведома соответствующих правительств, тем более в условиях сильной централизации [28, s. 181–182].

Вторая точка зрения больше представлена восточноевропейскими исследователями. Есть и немецкие ученые, выступающие за спонтанность неорганизованных выселений (хотя, по их мнению, «дикие выселения» прекрасно вписались в общую политическую линию) [30, s. 13]. Такая позиция аргументируется тем, что в соответствующие органы и структуры сразу после войны проникало много полукриминальных элементов, и поэтому злоупотребления были неизбежны [23, s. 122]. Германским контраргументом является мнение, что у восточноевропейских властей отсутствовала не возможность, а именно желание помешать злоупотреблениям в отношении депортируемых немцев [9, s. 147–148 E].

Таким образом, представители органов правопорядка, военных и революционных соединений выступили в событиях послевоенных депортаций немцев из Восточной Европы в качестве прямых исполнителей. Именно они непосредственно работали с подлежащими выселению людьми: оглашали приказ, собирали выселяемых, контролировали документы и багаж, конвоировали и т. д. Через контакт с ними передавалось общее настроение, царившее в послевоенной Восточной Европе. А это была атмосфера ненависти к немецким меньшинствам, которые воспринимались в свете недавних событий как репрезентанты нацистской Германии. Данные обстоятельства, с одной стороны, определили общее негативное отношение организаторов выселения к немцам, а с другой – делали возможным откровенный произвол и недопустимое насилие со стороны отдельных представителей властей.

Список литературы

1. Семиряга М. И. Как мы управляли Германией. – М., 1995.
2. «Armut, Hunger, Bomben und Vertreibung». Ein Mietshaus auf dem Land in den Nachkriegsjahren / Bearb. von S. Fechter, H. Hacker. – Mellrichstadt, 2000.
3. Bahr E., König K. Niederschlesien unter polnischer Verwaltung. – Frankfurt/Main-Berlin, 1967.
4. Beer M. Die Vertreibung der Deutschen. Ursachen, Ablauf, Folgen // Flucht und Vertreibung. Europa zwischen 1939 und 1948 / hrsg. von A. Surminski. – Hamburg, 2007. – S. 24–65.
5. Bericht der Ehefrau Charlotte B. aus Danzig über die letzten Tage von Danzig und über ihre Austreibung durch die Polen im Dezember 1945, Flucht und über die Aufnahme in Deutschland bis heute. November 1949 // BArch, Ost-Dok 2. Band Nr. 44. II. Westpreußen. A. Danzig. Danzig / Stadt, fol. 32–33.
6. Brandes D. Die Vertreibung und Aussiedlung der Deutschen aus Polen und der Tschechoslowakei. Pläne, Entscheidungen, Durchführung 1938–1947 // Definitionsmacht, Utopie, Vergeltung. “Ethnische Säuberungen” im östlichen Europa des 20. Jahrhunderts / hrsg. von U. Brunnbauer, M. G. Esch, H. Sundhausen. – Berlin, 2006. – S. 77–95.
7. Dipl.-Physiker K. F. Prag, Vorgänge in den Monaten Mai – Juni 1945. Bericht vom 27.12.1946 // Dokumente zur Austreibung der Sudetendeutschen / hrsg. von der Arbeitsgemeinschaft zur Wahrung sudetendeutscher Interessen. Einleitung und Bearbeitung von Dr. W. Turnwald. Vierte Aufl. – München, 1952. – S. 3–8.
8. Dokumentation der Vertreibung der deutschen Bevölkerung aus Ost-Mitteleuropa. Die Vertreibung der deutschen Bevölkerung aus den Gebieten östlich der Oder-Neiße. Das Schicksal der Deutschen in Jugoslawien / hrsg. von ehem. Bundesministerium für Vertriebene, Flüchtlinge und Kriegsgeschädigte. In Verbindung mit W. Conce, A. Diestelkamp, R. Laun, P. Rassow und H. Rothfels. – Düsseldorf, 1961.
9. Dokumentation der Vertreibung der deutschen Bevölkerung aus Ost-Mitteleuropa. Die Vertreibung der deutschen Bevölkerung aus den Gebieten östlich der Oder-Neiße. Band I/1 / hrsg. von ehem. Bundesministerium für Vertriebene, Flüchtlinge und Kriegsgeschädigte. In Verbindung mit W. Conce, A. Diestelkamp, R. Laun, P. Rassow und H. Rothfels. Bearb. von Th. Schieder. – Grossdenkte/Wolfenbüttel, 1957.
10. Dokumentation der Vertreibung der deutschen Bevölkerung aus Ost-Mitteleuropa. Die Vertreibung der deutschen Bevölkerung aus den Gebieten östlich der Oder-Neiße. Das Schicksal der Deutschen in Ungarn / hrsg. von ehem. Bundesministerium für Vertriebene, Flüchtlinge und Kriegsgeschädigte. In Verbindung mit W. Conce, A. Diestelkamp, R. Laun, P. Rassow und H. Rothfels. – Düsseldorf, 1956.
11. Dokumentation der Vertreibung. Bonn, 22.III.50 // BArch, Ost-Dok 2. Band Nr. 359. IX. Ungarn. Allgemein, fol. 23–25.
12. Enzyklopädie. Migration in Europa. Vom 17. Jahrhundert bis zur Gegenwart / hrsg. von K. J. Bade, P. C. Emmer, L. Lucassen und J. Oltmer. 3. Auflage. – Paderborn-München-Wien-Zürich, 2007.
13. Förtsch F. Umsiedlung, Vertreibung und ethnische Säuberung als Phänomene der europäischen Geschichte des 20. Jahrhunderts // Die Heimat verloren. Erinnerungen an Flucht, Vertreibung und Neuanfang / hrsg. von F. Förtsch. – Greilsheim, 2009. – S. 7–26.
14. Gauglitz F. J. C. Landskroner Not und Tod. – Wiesentheid, 1997.

15. Henke J. Exodus aus Ostpreußen und Schlesien. Vier Erlebnisberichte // Die Vertreibung der Deutschen aus dem Osten. Ursachen, Ereignisse, Folgen / hrsg. von W. Benz. – Frankfurt-am-Main, 1995. – S. 114–132.

16. Hilfsstelle für Flüchtlinge aus dem Sudetengebiet Zweigstelle Augsburg. Tatsachenbericht über den Verlauf des Flüchtlingstransporten Nr. 87018, der am 29. Januar 1946 in Augsburg eingetroffen ist. Augsburg, den 1. Februar 46 // BArch, Ost-Dok 2. Band Nr. 239. VII. Tschechischer Raum. b. Böhmen und Mähren. Kreis Brünn, fol. 55–57.

17. Hrabovec E. Vertreibung und Abschub. Deutsche in Mähren 1945 – 1947. 2., unveränd. Aufl. – Frankfurt am Main; Berlin; Bern; New York; Paris; Wien: Lang, 1996.

18. Iglauer Sprachinsel. Allgemeine Darstellung der Ereignisse beim Russeneinmarsch // BArch, Ost-Dok 2. Band Nr. 300. VII. Tschechischer Raum. b. Böhmen und Mähren. Kreis Iglau, fol. 65–73.

19. Kováč D. 1938–1948. Die schwere Krise im Mitteleuropäischen Raum // Nationale Frage und Vertreibungsproblematik in der Tschechoslowakei und Ungarn 1938 – 1948: aktuelle Forschungen / R. Plaschka. – Wien, 1997. – S. XIX–XXI.

20. Kraft C. Der Platz der Vertreibung der Deutschen im historischen Gedächtnis Polens und der Tschechoslowakei/Tschechiens // Diktatur – Krieg – Vertreibung. Erinnerungskulturen in Tschechien, der Slowakei und Deutschland seit 1945. Für die Deutsch-Tschechische und Deutsch-Slowakische Historikerkommission / hrsg. von Christoph Cornelißen, Roman Holec und Jiří Pešek. – Essen, 2005. – S. 329–353.

21. Landkreis Belgard / Pommern // BArch, Ost-Dok 2. Band Nr. 125. IV. Pommern. Kreis Belgard, fol. 1–6.

22. Lexikon der Vertreibungen. Deportation, Zwangsaussiedlung und ethnische Säuberung im Europa des 20. Jahrhunderts / hrsg. von D. Brandes, H. Sundhaussen, S. Troebst. Red.: D. Myeshkov. – Wien-Köln-Weimar: Böhlau Verlag, 2010.

23. Madajczyk P. Formen der Zwangsmigration in Polen 1939–1950 // Vertreibungen europäisch erinnern? Historische Erfahrungen. Vergangenheitspolitik – Zukunftskonzeptionen / hrsg. von D. Bingen, W. Borodziej, S. Troebst. – Wiesbaden, 2003. – S. 110–123.

24. Nawratil H. Schwarzbuch der Vertreibung 1945 bis 1948. Das letzte Kapitel unbewältigter Vergangenheit. – München, 1999.

25. Nowak E. Lager im Opper Schlesien im System der Nachkriegslager in Polen (1945–1950). Geschichte und Implikationen. Herausgeber: Centrale Muzeum Jeńców Wojennych w Łambinowicach-Opolu. – Opole, 2003.

26. Pfarrer J. H. Schildberg – ein Beispiel von vielen. Vom letzten deutschen Seelsorger in Schildberg // Reichenberger E. J. Ostdeutsche Passion. Düsseldorf, 1948. – S. 128–137.

27. Pfarrer Stefan G. aus Steinhaus Kreis Grottkau an die Katholische Osthilfe. Vechtai. Oldenburg, d. 18.4.46 // BArch, Ost-Dok 2. Band Nr. 220. VI. Schlesien. b. Oberschlesien. Kreis Grottkau, fol. 32–33.

28. Portmann M. Die Bevölkerungs- und Nationalitätenpolitik des kommunistischen Jugoslawien im Spannungsfeld von Revolution und Tradition (1944–1948), unter besonderer Berücksichtigung der deutsch- und ungarischsprachigen Gruppen in der Autonomen Provinz Vojvodina // Geschichte und Region. Umsiedlung und Vertreibung in Europa 1939–1955 / Storia e regione. Spostamenti forzati di popolazioni in Europa / Hrsg. von M. Wedekind und / e D. Rodogno. Innsbruck-Wien-Bozen, 2009. – S. 177–196.

29. Schwarz W. Die Flucht und Vertreibung Oberschlesien 1945/46. Bad Nauheim, 1965.
30. Surminski A. Schweigen ist keine Antwort // Flucht und Vertreibung. Europa zwischen 1939 und 1948 / hrsg. von A. Surminski. – Hamburg, 2007. – S. 7–24.
31. Thiel J. F. Fremd – zu Hause. Eine donauschwäbische Kindheit 1932–1947. – Wien-Köln-Weimar, 2012.
32. Tóth Á. Migrationen in Ungarn 1945–1948: Vertreibung der Ungarndeutschen, Binnenwanderungen und slowakisch-ungarischer Bevölkerungsaustausch. Mit einer Einf. von G. Seewann. – München, 2001.
33. Umsiedlung, Flucht und Vertreibung der Deutschen als internationales Problem. Zur Geschichte eines europäischen Irrwegs / hrsg. von C. Eichenberger, K.-P. Krauss. – Stuttgart, 2002.
34. Urban Th. Der Verlust. Die Vertreibung der Deutschen und Polen im 20. Jahrhundert. – München, 2004.
35. Weidlein J. Schicksalsjahre der Ungarndeutschen. Die Ungarische Wendung. – Würzburg, 1957.
36. Zweite Heimat Brandenburg: Flucht, Vertreibung, Neuanfang / J. Ast, K. Mauersberger. – Berlin, 2000.

УДК 94(470.23)«1941/1943»

А.В. Похилюк, В.Н. Скворцов

Помощь фронту и Ленинграду населением северо-восточных районов Ленинградской области в первый период Великой Отечественной войны

В статье на основе архивных документов, периодической печати и других источников дается анализ всесторонней помощи воинам Ленинградского фронта, КБФ и жителям блокадного Ленинграда со стороны населения северо-восточных районов Ленинградской области в первый период Великой Отечественной войны.

The article, on the basis of archival documents, periodicals and other sources, analyzes the full assistance to soldiers of the Leningrad front, Krasnoznamenniy Baltiysky flot and inhabitants of sieged Leningrad by the population of northeast regions of Leningrad region during the first period of the Great Patriotic war.

Ключевые слова: осажденный Ленинград, трудящиеся Ленинградской области, строительство оборонительных рубежей, сбор денежных средств в фонд обороны.

Key words: sieged Leningrad, workers of Leningrad region, construction of defensive lines, collecting money to defensive fund.

29 июня 1941 г. Леноблисполком принял решение об объявлении трудовой и гужевой повинности в районах Ленинградской области [9]. Население области приняло деятельное участие в строительстве оборонительных сооружений на дальних и ближних подступах к Ленинграду и на других фронтах.

Жители Полавского района в начале июля 1941 г. были мобилизованы на строительство оборонительной линии по рекам Лопать и Пола. 70–75 % всех работоспособных жителей района вышло на строительство военных сооружений. Колхозники трудились не жалея сил; нормы выработки на земляных работах – рытье котлованов, траншей, противотанковых рвов – систематически перевыполнялись на 140–160 %; план работ по строительству оборонительной линии был выполнен на восемь дней раньше срока [18. Оп. 22. Д. 75 Л. 95].

В разгар уборочных работ партийные и советские организации Мошенского района 20 июля 1941 г. получили задание выделить и

направить на военное строительство за пределы района 3 тыс. чел. и гужевой транспорт. В целях скорейшего выполнения этих работ с колхозных полей были сняты наиболее физически сильные люди и во главе с председателями сельсоветов отправлены на строительство, где трудились до ноября 1941 г. Большие оборонительные работы были выполнены колхозниками таких прифронтовых районов, как Волховский и Тихвинский. Население Волховского района в 1941 г. участвовало в строительстве важной линии обороны по обоим берегам р. Волхов и в глубине района, в постройке мостов и дорог, затратив за июль – декабрь 1941 г. четверть миллиона человекодней [18. Оп. 22. Д. 3. Л. 6, 60].

В Тихвинском районе в августе 1941 г. население активно участвовало в оборонном строительстве, где работали тысячи человек и использовались сотни лошадей. Так как после пуска в эксплуатацию требовалось содержать объекты в боевом порядке, исполком районного Совета к каждому объекту прикрепил определенные колхозы, предоставлявшие по требованию командования необходимую рабочую и тягловую силу [18. Оп. 22. Д. 75. Л. 93]. За самоотверженный труд на оборонном строительстве шесть жителей Тихвинского района были награждены медалями «За трудовое отличие», в их числе колхозница сельхозартели «Монино» А.М. Зайцева и столяр мебельной фабрики «Красный Октябрь» В.Я. Лупанов [18. Оп. 11. Д. 47. Л. 244].

В прифронтовых условиях, в которых оказались осенью 1941 г. северные и восточные районы Ленинградской области, большое значение имело состояние дорог и мостов, по которым производились обширные перевозки грузов для осажденного Ленинграда, войск Волховского и Северно-Западного фронтов. Особенно важную роль эти дороги приобрели осенью 1941 г.; когда вражеские войска захватили, Тихвин, перерезав железную дорогу Волхов–Тихвин. Грузы для осажденного Ленинграда, перевозившиеся по этой дороге, поступали теперь на станции Подборовье и Заборье Северной железной дороги, находившиеся в 100–120 км к востоку от Тихвина. От этих станций до берега Ладожского озера можно было добраться только проселочными дорогами, а в некоторых местах лишь лесными тропами. Однако тяжёлое положение Ленинграда требовало постройки дороги в обход занятого врагами Тихвина, и 24 ноября 1941 г. Военный совет Ленинградского фронта принял решение построить военно-автомобильную дорогу от станции Заборье до Шлиссельбургской губы Ладожского озера [4, с. 171].

Наряду со строительными частями Красной армии большой вклад в сооружение этой дороги внесли и колхозники Волховского, Пашского, Оятского, Капшинского районов, по территории которых она проходила. Силами «колхозников Пашского района был постро-

ен участок дороги протяжением в 46 км» [18. Оп. 22. Д. 75. Л. 109]. Перед строителями вставали большие трудности, так как дорогу часто приходилось прокладывать заново по местности, где очень редко встречались населенные пункты. Осложняли работу сильные морозы и снежные заносы. Но строители дороги, сознававшие, как она необходима для героических защитников и населения Ленинграда, работали не жалея сил, и 6 декабря 1941 г. строительство дороги протяженностью более 200 км было завершено [17, с. 154].

Наиболее сложные дорожные работы выполнили трудящиеся районов, непосредственно прилегавших к фронту. Население Датского района зимой 1941/42 г., кроме участия в строительстве дороги, предназначенной для снабжения Ленинграда, поддерживало в проезжем состоянии основную дорогу, ведущую к фронту, протяженностью 80,5 км. После освобождения от немецких оккупантов весной 1942 г. колхозники Полавского района взялись за восстановление дорог района, имевших важное оборонное значение. С 15 апреля по 15 июня 1942 г. из 2100 трудоспособных жителей района в дорожных работах участвовало ежедневно до полутора тысяч человек, а в период распутицы – почти все жители. В течение всей зимы 1941/42 г. население восточных и северных районов обеспечивало движение автотранспорта по зимним дорогам протяженностью 1127 км; основной рабочей силой, выполнявшей эту очень важную для Красной армии работу, являлись колхозники [18. Оп. 22. Д. 75. Л. 108–109].

Зимой 1941/42 г. трудящиеся Ленинградской области принимали активное участие в восстановлении железнодорожных путей, мостов, дорог, разрушенных немецко-фашистскими войсками при отступлении. Особенно важной для войск Волховского фронта и осажденного Ленинграда была работа, выполненная населением Волховского и Тихвинского районов в декабре 1941 – январе 1942 г. по восстановлению железнодорожной линии Тихвин – Волхов. Отступая, немецко-фашистские войска разрушили железнодорожные постройки, подорвали стыки рельс, заминировали подходы к мостам и линиям связи. Между тем критическое положение Ленинграда и фронта требовало, чтобы линия Тихвин – Волхов была восстановлена в возможно быстрые сроки. Мобилизованные колхозники и специально созданные железнодорожные формирования расчистили пути от снега, восстановили полотно, отремонтировали мосты. В результате их героических усилий в ночь с 31 декабря 1941 г. на 1 января 1942 г. по восстановленной линии двинулись железнодорожные составы с продовольствием и боеприпасами, так необходимыми населению и защитникам осажденного Ленинграда [17, с. 168]. Одновременно восстанавливались и другие линии железных дорог, освобожденные частями Красной армии в ходе наступления в

декабре 1942 г., а также крупные станции: Тихвин, Малая Вишера, Будогощь. На станции Малая Вишера, где были разрушены вагонное депо, железнодорожные здания, разобраны рельсы, отсутствовали вода и свет, был взорван мост через реку, местные железнодорожники в течение 10 дней провели восстановительные работы: 3 декабря 1941 г. из Малой Вишеры был отправлен поезд в направлении фронта, 10 декабря восстановлено пассажирское движение до Бологого [1, с. 73–74].

Оборонительные работы, строительство дорог, мостов являлись важнейшими объектами деятельности населения северо-восточных районов области и в 1942 г. Так, трудящиеся Тихвинского района построили в 1942 г. 22 новых моста длиной от 10 до 70 пог. м каждый. Их же силами в июне 1942 г. для передвижения войск было построено 5 км деревянной гати на непроходимых Ругуйских болотах, где работали в течение 45 дней 420 колхозников и 120 лошадей. Свыше 10 км деревянной гати было проложено на других дорогах, в местах, наиболее трудных для проезда автотранспорта [18. Оп. 22. Д. 75 Л. 93]. О масштабах дорожного строительства в Ленинградской области в 1942 г, свидетельствует тот факт, что стоимость выполненных населением строительных работ только по управлению шоссейных дорог достигла 11 млн р. На дорогах было уложено свыше 2 млн м³ камня, гравия, песку. На собственных плечах подносили строительные материалы к месту стройки колхозники, рабочие и служащие Чудовского и Мало-Вишерского районов; в Ефимовском районе колхозники перенесли к месту работ 35 тыс. штук бревен – накатника, иногда на расстояние до полукилометра [2, с. 32].

Участие трудящихся Ленинградской области в 1941–1942 гг. в сооружении оборонительных рубежей, строительстве и восстановлении дорог и мостов имело большое значение для достижения победы над врагом. Одновременно население северо-восточных районов успешно справилось и с другой важной оборонной работой – лесозаготовками. Древесина была крайне необходима как героическим защитникам Ленинграда, так и войскам Волховского и Северо-Западного фронтов. Кроме того, нужно было обеспечить топливом и железнодорожный транспорт области, так как в феврале 1942 г. железные дороги Северо–Запада страны были переведены на дровяное отопление [3, с. 527].

Лесозаготовительные организации области после мобилизации рабочих и техники в начале войны, к январю 1942 г. фактически не имели в своем распоряжении ни постоянных кадров, ни автомашин и тракторов. Между тем по решению Военного совета Ленинградского фронта от 13 января 1942 г. для северо-восточных районов области было установлено задание заготовить к 1 апреля 1942 г.

809 тыс. м³ и вывезти 1063 тыс. м³ древесины. Для выполнения плана лесозаготовок была введена трудовая повинность. Уже к 1 апреля 1942 г. в порядке повинности на лесозаготовках трудилось 25970 чел., располагавших 7150 лошадьми; на подготовительных работах к сплаву было занято почти 19 тыс. чел. [18. Оп. 5. Д. 782. Л. 33; Оп. 22. Д. 63. Л. 3]. Основную массу мобилизованных на лесозаготовках составляли колхозники.

Лесозаготовители героически трудились, стремясь выполнить порученную им работу. Сотни лесорубов и возчиков Ефимовского района ежедневно перевыполняли нормы. Пример в труде на лесозаготовках показывали коммунисты, советский и колхозный актив. Член ВКП(б), председатель Михалевского сельсовета Ефимовского района Ромашов при норме в 4,3 м³ древесины в день вывозил 11–14 м³. Депутат сельского совета Кистяков вывозил по 9–10 м³, председатели колхозов Екимов и Краузов – по 10–13 м³ [12].

Замечательные примеры самоотверженного труда показывали рабочие ленинградских предприятий, направленные весной 1942 г. из осажденного города в северо-восточные районы для лесозаготовок. В Ефимовском районе ленинградские рабочие Леонтьев, Кончиков, Тимофеев, Львов, Мурин и др. уже в первые дни по прибытии в лес стали заготавливать по 3,0–3,5 м³ древесины в смену при плане 2,7 м³. Звено Сенаторова на Тургошском лесопункте Ефимовского района заготавливало в день от 4 до 5 м³ на каждого члена звена [13].

Среди лесозаготовителей широко развернулось социалистическое соревнование; к концу 1942 г. по предприятиям треста «Ленлес» в соревновании участвовало 5 тыс. лесорубов и 2200 возчиков – около 80 % всех работавших на предприятиях треста [18. Оп. 22. Д. 3. Л. 28].

Благодаря самоотверженному труду населения области план I квартала 1942 г. по лесозаготовкам был выполнен со значительным превышением. Не снижали темпов трудящиеся области на этом важнейшем участке работы и в дальнейшем. К 1 декабря 1942 г. годовой план по лесозаготовкам был выполнен на 105 % и по вывозке леса – на 98,4 %. Своим героическим трудом на лесозаготовках население Ленинградской области оказало неоценимую помощь хозяйству сражавшейся страны. Советское правительство высоко оценило работу трудящихся северо-восточных районов на лесозаготовках: за успешное выполнение производственных заданий в 1942 г. на лесозаготовках орденами и медалями был награжден 51 чел. [18. Оп. 22. Д. 75. Л. 29, 123].

Патриотизм рабочих и колхозников Ленинградской области, не покладая рук трудившихся у станков, на колхозных полях, оборонительных рубежах и лесозаготовках, нашел яркое выражение в раз-

махе, который принял среди населения области добровольный сбор денежных средств и теплых вещей в фонд обороны страны.

Инициаторами сбора теплых вещей для бойцов Красной армии выступили рабочие Ленинградской фабрики «Пролетарская победа». В ответ на их призыв в октябре 1941 г. жители области широко развернули сбор теплой одежды и обуви для защитников Родины. В Тихвинскую районную комиссию по сбору теплых вещей за несколько дней октября поступило 3736 кг шерсти, 173 пары валенок, 507 пар теплых носков, 510 пар варежек и рукавиц, много других теплых вещей [11]. Колхозники Оятского района уже в первые дни октября собрали для бойцов Красной армии 110 пар носков, 50 пар рукавиц, 26 шуб и другие вещи [16]. В Боровичском районе к середине января 1942 г. для бойцов Красной армии было собрано 2473 пары перчаток, носков, варежек, около 300 пар валенок, свыше тысячи новогодних подарков [15].

Осенью 1942 г., когда на берегах Волги развернулось сражение, имевшее решающее значение в ходе Великой Отечественной войны, и Красная армия готовилась ко второй зимней кампании, в северо-восточных районах Ленинградской области, как и во всей стране, возобновился сбор теплых вещей для бойцов Красной армии. Всего за 1941–1942 гг. трудящиеся этих районов собрали для Красной армии 3,5 тыс. пар валенок, 166 тыс. пар носков, 166 пар перчаток и рукавиц, 14,5 тыс. овчин, много шерсти [18. Оп. 22. Д. 125. Л. 2]. Поставив в распоряжение бойцов большое количество теплых вещей, трудящиеся области этим внесли еще один скромный вклад в дело победы над врагом, помогли проведению зимних боевых операций Красной армии, подготовке прорыва блокады города Ленина в январе 1943 г.

Широкий размах среди населения области принял сбор денежных средств в фонд обороны страны. К 17 августа 1941 г. в областную комиссию по сбору в фонд обороны от трудящихся Ленинградской области поступило 1 194 тыс. р. и почти на 2 млн р. различных ценностей [10]. Колхозники Кончанского сельсовета Боровичского района, родины А.В. Суворова, обратились в конце ноября 1941 г. ко всем трудящимся района с призывом собирать деньги для постройки танка «Суворовец» в честь своего земляка; в течение нескольких последующих дней колхозники района собрали для строительства танков 30 тыс. р. деньгами, около 40 тыс. р. облигациями [5]. Всего от трудящихся Боровичского района в фонд обороны страны и на строительство танков за 1941 г. поступило 237 тыс. р. деньгами и 635 тыс. р. облигациями [6].

Осенью 1942 г. в районах области развернулось движение за сбор средств на строительство танковой колонны «Ленинградский колхозник». В Боровичском районе 67 патриотов внесли для этой

цели каждый по 2 тыс. р. и более [8]. Всего же по области на строительство танковой колонны было собрано свыше 21 млн р. [14].

Одновременно в области проводился сбор хлеба и овощей в фонд помощи Красной армии. Бригадир-овощевод боровичского колхоза «Красный керамик» Алексей Царев внес в этот фонд 100 пудов хлеба, заявив при этом: «Я готов пожертвовать всем ради нашей победы» [7]. Всего же населением области в фонд помощи Красной армии было собрано к январю 1943 г. 36 тыс. пудов хлеба и 9 тыс. пудов овощей [14].

Широкий размах, который приняло в области движение за сбор денежных средств в фонд обороны страны и теплых вещей и подарков для фронтовиков, внимание, с которым рабочие и колхозники области относились к нуждам сражающихся бойцов, явились ярким проявлением глубокой любви советского народа к родной Красной армии.

Список литературы

1. Августынюк А. В огненном кольце. – Л., 1948. – С. 73–74.
2. Бумагин Г.Х. Ленинградская область в дни Отечественной войны // Пропаганда и агитация. – 1942. – № 20.
3. История Великой Отечественной войны. – М., 1961. – Т. 2.
4. Карасев А.В. Ленинградцы в годы блокады. – М., 1959.
5. Красная искра. – 1941. – 26 нояб., 3 дек.
6. Красная искра. – 1942. – 14 янв.
7. Красная искра. – 1942. – 25 дек.
8. Красная искра. – 1943. – 6 янв.
9. Ленинградская правда. – 1941. – 1 июля.
10. Ленинградская правда. – 1941. – 17 авг.
11. Ленинградская правда. – 1942. – 17 янв.
12. Ленинградская правда. – 1942. – 18 февр., 11 апр.
13. Ленинградская правда. – 1942. – 26 марта, 11 апр.
14. Ленинградская правда. – 1943. – 7 янв.
15. Нарвская правда. – 1942. – 14 янв.
16. Оятская правда. – 1941. – 15 окт.
17. Павлов Д.В. Ленинград в блокаде. – М., 1961.
18. Центральный государственный архив Санкт-Петербурга (ЦГА СПб). – Ф. 7179.

Л.Л. Газиева

Горисполком и руководство организацией спасения детей в Ленинграде в 1941–1943 гг.: противоречия и проблемы

В статье на материалах Центрального государственного архива историко-политических документов Санкт-Петербурга и Центрального государственного архива Санкт-Петербурга раскрыты проблемы и противоречия руководства организацией спасения ленинградских детей в 1941–1943 гг. Ленинградским горисполкомом Совета депутатов трудящихся.

The article reveals the problems and contradictions of the organization of the rescue of Leningrad children in 1941–1943 directed by the Leningrad executive committee of the Soviet of workers deputies in the documents of the Central State Archive of historic-political documents of Saint-Petersburg and the Central State Archive of Saint-Petersburg.

Ключевые слова: блокада Ленинграда, дети, Ленгорисполком Совета депутатов трудящихся.

Key words: Siege of Leningrad, children, Leningrad executive committee of the Soviet of workers deputies.

Исполнительной властью, осуществлявшей руководство организацией борьбы за спасение детей в блокированном Ленинграде, являлся Исполком Ленгорсовета депутатов трудящихся (пред. П.С. Попков, зам. пред. Е.Т. Федорова). Непосредственно за эту организацию отвечали отдел народного образования исполкома Ленгорсовета депутатов трудящихся, далее – горно (с июня 1941 г. – пред. Г.С. Левин, с 23 апреля 1943 г. – П.Е. Никитин [18. Л. 12]) и отдел здравоохранения Ленгорсовета, далее – Горздравотдел (пред. В.С. Никитский, с 17 апреля 1942 г. – Ф.И. Машанский). Кроме того, в соответствии с Постановлением СНК РСФСР № 637 от 14 июля 1943 г. за возвращение детей в школы и осуществление всеобщего обучения отвечали также жилищные управления. В Ленинграде – Ленинградское жилищное управление Ленгорсовета, далее – ЛЖУ (в 1941 г. – пред. Ханутин, в 1943 г. пред. – Исаков).

Для решения конкретных вопросов создавались комиссии, что позволяло объединить усилия представителей разных органов власти, с привлечением ведущих специалистов, ученых. Так, решением Исполкома Ленгорсовета от 13 февраля 1942 г. № 61, п. 48 была создана Городская комиссия по устройству детей, оставшихся без родителей, в составе Федоровой, председатель (Ленгорисполком), Гольдина (Горком ВЛКСМ), Полякова (УНКВД), Степановой (ОК

Союза дошкольных работников), Левина (Гороно), Волчек (Горздравотдел) [2, с. 8]. Решением Исполкома Ленгорсовета от 25 января 1943 г. № 83, п. 1-3 была создана комиссия, отвечающая за разработку предложений об улучшении школьного питания, в составе Федоровой, председатель (Ленгорисполком), Левина (гороно), Горицкого, Тихонова, Волчек (Горздравотдел), Дубровской, Николаева и Кореек [3, с. 2–3].

Хотя меры, принимаемые для спасения детей Ленисполкомом и, в частности, Ленгорздравотделом, нашли частичное отражение в ряде исследований [5; 6], в том числе в новейшей работе крупного петербургского ученого Г.Л. Соболева [12], но деятельность гороно и Ленжилуправления (ЛЖУ) в этом направлении оказалась фактически *terra incognita* на длительное время [4]. Недостаточно проанализировано влияние на эффективность принимаемых решений идеологического кризиса Ленисполкома, в том числе Ленгороно в 1941–43 гг.

В данной статье остановимся кратко на указанных вопросах.

Структура руководства гороно в период с июня 1941 по 1943 гг. была следующей:

Зав. гороно – Г.С. Левин, с 23 апреля 1943 г. – П.Е. Никитин, зам. завед. гороно – А. Иванов, зам. зав. гороно и зав. школьным сектором – П.Е. Никитин (с 1943 г. – зав. гороно), зав. дошкольным сектором – Е.Ф. Лаврикова, в 1943 – и. о. Е.А. Гребенщикова, с 1944 – В.Г. Комарова, зам. зав. гороно и зав. военно-физическим сектором – В.С. Гармаков, нач. 1 отдела – П.А. Парфенов, зав. сектором детских домов – И.Г. Венков, пом. зав. гороно по кадрам – Е.А. Кейлих, зав. сектором школ взрослых – Гуляева, нач. конторы снабжения – Ратнер, главный бухгалтер А.В. Мореева¹ [17. Л. 24].

Проблема структурной реорганизации, кадровой работы органов народного образования в начале войны выдвигалась на первый план Наркомпросом (см. приказ по Наркомпросу РСФСР № Н-605 от 22 июля 1941 «О направлении на работу молодых специалистов»; приказ по Наркомпросу РСФСР № Н-601 от 26 июля 1941 «О порядке назначения директоров средних школ и заведующих рай(гор)оно») [11. С. 14; 9. С. 48–49], вновь она актуализировалась в начале 1943–44 учеб. года (приказ Наркома просвещения РСФСР № 162 от 16 сентября 1943 г. «Об улучшении контроля за работой школ и учителей и постановки учета знаний учащихся»). На школы возлагалась обязанность как улучшения теоретического обучения, так и военной подготовки допризывников, в связи с чем вводилось раздельное обучение мальчиков и девочек. Для решения этих задач следовало привлечь преподавателей-мужчин, и с 1 августа 1943 г.

---

¹ Уточнения сделаны нами на основе последующих изменений.

зарплата учителей была повышена. В связи с разделением на женские и мужские увеличилось количество школ, что должно было привести к увеличению штатов. Так, в Ленинграде вместо работавших в 1942–43 учеб. году 82 школ, в которых было 1537 учителей, 70 пионервожатых, 818 административно-технического персонала: всего 2 425 чел.; в октябре 1943 г. имелось 117 школ и 2 252 учителя, 113 пионервожатых, 965 персонала: всего 3.330 чел. (данные без больничных школ и школ рабочей молодежи, общее число которых в 1943–44 учеб. году составило 61) [14; 15]. Увеличение штатов произошло на 37,3 %, учителей на 46,5 %, в то время как количество школ увеличилось на 43 %.

С июня 1941 по июль 1942 г. штаты аппарата Ленгороно сокращались несколько раз: со 100 до 45 чел., т. е. на 55 % [17. Л. 21], в том числе в связи с необходимостью экономии финансовых средств. В то же время фонды зарплаты гороно сократились за период IV кв. 1941 – III кв. 1942 г. на 25,75 %, а экономия зарплаты составила лишь 29 %, имел место даже перерасход в связи с выплатой компенсации за летний отпуск 1941 г. [17. Л. 36]. Этот факт стал одним из поводов острой критики руководства гороно в 1943 г. и отстранения заведующего Г.С. Левина как несоответствующего должности. Критика просочилась на страницы газеты Горкома ВКП (б), но статья была написана Эзоповым языком, прямых обвинений в адрес гороно не было [13]. Обращает на себя внимание тот факт, что проблема финансирования детских учреждений на собраниях партийной организации гороно практически не поднималась, в отличие от горздравотдела. В то же время проблема остаточного финансирования детских учреждений, эвакуированных интернатов стояла очень остро.

Многие назначения на штатные должности в гороно и горздравотделе были не вполне обоснованы. Так, при наличии в Ленинграде большого числа ученых-специалистов по дошкольному воспитанию, некоторые из которых в 1943 г. были привлечены к работе в Наркомпросе РСФСР (А.М. Леушина, А.И. Сорокина, А.П. Усова), в гороно должность заведующей дошкольным сектором занимала Е.Ф. Лаврикова, которая не имела соответствующего образования, была переведена на эту должность из отдела кадров. В результате сектор дошкольного воспитания в самый ответственный период (1942–1943 гг.) оказался практически без руководства: в течение трех лет тянулись склоки, даже судебное расследование и тюремное заключение заведующей, которая в конце концов была оправдана, но от работы отстранена. Ее обязанности в течение 1943 г. временно исполняла Е.А. Гребенщикова, зав. горметодкабинетом [18. Л. 2–2 об, 3; 19. Л. 11], и только в 1944 г. на эту должность была назначена В.Г. Комарова. Г.С. Левин, который работал до войны в

бухгалтерии, также не являлся специалистом в области образования и здравоохранения, однако его отстранение от работы весной 1943 г. привело к перемещению на аналогичную должность (зам. заведующего) в горздравотдел [23. Л. 107].

Необходимо отметить структурную и функциональную взаимосвязь горно и горздравотдела, работавших в одном здании, за содержание которого их вместе и критиковали [10].

Структура горздравотдела (ЛГЗО) также претерпела изменения: в течение 1941–1943 гг. были проведены сокращения штатов и реорганизация. Основные сокращения пришлись на ноябрь 1942 г. [21. Л. 101, 103, 104]. Причем затронули не столько штат горздравотдела, сколько сотрудников в целом по городу. В результате были сокращены – 7 039 штатных должностей, в основном вакантных. Целью сокращений была экономия финансовых средств. Их и сэкономили в сумме 1 млн 300 тыс. р. в связи с сокращением финансирования, но зарплаты увеличились, поэтому был урезан бюджет поликлиник. В то же время волна сокращений так увлекла, что даже по Управлению детства, где остро чувствовалась нехватка специалистов, зав. С.И. Волчек предлагал сокращения.

Наиболее остро нехватка кадров чувствовалась в Госсанинспекции (ГСИ). Начальник ГСИ М.Я. Никитин отчитывался: вместо 304 врачей и 216 помощников по штату на 1 июля 1942 г. имелось 99 врачей и 209 помощников [22. Л. 63]. Кадровый состав также оставал желать лучшего. В своем отчете И.В. Назимов, начальник Внебольничного управления, указывал, что врачей со стажем до двух лет – 135 (40 %), от трех до пяти лет – 7,7 %. Опытные врачи (со стажем от 18 лет и выше) – инвалиды. При этом нагрузка на врача увеличилась: по квартирной помощи – 2,2 вызова, по амбулаторному приему – 6,5 больных в час [22. Л. 111].

На 1943 г. промфинплан в сравнении с финансированием на 1942 г. сократился еще на 40 млн р. При этом фонд зарплаты увеличился, в связи с ее повышением медработникам с 13 декабря 1942 г., на 46,7 млн р. Поэтому сократились ассигнования на существующую сеть против 1942 г. на 86,7 млн р., т. е. на 27,2 %. Сокращения предлагалось осуществлять за счет расходов на штаты и продукты, в основном в детских лечебных учреждениях. Нормирование кассовых расходов с 1942 г. по 1943 г. сократилось соответственно по роддомам: с 7 280 до 6 155 р., по туберкулезным больницам: с 6 700 до 5 690 р., по детским больницам: с 6 424 до 5 627 р., по консультациям: с 15 600 до 15 290 р., только по детским амбулаториям сохранилось 12 200 р. [23. Л. 56, 57, 58]. Всего сокращение норм составило около 9 %. В то же время число коек в детских лечебных учреждениях увеличилось. Имеющиеся врачи в

ноябре 1943 г. не могли закрыть все вакантные должности, которых оставалось полторы тысячи [24. Л. 134].

Сектор раннего детства (зав. А.И. Эрман) нашел выход из создавшейся ситуации объединением поликлиник и консультаций, таким образом, чтобы в семью попадал один педиатр – к младшему и старшему ребенку [23. Л. 61]. Этот опыт ленинградских медиков – единого педиатра широко пропагандировался в стране.

Структура руководства горздравотдела по протоколам собраний и заседаний бюро партийной организации ЛГЗО в 1942 г. выглядела так: зав. Горздравотдела – В.С. Никитский до 17 апреля 1942 г., затем проф. Ф.И. Машанский, зам. зав. горздравотдела по оборонной работе, зав. военным отделом – С.А. Кечек, зам. зав. горздравотдела, начальник Управления детства и родовспоможения, доц. С.И. Волчек, зав. сектором раннего детства – А.И. Эрман, зав. сектором ст. детства – Н.Д. Борисова (затем одновременно – нач. отдела кадров), нач. Больничного управления – Н.И. Соминский, с конца 1942 г. З.А. Савельева, нач. Внебольничного управления – Кирзнер, с 1942 г. – И.В. Назимов [21. Л. 86], нач. Противозидемического управления – И.М. Аншелес, нач. Планово-финансового управления – О.Г. Вульфсон (он же отвечал за статистику), управление материального снабжения – И.К. Крукле, затем П.З. Захариев, начальник Государственной санитарной инспекции – М.Я. Никитин, зав. 1-го сектора – по развертыванию эвакогоспиталей – В.П. Троицкий, зав. 2-го сектора – по организации медико-санитарной службы (МСС) МПВО – М.Л. Лившиц, зав. отделом кадров – Я.П. Кораблев, В.В. Егоров, затем – Н.Д. Борисова. Необходимо также указать среди ответственных лиц зам. зав. горздравотдела – М.Я. Ляховицкого и М.А. Мессель, которые отвечали за обеспечение медпомощью эвакотрассы в январе–июне 1942 г. [22. Л. 36]. Согласно отчетам парторганизации работал психиатрический сектор – зав. Хвилицкий [22. Л. 80; Ср. 5, с. 21].

Надо уточнить важную роль военного отдела, объединявшего 1 и 2 сектора. Они обеспечивали бомбоубежища, работу Медико-санитарной службы (МСС) и Местной противовоздушной обороны (МПВО) и др. В своей работе военный отдел связывался с оперативными управлениями (с больничным и детским) [19. Л. 11]. Кроме того, в летний период за городом организовывались оздоровительные сектора, включавшие больнички, стационары, душевые, которые обслуживали детские загородные оздоровительные учреждения.

Таким образом, следует указать на серьезные противоречия в структуре руководства гороно и горздравотдела, которые должны были мешать выполнению работы: не вполне квалифицированный состав высшего руководства гороно, не всегда оправданное сокра-

щение финансирования и штатных единиц, особенно в горздравотделе.

Можно также отметить, что среди руководителей горздравотдела были лица, недовольные деятельностью контрольных партийных комиссий, имевшие несправедливые взыскания за предвоенный период. Такие взыскания были наложены на И.М. Аншелеса, нач. противоэпидемиологического управления, и П.Д. Никифорова, зам. зав. Ленгорздравотделом. Вопрос о снятии данных взысканий в период войны рассматривался на заседаниях партийного бюро, собраниях и райкома ВКП(б), являясь препятствием для вступления этих лиц в партию. По рекомендации П.Д. Никифорова партийное собрание приняло решение о приеме И. М. Аншелес кандидатом в члены ВКП(б) [23. Л. 149, 150]. Ранее, в октябре 1942 г., с аналогичной просьбой о снятии с него двух выговоров (1936 г. – о разглашении секретных данных, и 1938 г. – в связи с раскрытой в I Медицинском институте организацией «врагов народа») к партийному собранию обратился и сам П.Д. Никифоров. Партийной организацией эта просьба была удовлетворена [21. Л. 88, 89].

Данные факты рассекречены, так как взыскания были сняты и признаны несправедливыми уже в период войны. В то же время они позволяют увидеть неоднородность ментальной структуры руководства горздравотдела. Такая неоднородность, внутренние противоречия расстановки кадров, усугублялись репрессивной системой идеологического контроля, которая осуществлялась партийными органами.

Высшей контрольной партийной инстанцией за осуществлением социалистической законности являлась Комиссия партийного контроля при ЦК ВКП(б). Однако основные контрольные функции возлагались на райком партии, в данном случае – Куйбышевский райком, к которому относились партийные организации гороно, горздравотдела и Ленжилуправления (ЛЖУ), и горком ВКП(б).

29 июня 1943 г. работа партийных организаций гороно, ЛЖУ и горздравотдела рассматривалась Куйбышевским райкомом партии по вопросу о невыполнении права коммунистов по сигнализации [18. Л. 21, 22 об.]. Такое право сигнализации, а также обязанности так называемых партинформаторов (которые регулярно сдавали отчеты о политических настроениях в райком партии) являлись одним из важных инструментов партийного контроля. Однако их функционирование не было целесообразным, а превращалось в инструмент манипулирования друг другом внутри производственного коллектива.

Типичным примером является назначение на должность партинформатора в гороно зав. дошкольным сектором Е.Ф. Лавриковой, которая сама оказалась объектом «сигнализации» со стороны своих сослуживцев в этот период (с 15 мая по 15 сентября 1942 г.). В раз-

гар «травли» и судебных разбирательств на партийном собрании был заслушан ее отчет как партинформатора [16. Л. 25, 26]. Протокол собрания позволяет увидеть механизм самобичевания и своеобразной невротической «игры», в которую такой отчет, как и сама система взаимного доносительства, были превращены.

Характерно, что те люди, которые предъявляли критические замечания в адрес некомпетентности руководства, несмотря на признание справедливости замечаний, отстранялись от работы под предлогом необходимости сплочения коллектива, как, например, Сасим и Голощекина в секторе дошкольного воспитания [19. Л. 3]. Напротив, руководители, подвергшиеся критике, продолжали руководить, либо переводились на аналогичные посты в этой же системе, несмотря на наличие в городе значительного числа высококвалифицированных специалистов государственного, а не только регионального уровня (как это было с системой управления образованием).

Кризис партийного руководства в связи с организацией подобной невротической игры в «партинформации» выразил в своем критическом выступлении на одном из собраний парторганизации Ленгорисполкома начальник медсанчасти Смольного д-р Г.А. Эйбшиц: «Одновременно меня нацеливают снимать одного, снимать другого. Я подумал, материала нет, да как бы со мной не получилось, как с одним афганистанским ханом, которого пригласили в Европу и стали ему говорить: школы новые строй, мечети закрывай; и он в одном нижнем белье удрал обратно в Афганистан» [25. Л. 60].

Необходимо указать, что 14 апреля 1943 г., в соответствии с приговором Военного трибунала Ленокруга и охраны тыла Ленфронта от 8–9 апреля 1943 г., был расстрелян как шпион немецкой разведки А.М. Круглов, работавший ст. ревизором-инспектором (по материальной части) в Ленгорно. В документах отмечалось, что первая встреча с немецким резидентом у него состоялась 15 декабря 1942 г. [1]. Своеобразный резонанс измена получила в печати: в статье «Предатель», опубликованной в декабре 1942 г. в Органе Ленинградского обкома и горкома ВКП (б) «Ленинградская правда», указывалось на поимку резидента германской разведки, выданного гр. К., отказавшимся от сотрудничества [7].

Сложность и неоднозначность развернувшейся в 1941–43 гг. политико-правовой борьбы отразилась в сфере общественных отношений, связанных с феноменальной оценкой будущего страны – детства.

В качестве примера здесь уместно сослаться на статью в журнале ЦК ВЛКСМ «Мурзилка» о прорыве блокады Ленинграда. В ста-

тье шла речь о маршале Советского Союза Г. К. Жукове, здесь же было помещено короткое стихотворение В. Донникова:

«-Враги позабыли,
Что Сталин в Кремле, -
Сказали свободные люди. –
Рабы не живут
На советской земле.
Их не было,
Нет и не будет!» [8].

Факт прорыва блокады должен был служить преодолению идеологического кризиса. В то же время существовали и другие факторы его преодоления, более значительные. Наряду с пропагандой ценностей советской государственности, это были правовые мероприятия по охране социалистической законности: конституционной устойчивости советской власти в период войны с гитлеризмом, защиты таких свобод, как право на жизнь, право на жилище, право на образование, право на труд и отдых и др.

Таким образом, анализируя руководство спасением детей в блокадном Ленинграде со стороны Ленисполкома, можно указать на нравственно-правовые противоречия сложившихся общественных взаимоотношений в этой области, которые влияли на эффективность предпринимаемых мер.

Список литературы

1. Бернев С. К. Проблемы и противоречия в исследовании блокады. Антигубернатор Петербурга // Эта память – наша совесть... / сост. Л. Л. Газиева, Е. Н. Дмитриева; редкол. В. В. Яробков и др. – СПб., 2007. – С. 35–50.
2. Бюллетень Ленинградского городского совета депутатов трудящихся. – 1942. – № 3–4 (511–512).
3. Бюллетень Ленинградского городского совета депутатов трудящихся. 1943. – № 3–4 (535–536). – С. 2–3.
4. Газиева Л. Л. Борьба за спасение детей в блокадном Ленинграде в 1941–1943 годах: дис. ... канд. ист. наук. – СПб., 2011.
5. Гладких П. Ф. Здоровоохранение блокадного Ленинграда. – М., 1985.
6. Ежов М. В. Местное самоуправление Ленинграда в годы Великой Отечественной войны: Опыт, проблемы, уроки. – СПб., 1993.
7. Занин С., майор госбезопасности. Предатель // Ленингр. правда. – 1942. – 19.12. – № 299 (8405).
8. Мурзилка / отв. ред. А. Бабушкина. – 1943. – № 2–3.
9. Начальная шк. – 1943. – № 7.
10. Никольский, Л. Просьба // Ленинградская правда. – 1942. – 18.09. – № 222 (8328).
11. Сборник приказов и распоряжений по Наркомпросу РСФСР. – 1941. – № 15–16.
12. Соболев Г.Л. Ленинград в борьбе за выживание в блокаде. Книга первая: июнь 1941 – май 1942. – СПб., 2013.

13. Ушицина Е., ст. инспектор Василеостровского Госбанка. Там, где не берегут народную копейку // Ленингр. правда. – 1943. – 16.03. – № 62 (8477).
14. Центральный государственный архив Санкт-Петербурга (ЦГА СПб). Ф. 5039. Оп. 3. Д. 601.
15. ЦГА СПб. Ф. 5039. Оп. 3. Д. 569.
16. Центральный государственный архив историко-политических документов Санкт-Петербурга (ЦГАИПД СПб). Ф. 285. Оп. 2. Д. 6.
17. ЦГАИПД СПб. Ф. 285. Оп. 2. Д. 7.
18. ЦГАИПД СПб. Ф. 285. Оп. 2. Д. 9.
19. ЦГАИПД СПб. Ф. 285. Оп. 2. Д. 10.
20. ЦГАИПД СПб. Ф. 1538. Оп. 1. Д. 1-а.
21. ЦГАИПД СПб. Ф. 1538. Оп. 1. Д. 6.
22. ЦГАИПД СПб. Ф. 1538. Оп. 1. Д. 7.
23. ЦГАИПД СПб. Ф. 1538. Оп. 1. Д. 10.
24. ЦГАИПД СПб. Ф. 1538. Оп. 1. Д. 11.
25. ЦГАИПД СПб. Ф. 2238. Оп. 1. Д. 23.

А.Ш. Кабирова

Влияние правовых и социально-экономических факторов на трудовое поведение рабочих в промышленности Татарской АССР в годы Великой Отечественной войны (1941–1945)

В статье рассматриваются формы трудового участия граждан в индустриальной сфере ТАССР в военный период; освещаются изменения в трудовой государственной политике в чрезвычайных условиях; анализируется степень производственной активности рабочих в зависимости от решения материально-бытовых и социальных вопросов.

The article deals with the forms of labor participation of citizens in the industrial area of Tatarstan during the war; identifies changes in public policy work in extreme conditions; examines the extent of industrial activity of workers depending on the decision of the material and domestic and social issues.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, Татарская АССР, промышленное производство, трудовая политика, социально-бытовое положение, трудовые репрессии.

Key words: Great Patriotic War, the Tatar ASSR, industrial production, employment policies, material and living conditions, labor repression.

Среди множества вопросов истории Великой Отечественной войны, активно разрабатываемых учеными на протяжении многих лет, важное место занимает блок проблем по производственной тематике. Действительно, создание и развитие экономического потенциала Победы являлось одним из определяющих факторов разгрома фашизма в военный период. Неотъемлемой составляющей данной темы является характеристика трудового поведения рабочих. В советской историографии, как правило, рассматривалась лишь патриотическая и героическая сторона трудовой деятельности граждан, свидетельствующая о самоотверженности и самопожертвовании трудящихся при выполнении заказов фронта. Господствовавшая ранее государственная идеологическая парадигма строго регламентировала круг исследуемых историками сюжетов и используемых источников. Поэтому вне научного поля ученых оставались факты девиантного поведения рабочих на производстве, нарушений трудовой дисциплины, многие из которых были обусловлены неудовлетворительным состоянием условий труда и жизнедеятельности людей, ужесточением трудового законодательства, применением внеэкономических методов в производственных

отношениях и т. п. В данной статье мы ставим целью через включение в научный оборот нового корпуса архивных документов проследить влияние правовых и социально-экономических факторов на трудовое поведение рабочих в индустриальной сфере Татарстана в военное время.

Как известно, в годы Великой Отечественной войны Татарская АССР являлась крупным тыловым регионом. В кратчайшие сроки работа всего народного хозяйства республики была перестроена. В соответствии с утвержденными мобилизационными планами предприятия, выпускавшие до войны гражданские изделия: фабрика киноплёнки им. Куйбышева (ПО «Тасма»), завод «Серп и молот», заводы искусственной кожи, кетгутный, пишущих машин, предприятия легкой промышленности, переключались на выпуск военной продукции.

Кроме того, на территорию ТАССР прибыли и были введены в эксплуатацию более 70 эвакуированных промышленных заводов и фабрик из центральных и восточных регионов страны [14. Л. 42]. Среди них – крупнейшие Московский авиационный, Московский часовой, Ленинградский авиационный, Ленинградский металлообрабатывающий, Воронежский моторостроительный, Бежицкий завод автогаражного обслуживания и др.

Итогом индустриальной трансформации Татарской АССР стало существенное приращение производственных мощностей, которое позволило значительно увеличить объемы выпускаемой в республике продукции. В целом валовая продукция промышленности Татарстана за 1941–1945 гг. возросла почти в 2,2 раза, составив к 1945 г. 219 % [20, с. 174]. Преимущественное развитие получила крупная металлообрабатывающая и машиностроительная промышленность. В республике производилось свыше 600 наименований оружия, боеприпасов, снаряжения: бомбардировщики, морские буксиры, крупнокалиберные зенитные установки, авиамоторы, газоанализаторы, гальванометры, оптические приборы для военно-воздушных сил, военно-морского флота, артиллерии и т. п. Легкая промышленность выпускала почти 200 наименований одежды, обуви, вещевого обмундирования: шинели, гимнастерки, комплекты нательного белья, валенки, армейские сапоги, меховые комбинезоны, шапки и т. п.

Дались такие результаты непросто. Высокие показатели промышленного производства были обеспечены изнурительным и напряженным трудом рабочих. Преодолевая перманентно возникавшие трудности, они работали ради Победы, приближая долгожданный час разгрома ненавистного врага.

Главной проблемой всех промышленных предприятий в начальный период войны стало обеспечение их кадрами. Перебазиро-

вание огромного количества предприятий в тыл страны усугубляло ее еще более. Но решение кадрового вопроса представляло сложную задачу, только своими силами республика обойтись не могла. Процессы, имевшие место перед войной: миграции населения, массовые репрессии, привели к сокращению численности коренных жителей. По единовременному учету, на 1 января 1941 г. в Татарской АССР числилось 2 млн 760,2 тыс. чел., тогда как по переписи 1939 г. их было 2 млн 916,2 тыс. [19, с. 319]. Начавшиеся в первые дни войны мобилизационные мероприятия существенно обострили ситуацию. Число ушедших на фронт рабочих и служащих достигало 60–70 % [22. Л. 168].

Разумеется, закрыть образовавшуюся в общественном производстве республики брешь в значительной степени помогали эвакуированные. К сентябрю 1941 г. число прибывших в Татарстан составило 176 тыс. [4, с. 78], а к весне 1942 г. – 273,5 тыс. чел. [9, с. 39], среди которых свыше 76 тыс. чел. являлись квалифицированными рабочими и служащими [4, с. 86]. Однако стратегическое решение кадрового вопроса властные органы видели не столько в механическом приращении трудовых ресурсов, сколько в изменении форм и способов осуществления трудовой политики в условиях военного времени.

Напомним, что процесс регулирования трудовых отношений начался еще в довоенное время. Согласно Указу Президиума Верховного Совета СССР от 26 июня 1940 г. продолжительность рабочего дня была увеличена до 8 часов, длительность рабочей недели определена в 7 дней. Сокращения рабочего дня накануне нерабочих и воскресных дней были ликвидированы. Вводилась уголовная ответственность не только за самовольный уход, но и за прогулы, опоздания [17, с. 757–758].

С началом войны жесткие меры в сфере трудового законодательства усилились. Указом от 26 июня 1941 г. «О режиме рабочего времени рабочих и служащих в военное время» Президиум Верховного Совета СССР предоставлял директорам предприятий промышленности, транспорта, сельского хозяйства и торговли право устанавливать с разрешения правительства обязательные сверхурочные работы продолжительностью от 1 до 3 часов в день с оплатой в полуторном размере. Очередные и дополнительные отпуска отменялись и заменялись денежной компенсацией, которая переводилась в сберегательные кассы в качестве замороженных на время войны вкладов [11].

Источниками трудовых резервов являлось так называемое трудоспособное население. Первоначально его возрастные границы были определены в пределах 16–55 лет (для мужчин) и 16–45 лет (для женщин) [18, с. 149]. Но на практике государство поощряло

приход на производство граждан и более старшего, а затем и более юного возраста. В последующем руководящие органы страны в законодательном порядке закрепили расширение границ официально признаваемого трудоспособным населения. Возрастной ценз для женщин, привлекаемых к трудовой мобилизации, Указом Президиума Верховного Совета СССР от 19 сентября 1942 г. был увеличен до 50 лет [18, с. 149], а постановление СНК СССР «Об организации на предприятиях индивидуального и бригадного ученичества» от 21 мая 1942 г. легитимировало прием на производство лиц, достигших 14-летнего возраста [5, с. 725].

В основной своей массе в промышленность республики вовлекались женщины, подростки, лица пожилого возраста. В начальный период войны широко практиковался добровольный приход граждан на предприятия, актуализировались лозунги «За себя и за своего товарища», «В тылу, как на фронте». Вместе с тем, не полагаясь только на сознательность людей, государство изыскивало все новые способы привлечения в общественное производство трудовых резервов. Правовым основанием для этого стали указы Советского правительства военного времени.

23 июля 1941 г. вышло постановление СНК СССР «О предоставлении Совнаркомам республик и краевым (областным) исполкомам права переводить рабочих и служащих на другую работу» [21, с. 8–9], позволявшее перераспределять рабочую силу в интересах развития военного производства без учета интересов самих граждан.

26 декабря 1941 г. рабочие и служащие оборонной промышленности были переведены на положение мобилизованных и закреплены для постоянной работы за предприятиями, на которых они работали. Самовольно ушедшие с производства и «злостные прогульщики» считались «дезертирами трудового фронта» и наказывались исправительно-трудовыми работами в лагерях и колониях на срок от 5 до 8 лет. Эти дела рассматривались военными трибуналами [12].

В целях обеспечения рабочей силой важнейших предприятий и строек военной промышленности и других отраслей народного хозяйства, работавших на нужды обороны, 13 февраля 1942 г. Президиумом Верховного Совета СССР был принят Указ «О мобилизации на период военного времени трудоспособного городского населения для работы на производстве и в строительстве». Согласно этому документу мобилизация признавалась безусловно необходимой. Уклонявшиеся от нее лица тоже привлекались к уголовной ответственности [18, с. 247–248].

Таким образом, трудовая политика военного времени носила противоречивый и двойственный характер. С одной стороны, широ-

кое распространение получила практика апеллирования к сознательности людей, важности выполнения ими гражданского долга; с другой стороны, система чрезвычайных мер и указов позволяла властным структурам на законных основаниях прибегать к методам принуждения. Основными формами вовлечения трудовых резервов в общественное производство в годы войны являлись мобилизация, мобилизационный набор, трудовая повинность. Только по городу Казани к маю 1942 г. в промышленность влилось 5,5 тыс. чел., а за все время войны – около 15 тыс. [4, с. 85]. В целом же количество индустриальных рабочих в Татарстане за 1940–1945 гг., согласно данным официальной статистики, возросло со 107,7 до 141,3 тыс. чел. [10, с. 160].

Наибольший процент работников составляли женщины. Их количество на предприятиях республики возросло с 33,1 % в 1941 г. до 53,8 % в 1944 г. [9, с. 60]. Традиционно доля женского труда была более высокой в легкой промышленности и относительно низкой – в тяжелой. Например, в то время, как на Казанском авиационном заводе № 22 доля женщин составляла около 18 % [7, с. 174], на таких предприятиях, как «Спартак», льнокомбинат, она достигала 80–90 % [2. Л. 19]. Объяснялось это тем, что довоенный приоритет мужчин в отраслях тяжелой промышленности сохранялся и в военные годы, так как, во-первых, большинство предприятий оборонной промышленности эвакуировались на восток со своим контингентом квалифицированных рабочих (как правило, мужчин), закрепленных на местах бронию. Во-вторых, женщины не всегда могли справиться с физическими нагрузками, которые предусматривались, например, на работе на металлургических или машиностроительных заводах, в связи с чем администрация этих предприятий предпочитала воздерживаться от приема на работу женского контингента.

Значительное количество рабочих рук обеспечивала допризывная молодежь. Так, в 1942 г. среди рабочих завода «Серп и молот» молодые люди составляли 46,5 %. На фабрике киноплёнки трудилось около 400 юношей и девушек [4, с. 84]. Практически на всех предприятиях Казани в 1942 г. молодежь составляла более половины от наличного состава работающих [15. Л. 55]. Основная масса молодых квалифицированных кадров для промышленности готовилась в системе трудовых резервов ТАССР. За годы войны количество ремесленных и железнодорожных училищ в республике увеличилось с 6 до 14, а школ фабрично-заводского обучения (ФЗО) – с 10 до 27. Ежегодно здесь выпускалось более 13 тыс. молодых рабочих по 53 различным специальностям [29. Л. 5].

В индустриальной сфере были задействованы и пожилые рабочие, ушедшие ранее на заслуженный отдых. Востребованность в их труде с началом войны оказалась весьма велика. Изъявившим го-

товность вернуться на работу предприятия выплачивали дополнительные средства за счет фондов социального страхования.

Следует отметить, что приток трудовых ресурсов в промышленность Татарстана обеспечивался не только за счет местных и эвакуированных жителей. Отдельная страница военных лет – вовлечение дополнительных рабочих кадров через административный ресурс на основе межрегиональной мобилизации. Но здесь важно подчеркнуть, что затраченные усилия по организации отправки людей из дальних районов и размещению их на новом месте не всегда окупались в полной мере, особенно когда это касалось специфического контингента. В частности, совершенно неэффективной оказалась практика отправки в среднюю полосу России неподготовленного контингента рабочих из Средней Азии. Татарская АССР так же, как и некоторые другие регионы, в феврале 1943 г. по мобилизационным нарядам приняла 1112 среднеазиатских рабочих [16. Л. 107]. Все они были устроены на работу на завод им. В.И. Ленина. С их приездом администрация завода столкнулась сразу с целым рядом проблем. Рабочие в большинстве своем не имели навыков промышленного труда, не знали русского языка, были ослаблены физически и подавлены морально. В силу этих причин многие пытались сбежать с производства. Уже через месяц, в марте 1943 г., на заводе осталось 924 чел. 188 рабочих выбыли, в том числе 54 чел. были отправлены назад по болезни, 31 человек умерли [16. Л. 107]. Непродуманность политики властей в этом вопросе обернулось многочисленными сложностями на производстве, с одной стороны, и ненужными жертвами и лишениями для приезжих, с другой.

Однако даже положительное решение кадрового вопроса само по себе еще не являлось залогом успешной работы промышленных предприятий. Необходимо было так организовать труд людей, чтобы обеспечить необходимые для фронта производственные объемы.

Методы стимулирования рабочих были разными. Первоначально превалировали формы морального поощрения. О лучших производственниках сообщалось в газетах, их портреты вывешивались на доски почета, выпускались агитационные плакаты, отчетные трудовые листки и т. п. Широкое распространение получили инициированные властями различные формы социалистического соревнования, движения двух-трех и более сотников, многостаночников, совмещающих несколько профессий и т. д. Кроме индивидуальных форм, практиковались также коллективные формы социалистического соревнования, в частности движение комсомольско-молодежных бригад. Если на 1 июля 1942 г. в Татарстане было 204 фронтовые бригады, то к концу войны их в республике насчитывалось уже 1642 [8, с. 243].

Вместе с тем руководящие органы сознавали, что апелляция только к патриотизму является недостаточной. Поэтому в годы военного лихолетья труд рабочих стимулировался и мерами материального характера. Осенью 1941 г. в стране была введена карточная система, в соответствии с которой основные продовольственные товары начали распределяться в зависимости от приоритетности и значения профессии рабочих. Сначала были установлены две категории снабжения рабочих: по первой обслуживались рабочие и инженерно-технические работники промышленных предприятий, имеющих важное оборонное значение, по второй – рабочие и ИТР остальных промышленных предприятий, транспорта и связи. Но с течением времени количество категорий увеличилось, появился льготный порядок снабжения по литерам «А», «Б». Выполняющих и перевыполняющих плановые задания поддерживали дополнительными горячими обедами, разного рода талонами на получение продовольствия или товаров первой необходимости. Эта практика во многом обеспечивалась благодаря отделам рабочего снабжения (ОРСам), организованным согласно постановлению правительства от 19 февраля 1942 г. Функции их заключались в торговом, бытовом обслуживании и организации питания занятых на производстве работников и членов их семей. Промышленные и продовольственные товары отпускались ОРСам в первую очередь. По данным М.С. Зинич, 48 % всего населения страны, которое находилось на гарантированном обеспечении, обслуживалось именно через такие отделы [6, с. 41]. Более того, в связи с недостаточностью государственных товарных фондов на ОРСы возлагалась и ответственность за развитие сети децентрализованных источников: при промышленных предприятиях организовывались подсобные хозяйства, теплицы и т. д., которые являлись большим подспорьем в деле пополнения продуктовой корзины рабочих.

Важное значение имела и денежная оплата труда. Согласно исследованиям Н.А. Вознесенского, за годы войны средняя заработная плата в индустриальной отрасли СССР увеличилась с 375 р. в 1941 г. до 573 р. в 1944 г. [1, с. 117–118]. Причем в оборонной промышленности уровень заработной платы был выше, чем в других отраслях народного хозяйства. Так, на казанских авиационных заводах зарплата рабочих уже в 1942 г. колебалась от 500 до 900 р. в месяц. В архивных документах сохранились сведения о том, что на авиазаводе № 22 им. С.П. Горбунова средний заработок комсомольца Сатарова составлял 902 р. в месяц, Викулова – 800 р. [28. Л. 128–129]. На заводе № 16 официально исчисленная средняя заработная плата рабочих в 1944 г. равнялась 776 р. в месяц [30. Л. 17]. Стахановцы зарабатывали больше своих товарищей. Денежное вознаграждение передовых рабочих доходило до 1,5–2 тыс. р.

(как, например, у передовой шлифовщицы завода № 16 Андрюшиной, в июле 1944 г. получившей на руки 2100 р. [30. Л. 17]).

В то же время немало было и тех, чей заработок был на порядок ниже. Например, Хуснутдинов и Есаулов, рабочие вышеупомянутого завода № 22, получали не более 450 р., Чистякова – 360 р. в месяц [28. Л. 128–129]. Традиционно немного зарабатывали и работники предприятий легкой индустрии. Так, заработок рабочих на меховых и швейных фабриках ТАССР составлял 296 р. в месяц, служащих – 315 р. [9, с. 185].

Стимулом для рабочих являлось выполнение особых заданий, которые оплачивались отдельно. Особо отличившимся выписывались премии. Их доля в сумме заработка рабочих за военный период выросла с 4,5 % в 1940 г. до 8,1 % в 1944 г. [13, с. 405–406].

Однако руководство предприятий для стимулирования трудовой активности рабочих в военное время применяло не только политику «пряника». Принятые в стране нормативно-правовые акты, направленные на укрепление дисциплины и порядка в производственной сфере, предоставляли администрации заводов и фабрик большие полномочия. Поэтому обычной практикой в военный период стали и так называемые «трудовые репрессии».

Судя по архивным источникам, количество нарушителей и дезертиров в течение военных лет в Татарстане было разным. В первые месяцы войны администрация заводов и фабрик продолжала жестко отслеживать нарушения трудовой дисциплины рабочих по Указу от 26 июня 1940 г., предусматривавшему уголовное наказание за прогул и опоздание на работу. Специально проведенная прокуратурой республики проверка 39 предприятий и учреждений Казани и районов в июле 1941 г. показала, что за время с 15 февраля по 1 июля 1941 г. четко проявилась тенденция к снижению количества нарушителей: в судебные органы было передано 11 552 дела, тогда как в 1940 г. за тот же отрезок времени было осуждено 25 081 чел. [23. Л. 3].

В конце 1941 г. число прогульщиков снова возросло, причем в геометрической прогрессии. Причины этого в том, что в связи с мобилизацией на фронт опытных кадров, производство принудительно пополнялось новыми слоями населения из сельской местности и молодежью, что расширяло контингент потенциальных нарушителей. Достаточно сказать, что только за июль–август 1941 г. по 107 нарсудам Татарстана в производство поступило 5620 дел, причем, согласно документам, «рост дел целиком шел за счет окончивших ФЗО и рабочих-колхозников, поступивших на предприятия по индивидуальным договорам» [23. Л. 102].

После принятия Указа от 26 декабря 1941 г. число судимостей в 1942 г. и в начале 1943 г. несколько сократилось, так как ужесточе-

ние наказания на предприятиях военной промышленности в виде суда военного трибунала и срока тюремного заключения от 5 до 8 лет подействовало на многих рабочих отрезвляюще. Начиная с апреля 1943 г. имел место небольшой подъем количества нарушений [25. Л. 17 об.], но в 1944 г. снова наблюдалось уменьшение их числа. Например, в течение двух кварталов 1944 г. в производстве военного трибунала ТАССР находилось только 4659 дел за дезертиров [26. Л. 34]. Напомним, что в 1941 г. общее количество дезертировавших с предприятий республики было в 2,5 раза больше [23. Л. 3; 26. Л. 34]. Правда, здесь следует учитывать, что 30 декабря 1944 г. Президиум Верховного Совета СССР принял Указ «О предоставлении амнистии лицам, самовольно ушедшим с предприятий военной промышленности и добровольно возвратившимся на эти предприятия», который в определенной мере «закрыл» большинство дел [26. Л. 26].

Сокращение дел на нарушителей трудовой дисциплины в разные исторические периоды, на наш взгляд, можно объяснить несколькими обстоятельствами, причем как объективного, так и субъективного характера: во-первых, с каждым годом усиливалась патриотическая составляющая, лозунг «в тылу, как в бою» становился для рабочих приоритетным; во-вторых, дирекция предприятий при напряженном графике работы не всегда находила время на разбирательство каждого конкретного случая и не хотела «подставлять» себя; в-третьих, ключевую роль играл так называемый человеческий фактор, когда руководители некоторых учреждений и предприятий шли навстречу рабочим и не предавали огласке даже ставшие известными им факты.

Сами нарушения рабочих носили различный характер. Для выяснения их природы в 1941 г. прокуратура республики проанализировала 659 дел по десяти судебным участкам. Наиболее частыми причинами являлись: невыход на работу в течение всего рабочего времени (35,8 %), явка в нетрезвом виде (26,2 %), опоздание свыше 20 мин (21,1 %), преждевременный уход с предприятий (8,6 %), сон на работе (5,2 %), отказ от выполнения сверхсрочных заданий (1,5 %) и т. п. [23. Л. 6].

Динамика дезертирств на заводах и фабриках Татарстана варьировалась по сезонам. Мобилизованные в промышленность республики сельские жители особенно активно покидали свои предприятия во время деревенской страды. Несмотря на угрозу уголовного наказания, они считали своим долгом помочь родным и близким, тем более, последние нередко сами просили их об этом. В частности, в письме, полученном учеником школы ФЗО Хайруллинским Гафаром, родственники обращались к нему: «Приезжай домой, работать некому, отец вышел из годов» [14. Л. 34].

Распространению подобных случаев во многом способствовало и то обстоятельство, что, приезжая в деревню, дезертиры не только не осуждались общественным мнением, а, наоборот, «пользовались всеми преимуществами» [23. Л. 212–213]. Это, в свою очередь, было возможно только с согласия сельских руководителей, которые, испытывая острый дефицит в рабочей силе, стремились в полной мере воспользоваться ситуацией.

Процент дезертирства и нарушений трудовой дисциплины на предприятиях во многом зависел от состояния социальной сферы. Как свидетельствуют архивные источники, материально-бытовые условия большинства рабочих были очень тяжелые. Среди причин, наиболее часто фигурирующих в объяснениях дезертиров «трудового фронта» в первую очередь отмечались именно низкий уровень и качество жизни. Проверки, регулярно проводившиеся в домах и общежитиях, где размещались рабочие предприятий, подтверждали это. Сухие протокольные строчки свидетельствуют: «Всю зиму (1942 г. – А.К.) дома (рабочих завода № 22) не отапливались, в результате образовалась сырость, в жилых помещениях и во дворах царит опаснейшая антисанитария – рассадник эпидемических заболеваний. Не созданы даже элементарные условия для жильцов: нет кухни, водопровод не работает, уборные загрязнены и т. д.» [24. Л. 34].

Не должным образом было организовано на предприятиях и общественное питание. Нарекания к меню имелись у многих рабочих. В отчете профкома завода «Серп и молот», например, было отмечено, что в «мартеновском цехе завода в течение двух недель в меню была лишь капуста» [3. Л. 67]. На партийном активе завода № 22 рабочие в своем выступлении откровенно указывали: «Кормят на фабрике-кухне и столовых плохо, пищу готовят однообразную и невкусную, нет зелени и овощей...» [27. Л. 73].

При абсолютной скудости общественных обедов для рабочих вышестоящее начальство на некоторых предприятиях питалось очень неплохо. Например, на казанском моторостроительном заводе № 16 были организованы столовые четырех типов (!): для высшего командного состава, среднего комсостава, отдельно для инженерно-технических работников и для рабочих. В то время как для основной массы рабочих готовился стандартный обед – суп-лапша и каша-овсянка, в столовые высшего и среднего комсостава передавался весь фонд отпускаемых для общественного питания высокоценных продуктов [25. Л. 113]. В меню значились суп-лапша домашняя с мясом; шницель свиной с картофелем; шашлык по-кавказски, жареная свинина и пр. [25. Л. 114–115].

Несправедливость в распределительной сфере усугубляли периодически вскрывавшиеся в системе работы ОРСов и общественного питания прецеденты хищений и разбазариваний продуктов.

Типичными в этом отношении представляются случаи утечки товаров в ОРСе завода № 16: только за три месяца 1942 г. здесь было разбазарено: мяса – 372 кг, конфет – 432 кг, белой муки – 1213 кг, сыра – 130 кг, сахара – 354 кг, сельдей – 434 кг, масла животного – 355 кг, колбасы – 432 кг, меда – 143 кг, икры паюсной – 12 кг и много прочих дефицитных продуктов [25. Л. 111]. В растранижении и нецелевом расходовании фондов оказались виновны заместитель директора завода по социально-бытовому сектору Г.А. Люлинский, директор базы социально-бытового отдела А.И. Журавлев, заведующий складом базы Кучкасов и другие работники складов. Достаточно было на базе лишь предъявить записку от вышеупомянутых лиц: «Прошу устроить – известно», и продукты из целевых фондов уходили на сторону [25. Л. 116].

Разумеется, факты перераспределения продуктов в пользу управленческого персонала, недоснабжения рабочих, и в то же время обеспечения близких и знакомых начальства «по благу» (по спискам и запискам) оказывали отрицательное влияние на рабочих, порождали недовольство администрацией, негативно сказывались на производственной активности людей.

Таким образом, в годы Великой Отечественной войны были изменены основные принципы государственной трудовой политики. Главная ставка была сделана на усиление внеэкономических методов трудового принуждения. Вовлечение в общественное производство всех социальных слоев населения, а также активное участие их в экономической программе обеспечивалось множеством приемов и разнообразных способов: во-первых, в военный период для решения кадрового вопроса были задействованы все рычаги, имевшиеся в распоряжении власти. Целый ряд законодательно принятых нормативных документов регулировал организационно-правовые вопросы участия в индустриальной сфере новых трудовых резервов. Во-вторых, партийные и советские органы в своей деятельности весьма успешно применяли методы «кнута и пряника». Они, с одной стороны, большое значение придавали агитационной работе, пропагандируя высокие производственные достижения, стимулируя трудовую активность рабочих через рост заработной платы, а с другой, не прекращали борьбу с дезертирами и нарушителями, используя репрессивные меры. Хотя, с нашей точки зрения, возможно, больший эффект и влияние на рабочих могло бы иметь повышение внимания властных структур к социальным вопросам жизни и деятельности людей. Но часто из-за отсутствия финансовых средств, а иногда и по причине политической близорукости администрация предприятий не спешила с решением материально-бытовых и хозяйственных проблем, что, безусловно, негативно отражалось на трудовом поведении рабочих.

Список литературы

1. Вознесенский Н.А. Военная экономика СССР в период Отечественной войны. – М., 1947.
2. Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. Р-5451. Оп. 30. Д. 6.
3. ГА РФ. Ф. Р-5451. Оп. 31. Д. 33.
4. Гильманов З.И. Татарская АССР в Великой Отечественной войне 1941–1945. – Казань, 1977.
5. Директивы КПСС и Советского правительства по хозяйственным вопросам (1917–1957 гг.): сб. док.: в 4 т. Т. 2: 1929–1945 гг. – М., 1957.
6. Зинич М.С. Будни военного лихолетья. 1941–1945.: в 2 вып. Вып. 1. – М., 1994. – Вып. 1.
7. История Казани в документах и материалах. XX век / под ред. Р.У. Амирханова. – Казань, 2004.
8. История Татарстана. XX век. 1917–1995 гг. 4 ч.: учеб. пособие для общеобразовательной шк. / Б.Ф. Султанбеков, Л.А. Харисова, А.Г. Галямова. – Казань, 1998.
9. Кабирова А.Ш. Война и общество: Татарстан в 1941–1945 гг. – Казань, 2011.
10. Народное хозяйство Татарской АССР: стат. сб. / ЦСУ СССР; Стат. упр. ТАССР. – Казань, 1957.
11. Правда. – 1941. – 27 июня.
12. Правда. – 1941. – 27 дек.
13. Рабочий класс накануне и в годы Великой Отечественной войны, 1938–1945 гг. – М., 1984.
14. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 88. Д. 91.
15. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 88. Д. 181.
16. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 88. Д. 232. Ч. 1.
17. Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам: в 5 т.: 1917–1967 гг. – М., 1968. – Т. 2.
18. Сборник законов СССР и Указов Президиума Верховного Совета СССР. 1938–1944 гг. – 2-е изд. – М., 1945.
19. Тагиров И.Р. Очерки истории Татарстана и татарского народа (XX век). – Казань: Татар. кн. изд-во, 1999. – 468 с.
20. Татарстан в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.: к 65-летию Победы / авт.-сост. А.А. Иванов, Ф.С. Хабибуллина. – Казань, 2009.
21. Трудовое законодательство военного времени: сб. – 2-е изд., доп. – М., 1943.
22. Центральный государственный архив историко-политической документации Республики Татарстан (ЦГА ИПД РТ). Ф. 15. Оп. 5. Д. 129.
23. ЦГА ИПД РТ. Ф. 15. Оп. 5. Д. 147.
24. ЦГА ИПД РТ. Ф. 15. Оп. 5. Д. 372.
25. ЦГА ИПД РТ. Ф. 15. Оп. 5. Д. 472.
26. ЦГА ИПД РТ. Ф. 15. Оп. 5. Д. 1668.
27. ЦГА ИПД РТ. Ф. 840. Оп. 1. Д. 476.
28. ЦГА ИПД РТ. Ф. 4034. Оп. 23. Д. 306.
29. ЦГА ИПД РТ. Ф. 4034. Оп. 26. Д. 199.
30. ЦГА ИПД РТ. Ф. 4994. Оп. 1. Д. 115.

УДК 94(470.23-25):72

А.А. Ефимов

История формирования участка будущего ансамбля площади Островского, улицы зодчего Росси и площади Ломоносова в Санкт-Петербурге

Статья посвящена исследованию процесса подготовки территории для воплощения грандиозного проекта архитектора Карло Росси и роли в этом Министерства Императорского Двора. Автор рассматривает весь ход переговоров между Придворным ведомством и владельцами выкупавшихся участков, а также эпизоды с изъятием земель у государственных учреждений.

The article examines the preparative process for the implementation of a grandiose project of architect Carlo Rossi and researches the Ministry of the Imperial Court's contribution. The author scrutinizes the negotiations between the ministry and private property owners and the procedure of impoundment of other government departments' lots.

Ключевые слова: Министерство Императорского Двора, Николай I, Карло Росси, Санкт-Петербург, градостроительство.

Key words: the Ministry of the Imperial Court, Nicholas I, Carlo Rossi, Saint-Petersburg, town planning.

Министерство Императорского двора, учрежденное распоряжением императора Николая I в 1826 г., с самых первых лет своего существования вело на территории Санкт-Петербурга активную деятельность в области архитектуры и градостроительства. Одним из первых проектов, реализованных при участии придворного ведомства, стало формирование ансамбля включающего современную территорию площади Островского и улицы Зодчего Росси, создание которых подразумевалось масштабным планом архитектора К.И. Росси. Этот проект предусматривал реконструкцию квартала между Аничковым дворцом, Императорской публичной библиотекой, Невским проспектом и рекой Фонтанкой, с обустройством площади и двух новых улиц¹. Созданный в результате ансамбль объединил две площади (теперь – пл. Островского и пл. Ломоносо-

---

© Ефимов А.А., 2014

¹ В реализации этого проекта принимали участие также Временный строительный комитет по новой пристройке к библиотеке и Временная строительная комиссия при Министерстве внутренних дел [7, с. 154].

ва) две улицы (ныне улицу зодчего Росси и улицу Ломоносова), и один переулок (Торговый).

В большей части публикаций, рассматривающих историю ансамбля, основное внимание уделяется архитектурным и художественным особенностям вошедших в него зданий, в то время как период их строительства затрагивается достаточно поверхностно¹. При изучении этой проблемы следует рассмотреть слабоизученный вопрос подготовки участка к строительству.

Подготовительные мероприятия по воплощению проекта Карло Росси были начаты осенью 1827 г., когда военный генерал-губернатор Санкт-Петербурга по получении отношения из Министерства Императорского двора дал поручение архитектору Ливену выяснить, какие конкретно участки и строения необходимо будет приобрести в казну [2. Л. 6].

По первоначальным предположениям должны были состояться следующие приобретения. Первую группу составляли собственно земельные участки и участки с небольшими постройками. Так следовало приобрести у купеческой жены Королевой 490 квадратных саженей садовой земли, у вдовы купца Зиновьева – 330 квадратных саженей садовой земли, у Глазной лечебницы – участок в 420 квадратных саженей с деревянными оранжереями и беседкой и у надворного советника Андре – 180 квадратных саженей. Также предполагалось купить несколько участков с домами: во-первых, у наследников коллежского советника Янсена – каменный двухэтажный дом с надворным флигелем и 425 квадратных саженей земли; во-вторых, у купца Федорова – весь «дом с каменным о трех этажах флигелем и поперечным во дворе одноэтажным каменным строением и деревянными сараями с землей в 306 квадратных саженей»; в-третьих, у купца Коновалова – часть двора с «каменным о двух и одном этажах строением и часть с надворным о трех этажах флигелем и деревянным строением с землей 375 квадратных саженей»; в-четвертых, у генерал-майора Балабина – 285 квадратных саженей дворовой земли с сараем [2. Л. 6 об.–7].

После формирования предварительного списка приобретаемых объектов, представленного в табл. 1 [2. Л. 31, 41] был проведен опрос их владельцев, целью которого было выяснить, за какую цену они согласятся продать включенное в список имущество. По завершении опроса генерал-губернатор предписал Городской думе для проведения осмотра планируемых приобретений сформировать ко-

---

¹ Исключением является работа М.З. Тарановской «Ансамбль площади Островского, улицы зодчего Росси, площади Ломоносова в Ленинграде», вышедшая в Ленинграде в 1962 г., где в приложении приводятся краткие заметки автора по истории формирования ансамбля с выдержками из архивных документов, освещающих ход строительства.

миссию под началом архитектора Ливена, в которую должны были войти присяжные оценщики [2. Л. 6–6 об.]. Целью работы этой комиссии было определение действительной стоимости всех участков и зданий.

Таблица 1

Предварительный список участков для покупки

Владелец	Приобретаемое имущество	Запрошенная цена, тыс. р.	Цена по оценке, тыс. р.	Решение о покупке	Вторично запрошенная цена, тыс. р.
Купеческая жена Королева	Участок 490 квадратных саженей	50	24,5	Не надобно	35
Купеческая вдова Зиновьева	Участок 330 квадратных саженей	30	16,5	Не надобно	25
Глазная лечебница	Участок 260 квадратных саженей с оранжереями и беседкой	37	22	Не надобно	30
Надворный советник Андре	Участок 180 квадратных саженей	20	9	Не надобно	
Наследники коллежского советника Янсена	Каменный двухэтажный дом с надворным флигелем и участок 425 квадратных саженей	190	140	Поторговать до 170 тыс. р.	170
Купец Федоров	Дом с каменным о трех этажах флигелем и поперечным во дворе одноэтажным каменным строением и деревянными сараями с участком 306 квадратных саженей	135	125	Купить за 135 тыс. р.	135

Продолжение табл. 1

Купец Коновалов	Часть двора с каменным двух и одно- этажным строением и часть с над- ворным трех- этажным флигелем и деревянным строением с участком 375 квадратных саженей	140	75	Поторго- вать до 120 тыс. р.	120
Генерал- майор Балабин	Дворовая земля с де- ревянным са- раем и участком в 285 квадрат- ных саженей	28,5	21,1	Купить за 28,5 тыс. р.	
Генерал- майор Копьев	Каменный дом в три этажа	210	100		210
Купеческая жена Серебсени- кова	Часть земли с деревянными сараями, 14 квадратных саженей	3	2	Дать 3 тыс. р.	
Лейб-кучер Байков	Часть земли с дощатыми сараями; 200 квадратных саженей		25		
Наследники купца Ильина	Часть камен- ного строения в три этажа и флигель в один этаж и 100 квадрат- ных саженей земли		100		

При этом по итогам переговоров с владельцами и последующей независимой оценки планируемых приобретений выявилось значительное расхождение между суммами, которые запрашивали владельцы, и оценкой, выполненной по распоряжению генерал-губернатора. Так за восемь объектов их владельцы предполагали

получить 643,1 тыс. р., тогда как по результатам осмотра их общая стоимость должна была составить 441,1 тыс. р. Таким образом, каждая квадратных саженей по объявленным обывателями ценам стоила 229 р. 26 к., при этом оценщики полагали справедливой ценой 157 р. 25 к. как за земельные участки без построек, так и за участки со зданиями [2. Л. 7 об.].

Общая сумма, которую владельцы десяти из предполагавшихся к покупке объектов недвижимости считали необходимой к выплате, достигала 863,5 тыс. р., а проведенная оценка установила, что выплатить будет необходимо 543,1 тыс. р. Архитектор Росси видел причину такого расхождения в несоразмерных запросах хозяев участков, считая оценку совершенно адекватной. При этом единственным из владельцев, кто, по мнению зодчего, справедливо выставил цену своему владению, был генерал-майор Балабин [2. Л. 30]. Позднее был проведен повторный опрос, по результатам которого удалось добиться от некоторых собственников снижения запрошенных цен.

За два последних участка владельцы своей цены не объявили, и она была определена городскими оценщиками.

Таким образом, общая стоимость участков составила 988,5 тыс. р. по оценке владельцев и 668,1 тыс. р. по оценке, проведенной комиссией присяжных оценщиков [2. Л. 31].

На реализацию этого масштабного замысла указом Николая I от 5 апреля 1828 г. из средств Департамента уделов был выделен 1 млн 600 тыс. р.¹, из которых 950 тыс. р. предназначались для приобретения частного имущества, а 750 тыс. р. предполагалось потратить на строительство двух трехэтажных корпусов с торговыми магазинами [1. Л. 5].

На следующий день, 6 апреля 1828 г. последовало распоряжение Николая I министру Императорского двора, содержащее целый ряд указаний строительной комиссии при Кабинете Е.И.В., входившей в состав Придворного ведомства. Во-первых, требовалось немедленно скупить все обывательские дома и участки, указанные в приложенной ведомости. Во-вторых, надлежало немедленно начать строительства нового театра и двух корпусов позади него, которые должны были располагаться в соответствии с утвержденным планом и «во внешнем своем облике соответствовать одобренным рисункам фасадов». Эти работы было поручено возглавить автору всего проекта архитектору К.И. Росси, а производить их он должен был в сотрудничестве со строительной комиссией при Кабинете Е.И.В., действующей согласно правилам, утвержденным государем 26 февраля 1827 г. Император требовал, чтобы все здания были подведены под крышу до конца 1828 г. [1. Л. 3–3 об., 5; 4. Л. 1–1 об.; 5. Л. 8 об. –9; 6. Л. 8–8 об.].

---

¹ Согласно другому документу выделенная сумма составляла 1 млн 700 тыс. р. [1. Л. 3 об.].

Согласно составленной в апреле 1828 г. ведомости, представленной в табл. 2 [1. Л. 4], по решению императора для очистки территории под новое строительство предполагалось приобрести десять участков в 3-й Адмиралтейской части, список которых с указанием рекомендаций по определению суммы выплат приведен в таблице. При этом Николай I в целом ряде случаев изменил принятое ранее решение о стоимости того или иного участка в сторону ее увеличения, и кроме того, произошли изменения в самом списке приобретаемых участков и домов, из которого исчезли участки и дома, принадлежавшие генерал-майору Копьеву и наследникам купца Ильина [1. Л. 6–6 об.; 3. Л. 2 об.].

Предварительно было определено, что Министерству Императорского двора надлежит передать в ведение Императорской публичной библиотеки часть земли, принадлежавшей Дирекции Императорских театров, где находились: декорационный магазин, экипажный двор с конюшными сараями, мастерскими и квартиры служащих. При этом в качестве возмещения дирекция должна была получить участок, приобретенный у лейб-кучера Байкова с каменными и деревянными строениями, а также часть дома наследников коллежского советника Янсена, располагавшаяся напротив него, вместе с присоединенным к ним Толмазовым переулком от набережной реки Фонтанки [1. Л. 4; 4. Л. 3–3 об.; 5. Л. 9 об.–10].

Таблица 2

Список приобретаемых частновладельческих домов и участков

Номер по плану	Частные владения	Определенная императором цена домов и участков
	Части садовой земли, отходящие под новую улицу и казенные строения	По количеству отходящей земли заплатить
1	От дома купеческой жены Королевой	За каждую квадратную сажень 72 р.
2	От дома купеческой жены Зиновьевой	
3	От дома глазной лечебницы с деревянными оранжереями и беседкой	За каждую квадратную сажень 96 р.
4	От дома надворного советника Андре	За каждую квадратную сажень 74 р.
5	Весь дом наследниц коллежского советника Янсена с каменным и деревянным строением и садом	Заплатить 220 тыс. р.
6	Весь дом купца Федорова	Заплатить 135 тыс. р.

Продолжение табл. 2

7	Часть двора купца Коновалова с каменными и деревянными строениями	Заплатить 140 тыс. р.
8	Часть дворовой земли генерал майора Балабина, отходящую под площадь и под новую пристройку к зданию ИПБ, а также и назначенную к ней во дворе	По количеству отходящей земли заплатить за каждую квадратную сажень по 100 р., но с тем, чтобы «для безопасности от огня не было на дворе Балабина никакого жилого строения и конюшен с сенниками к той стороне, где будет новая пристройка библиотеки»
9	Часть земли, отходящую под улицу из двора купеческой жены Серебренниковой с деревянными сараями	Заплатить 3 тыс. р.
10	Все место лейб-кучера Байкова с каменными и деревянными строениями	Заплатить 175 тыс. р.

После фактического приобретения трех домов у наследников коллежского советника Янсена, купца Федорова и купца Коновалова встала необходимость выселить из них жильцов, чтобы провести снос и очистить территорию для строительства нового театра и двух каменных корпусов, возведение которых по требованию государя должно было начаться без промедления. Для этого строительная комиссия при Кабинете Е.И.В. 9 апреля 1828 г. направила соответствующее отношение обер-полицмейстеру Санкт-Петербурга с просьбой обеспечить выезд всех лиц, проживавших в этих домах, к 16 апреля 1828 [З. Л. 6].

Перед официальным расчетом с владельцами участков Строительная комиссия при Кабинете Е.И.В. должна была рассчитать, какую именно сумму требуется заплатить за тот или иной участок, окончательная стоимость которых зависела от площади приобретаемого землевладения. Базой для расчетов стала цена квадратной сажени, установленная отдельно для каждого из них. В результате надворному советнику Андре полагалось выплатить 21 114 р. 66 к.; глазной лечебнице 31 124 р.; купеческой вдове Зиновьевой 36 906 р. и купчихе Королевой 43 056 р. В общей сложности сумма выплат за земельные участки составила 132 200 р. 66 к. [З. Л. 45].

Кроме того, купеческой жене Серебренниковой за купленные у нее под прокладываемую улицу часть придомовой территории с деревянными сараями надлежало передать 3 тыс. р. [З. Л. 57].

19 июня 1828 г. по результатам заседания Строительной комиссии при Кабинете Е.И.В. в ее журнале был составлен итоговый список выкупаемых домов и участков с указанием стоимости каждого из них и тех сумм, которые уже были выплачены и тех, которые следовало доплатить. Так, из выделенных на эти цели 950 тыс. р. вла-

дельцам было перечислено 756 359 р., еще следовало доплатить 82 671 р., и остаток должен был составить 110 970 р. [З. Л. 64].

Для обустройства жилых казарм для рабочих и сараев для хранения материалов потребовалось обращение в Военное министерство, поскольку под эти цели было необходимо занять территорию, относившуюся к ведению Пажеского корпуса, которая должна была отойти по утвержденному императором плану под новую улицу, прокладываемую в сторону Чернышева моста. Соответствующее распоряжение начальника Главного штаба последовало в конце апреля 1828 г. [З. Л. 35].

Завершая рассмотрение истории формирования участка для воплощения в жизнь этого масштабного проекта, необходимо отметить, что для этого в общей сложности потребовалось более полугодя. При этом основная часть времени была затрачена на покупку частных земель и домовладений, производившуюся в несколько этапов. В ходе первого, осеннего периода, были проведены опрос владельцев и экспертная оценка. Затем с ними проводились переговоры относительно снижения запрошенных ранее цен. В результате итоговый список, составленный в начале апреля 1828 г., практически совпал с предварительным, а после его рассмотрения императором были определены окончательные цены приобретаемых имений. На завершающем этапе, продолжавшемся около двух месяцев, определялись суммы, которые необходимо выплатить каждому владельцу, и производились выплаты. В итоге из ассигнованных на эти цели 950 тыс. р. было сэкономлено 110 970 р. или около 12 %.

В течение весны 1828 г. удалось также решить вопрос с получением участка, изымаемого у Пажеского корпуса для пробивки новой улицы, который был временно передан Придворному ведомству по распоряжению начальника Главного штаба.

Таким образом, строительная комиссия при Кабинете Е.И.В., являвшаяся структурным подразделением Министерства Императорского двора, внесла основной вклад в подготовку территории для реализации одного из самых масштабных градостроительных проектов в Санкт-Петербурге XIX в. В дальнейшем именно под ее руководством возводились многие из зданий, предусмотренных этим планом.

Список литературы

1. Российский государственный исторический архив (РГИА) Ф. 468. Оп. 35. Д. 5.
2. РГИА. Ф. 468. Оп. 35. Д. 30.
3. РГИА. Ф. 468. Оп. 35. Д. 31.
4. РГИА. Ф. 497. Оп. 1. Д. 3799.
5. РГИА. Ф. 497. Оп. 14. Д. 436.
6. РГИА. Ф. 497. Оп. 14. Д. 453.
7. Тарановская М.З. Ансамбль площади Островского, улицы зодчего Росси, площади Ломоносова в Ленинграде. – Л., 1962.

Журнал «Научное обозрение» и идейные поиски русской интеллигенции конца XIX – начала XX в.

В данной статье рассматривается деятельность журнала конца XIX – начала XX в. – «Научное обозрение» и его редактора – русского мыслителя и ученого М.М. Филиппова. Делается вывод, что придерживаясь конкретной мировоззренческой позиции (критического реализма), журнал способствовал формированию идеологии «снизу», утверждая объективный прогресс мысли и знания и ставя его в корреляционную зависимость от эволюции общества в целом. Отмечается роль интеллигенции в формировании «национальной идеи».

In this article, the author presents a magazine «Scientific Review» which existed at the end of XIX century and Russian thinker and scientist M.M. Filippov who was its editor. The main idea is that the magazine keeping a particular ideological position (critical realism) helped to form the ideology of the "bottom". In addition, reflecting the real scientific process, «Scientific Review» claimed the objective progress of thought and knowledge and put it to the correlation dependence on the evolution of society as a whole. The role of intellectuals in forming of the "national idea" is noted.

Ключевые слова: «Научное обозрение», М.М. Филиппов, критический реализм, идеология, цензура, научное развитие, корреляционная зависимость, национальная идея.

Key words: «Scientific Review», M.M. Filippov, critical realism, ideology, censorship, scientific development, correlation, «national idea».

Наблюдая сегодня за развитием современной научной мысли, можно констатировать усиление публикационной активности интеллигенции. Каковы бы ни были причины такой активности, история показывает, что роль периодической печати возрастает в периоды кризисов, «идеологических блужданий». Одна из важных функций периодической печати – выработка общих принципов жизни общества, «вращивание» идеологии «снизу». О необходимости формирования идеологии, национальной идеи говорил в недавнее время и президент В.В. Путин в своей «Валдайской речи».

Без выработанных твердых убеждений общество «не видит» цели своего развития и, соответственно, не может найти пути, по которому следует двигаться. Поиск «национальной идеи» как процесс не есть особенная примета нынешнего времени. Он перманентно осуществляется в русской истории и приобретает чрезвычайное

значение на «переломе эпох». Это объективный процесс самоосмысления нации, народности, который активизируется при смене социальной парадигмы, ценностных ориентиров. В разные времена «национальная идея» могла носить разные наименования, например: «Москва – третий Рим», или «Пролетарии всех стран – соединяйтесь!».

Славянофилы в свое время поставили во главу угла идею «славянства», которая получила развитие в движении панславизма, приписывающего некую особую роль славянскому сообществу. Здесь «национальная идея» балансировала на грани национализма, но к нему не склонялась. Публицисты конца XIX – начала XX в. отмечали такую особенность отечественной культуры, как «замалчивание» национального вопроса и настаивали на том, что здоровое «национальное чувство» есть моральная основа жизни народа. Реплика одного из авторов журнала Санкт-Петербургского славянского благотворительного общества «Славянские известия» (1883–1916) Л.П. Лобова звучит очень современно: «Ни в одной европейской стране национальная идея не вызывает стольких споров и разногласий, нигде так ее не боятся и не стыдятся, как у нас в России, потому что у нас эта идея почитается нелиберальной, с нею зачастую связывается представление обскурантизма и шовинизма». По мнению автора, «как умственное понятие, очищенное от крайних элементов, национализм должен быть и нравственным кодексом, в котором должны воспитываться грядущие поколения с первых же лет сознательной жизни» [3, с. 111].

Чаще всего работа по выработке той или иной объединяющей идеи возлагалась на интеллигенцию. Еще Д.И. Писарев в своей работе «Мыслящий пролетариат» говорил об особой роли разночинной интеллигенции как людей, приобщенных к знанию и науке, «вдумчиво и с душою» относящихся к своему делу, в отличие от людей физического труда, работающих по принуждению и находящихся в «в тех подвалах общественного здания, куда не проникает ни один луч общечеловеческой мысли» [6, с. 68]. Писарева критиковали за то, что он «недооценивает роль народных масс». Но как ни странно, более чем через полвека ему вторил известный русский физиолог И.П. Павлов. В лекции «О русском уме» (1918) он выделял ум низших масс и ум интеллигентный, утверждая, что «ум низших масс – невежественен, на него нельзя возлагать никакой ответственности» [5. Л. 69]. Оценивая события 1917 г., он говорил: «...то, что произошло ... в России есть безусловно дело интеллигентного ума. ... прогрессивная мысль не столько старалась о просвещении и культивировании народа, сколько о его революционировании» [5. Л. 70]. Между тем, отмечал он, у интеллигенции – «мозга родины», «...должна быть потребность, одна обязанность – охранять единст-

венно нам оставшееся достоинство: смотреть на самих себя и окружающее без самообмана» [5. Л. 66]. Главная задача – ясное и точное познание действительности, и на основе это знания выработка общественного идеала.

Понятно, что интеллигенция, не может «прописать», дать в готовом виде ни национальную идею, ни общественную идеологию в целом – они должны кристаллизироваться в результате свободного творчества (научного, технического, художественного) свободно-мыслящих людей. В этом заключается положительная сторона лавинообразного нарастания научных журналов и научных публикаций в современной действительности. Однако отечественная история знает и примеры, когда свободная мысль прорывалась сквозь жесткую цензуру.

История журнала «Научное обозрение», издававшегося с 1894 по 1903 гг., во многом типична для того исторического периода, когда на рубеже XIX–XX в., в условиях социального, экономического, политического кризисов [подробнее см.: 1, с. 59–62] культурная интеллигенция пыталась найти выход, действуя с помощью силы мысли и силы слова, волей-неволей включаясь в идеологическую борьбу.

Журнал «Научное обозрение» был подцензурным, и можно сказать, вся его история – это борьба с цензурой («Дело» на журнал «Научное обозрение» велось в департаменте полиции с 1898 г.). Девиз журнала, размещенный на обложке «Scientia», т. е. наука, определил основное направление публикуемых материалов. Анонс журнала, данный в газете «Северный курьер» 5(17) ноября 1899 г. гласил: «Девятнадцатый век представляет эпоху, в высшей степени характеристичную, выставившую свои особые задачи и стремления. С одной стороны, это век положительных знаний по преимуществу. ... С другой стороны, блестящие успехи материальной и умственной культуры еще резче оттенили те социальные недуги, которые лишь смутно осознавались писателями XVIII века» [7, с. 5]. Далее указывалось, что в качестве приложения к журналу, будут издаваться целые произведения из области социологии, психологии, биологии, политической экономии и научной философии, с целью представить объективную картину действительности.

Главный редактор журнала М.М. Филиппов (1858–1903), ученый, философ, публицист, писатель стоял на той философской позиции, что развитие человеческой мысли (интеллектуальное развитие, накопление научного знания) следует своим объективным законам и никакие внешние условия (экономические факторы, политические события и т. п.) не могут остановить этот процесс, но могут прогрессивно или регрессивно повлиять на него: ускорить или замедлить. В то же время состояние общества обусловлено уровнем

интеллектуального развития и научного знания. С точки зрения Филиппова, умственное и социально-экономическое развитие находятся в корреляционной зависимости и определяют ход истории.

Главными задачами «Научного обозрения» ученый считал популяризацию научных знаний и борьбу с враждебными для свободной мысли течениями. «К числу этих течений, – писал он в первом номере журнала, – мы относим не только обскурантизм, но и всякие метафизические стремления, как в научной, так и в моральной области, а также... туманные мистические теории. Философское направление, лежащее в основе наших научных взглядов, лучше всего характеризуется именем критического реализма, равно далекого и от наивной метафизики, признающей только материю, и от сухого и бесплодного формализма, сооружающего мир из отвлеченных понятий без помощи опыта» [10, с. 1].

Журнал четко формулировал свою мировоззренческую позицию: реалистический анализ действительности, с опорой на опыт, точное знание и научные методы.

На первом этапе (1894–1896) журнал представлял собой физико-математический еженедельник, периодически встречались публикации по естественно-научной тематике (общественно-политические статьи публиковать запрещалось изначально). Но постепенно журнал все больше и больше втягивался в социально-политическую борьбу. Филиппов стремился быть в эпицентре происходящего в общественной жизни и в науке. Отмечая «отзывчивость» Филиппова и как публициста, и как редактора на злободневные проблемы, его современники позволяли себе каламбур, называя Филиппова «сыном века»: дело в том, что свою публицистическую деятельность он начинал в журнале своего отца, который носил название «Век».

Уже на втором этапе (1897–1901) «Научное обозрение» позиционировался как литературно-общественный и научно-философский журнал. В этот период активно освещались вопросы марксистской теории, которая находила все больше адептов в России. Сам Филиппов в 1897 г. на протяжении нескольких номеров своего журнала (1–4) рассматривал социологическое учение К. Маркса, обозначая положительные и отрицательные стороны экономического материализма. Существенным в марксизме для него явилось обособление экономического фактора как независимой переменной, т. е. определяющей все остальные стороны исторической эволюции. Заслуга Маркса, по убеждению Филиппова, состояла в том, что он показал сдерживающие элементы свободного творческого движения личности на определенной стадии общественного развития. Филиппов писал: «...каковы бы ни были грехи "исторического материализма" (а эти грехи едва ли более тяжки, чем заблуж-

дения других исторических теорий), это учение никак не повинно в намерении придавить личность и обратить ее в марионетку, управляемую заранее заведенными экономическим пружинами. Оказывается, что, сделав свое дело, т. е. раскрыв мотивы, управляющие исторической эволюцией, социологическое учение Маркса, в конечном выводе, стремится дать людям то, что дороже всего для сколько-нибудь развитой личности. Конечная цель и последнее слово этого учения – свобода» [11, с. 35].

Безусловно, изменение направления журнала относительно первоначального вида не осталось незамеченным со стороны цензурного комитета. Для официальной власти Филиппов был радикалом, так как предоставлял страницы своего журнала, в том числе революционно настроенным деятелям – В.И. Засулич и Г.В. Плеханову. В докладе директора Департамента полиции С.Э. Зволянского о М.М. Филиппове, «подвергнутом обыску в числе членов радикальной группы писателей» 7 июня 1901 г., говорилось следующее: «...Филиппов принадлежит к радикально-оппозиционной группе руководителей революционного движения и поддерживает сношения с деятелями революционных групп "Рабочего знамени", "Социал-демократической рабочей библиотеки" и "Союза борьбы", причем пользуется всяким случаем для пропаганды своих противоправительственных идей не только печатно в своем журнале, но и в целом ряде официальных и неофициальных вечеринок и собраний. На вечере, устроенном в октябре 1899 г., редакцией "Жизнь", обсуждался вопрос о необходимости свободы печати, причем Филиппов произнес речь, в которой доказывал, что Россия переживает то же, что Германия в 1848 году, и предложил тост за скорейшее наступление 18 марта в России и за Чернышевского как первого представителя рабочего-социалиста. ...На вечеринке в Лесном, устроенной в декабре 1900 г. слушательницами Рождественских курсов, Филиппов принимал участие в прениях о наилучших способах борьбы с правительством. При ликвидации в январе 1901 г. петербургских революционных групп, занимавшихся пропагандой среди рабочих, Филиппов был подвергнут обыску, но по отсутствию результатов оставлен на свободе...» [2, с. 123–124].

Итогом «политической игры» Филиппова и цензурного комитета стала высылка редактора журнала из Санкт-Петербурга за антиправительственную деятельность. Ученый поселился в п. Теряки (ныне Зеленогорск), где в то время образовалась небольшая артель таких же неугодных официальной власти научных деятелей. В частности, «соседями» Филиппова были В.М. Бехтерев и П.Ф. Лесгафт.

Следующий, третий период существования журнала (1901–1903) ознаменован финансовыми трудностями издания. Филиппову пришлось переуступить право редактора журнала предприимчивому

издателю Сойкину, в результате чего необходимо было бороться уже не только с цензурой, но и с новым формальным редактором за сохранение направления журнала. В идейном плане этот период обозначен выступлениями Филиппова и других авторов против ортодоксального марксизма (П.Б. Струве, М.И. Туган-Барановского) и против метафизических религиозных концепций (Н.А. Бердяева, С.Н. Булгакова). Среди главных авторов журнала – Д.И. Менделеев, А.Н. Бекетов, В.М. Бехтерев, О.Д. Хвольсон, Н.Е. Введенский, А.А. Герцен, П.Ф. Лесгафт и др. В пятом, последнем, номере 1903 г., в «Научном обозрении» впервые была опубликована работа К.Э. Циолковского «Исследование мировых пространств реактивными приборами», за что главный редактор снова подвергся нападкам со стороны полиции.

Находясь в постоянном противостоянии с цензурой и полицией, Филиппов задавался вопросом: совместимы ли в одном историческом пространстве два факта – работы, подобные передовым трудам Циолковского, и полицейская слежка за ученым. Современники приписывают мыслителю такие слова: «Можно ли хотя бы на секунду представить себе не только отправление межпланетных кораблей, но даже и подготовку к этому подвигу в условиях нынешнего общественного строя? Это так же нелепо, как вообразить рабовладельцев древнего Рима, переговаривающихся между собой при помощи беспроволочного телеграфа. Не ясно ли, что современное естествознание переросло пеленки того режима, при котором возможно ... вот это?» [4, с. 49]. На этом частном примере, мы видим как мысль в буквальном смысле прорвалась в космос, несмотря ни на какое внешнее принуждение, что подтверждает теорию русского философа об объективном интеллектуальном развитии.

М.М. Филиппов выступал за умножение знания, прогрессивное развитие, а также против какого бы то ни было насилия и угнетения. Именно знание и наука, как его источник, должны, по мысли интеллигенции, избавить человека от всяких «социальных недугов». Отстаивая эту позицию, публицист выступал и против такого исполина мысли, как Л.Н. Толстой. Как известно, Толстой-«почвенник» считал науку служанкой «интересам праздных классов». В статье «О банкротстве науки и о конце мира» ученый парировал писателю, соглашаясь с тем, что при том социальном устройстве, где правит капитал, капитализируется и наука: «Капитал пользуется величайшими научными открытиями и изобретениями, он подчиняет себе полет мысли, а порою и самую совесть людей. ... буржуазное общество стремится превратить представителей науки в такие же колеса капиталистического механизма, какими являются фабричные рабочие» [12, с. 2]. Однако это не означает, что надо упразднить науку, а говорит о том, что необходимо изменение социального устройства и

ресурсы для этой трансформации создает сама наука. «...Если что-либо можно считать достаточно установленным наукой, – продолжал Филиппов, – то конечно, ...постепенную изменчивость как явлений и природы, так и результатов нашего мышления. В природе катастрофы представляются лишь как исключения, и в истории мысли даже самые крупные перевероты, вроде того, какой произведен в биологии Дарвином, подготавливается постепенной и долговременной эволюцией. Сравнительной устойчивости явлений соответствует, стало быть, сравнительная устойчивость нашего понимания этих явлений. "Банкротство науки" так же маловероятно, как и внезапное банкротство всей вселенной» [12, с. 2].

В то время как Толстой искал моральную почву для «непротивления злу насилием», Филиппов искал факты, исключаящие насилие как возможность. Предполагается, что причиной смерти главного редактора (12 июня 1903 г.), который оставался еще и ученым-исследователем, стал эксперимент со взрывчатым веществом. Опыт электрической передачи взрывной волны на большие расстояния, как полагал ученый, должен был убедить человеческое общество в бессмысленности войны как способа разрешения противоречий и заставить отказаться от насильственного разрешения жизненных задач.

Эволюция человеческой мысли – главный научный и философский интерес М.М. Филиппова. Его убеждение заключалось в том, что «наука не делает ... внезапных скачков через пустое пространство. ...Величайшие гении науки рождаются не в пустыне и не создают науки поверх какой-то *tabula rasa*» [9, с. 76]. Никакая теория не может излагаться так, будто бы до нее мысль не существовала. Любое явление, любая специальная теория должны рассматриваться в контексте всей истории мысли. Предыдущий этап знаний в зародыше содержит последующий. Это дает основание, анализируя настоящую действительность, гипотезировать будущее, а значит, сознательно направлять развитие науки и общества.

Обращение к науке в широком смысле как способу освоения окружающего мира и источнику объективного знания создает платформу для постановки рациональных целей исторической эволюции. Изучение идей «минувших дней», в том числе посредством критического исследования деятельности одного из крупных и значимых периодических изданий конца XIX – начала XX в. – журнала «Научное обозрение», позволяет сформировать важное для понимания современной действительности знание и рациональную базу для выработки устойчивой системы идей, необходимых для воспроизводства социальной жизни и обеспечения внутреннего единства социума.

Список литературы

1. Верременко В.А., Тропов И.А. Реформы и микросоциальные процессы в России (вторая половина XIX – начало XX в.) // Соц.-экон. и полит. модернизация в России. XIX–XX вв.: сб. науч. ст. / отв. ред. И.В. Кочетков. – СПб., 2001. – С. 55–63.
2. К истории журнала «Научное обозрение» // Ист. архив. – 1958. – № 6. – С. 107–138.
3. Лобов Л.П. Славянство, как национальная идея // Славянские изв. – 1910. – № 2. – С. 111–113.
4. Львов В.Е. Михаил Михайлович Филиппов // Львов В.Е. Час космоса. – М., 1962.
5. Павлов И.П. О русском уме // С.-Петербург. архив РАН. Ф. 259. Оп. 1а. Д. 4.
6. Писарев Д.И. Мыслящий пролетариат // Писарев Д.И.: собр. соч.: в 4 т. – М., 1956. – Т. 3.
7. Северный курьер. – 1899. – 5(17) нояб.
8. Филиппов Б.М. Тернистый путь русского ученого. – М., 1982.
9. Филиппов М.М. Леонардо да Винчи. – СПб., 1892.
10. Филиппов М.М. Научное обозрение. – 1894. – № 1.
11. Филиппов М.М. Социологическое учение К. Маркса // Науч. обзор. – 1897. – № 4. – С. 16–35.
12. Филиппов М.М. Вопросы науки. Письмо I. О банкротстве науки и о конце мира // Сев. вестн. – 1899. – 3(15) нояб.

**Государственная политика Российского государства
и экономическое положение дальневосточного казачества
во второй половине XIX – начале XX в.**

В статье рассматривается экономическое положение населения трех дальневосточных казачьих войск (Забайкальского, Амурского, Уссурийского) в период их существования (вторая половина XIX – начало XX в.). Особое внимание уделяется государственной политике России, направленной на улучшение положения казачества.

This article examines the economic status of population of the three Far Eastern Cossack Armies (Zabaykalskoye, Amurskoye, Ussuriyskoye) in the period of their existence (the second half of the 19th – the beginning of the 20th centuries). Particular attention is paid to the public policy of Russia towards an improvement of the state of the Cossacks.

Ключевые слова: казачество, казаки, Дальний Восток, Забайкальское казачье войско, Амурское казачье войско, Уссурийское казачье войско, государственная политика, экономическое положение.

Key words: Cossacks, Far East of Russia, Zabaykalskoye Cossack Army, Amurskoye Cossack Army, Ussuriyskoye Cossack Army, public policy, economic status.

Казачество на территории России стало складываться еще на рубеже XV–XVI вв., и изначально это происходило без участия государства, что обусловило наличие «казачьей вольницы». Данное обстоятельство определяло взаимоотношения центральной власти и казачества на протяжении нескольких веков – государство было заинтересовано в наличии значительных воинских формирований на своих границах, которые несли службу по защите рубежей страны только на условии пользования землей. Тем не менее, власть стремилась поставить казачество под свой контроль, а казаки всячески противились вмешательству в свои внутренние, а порой и внешние дела.

Эта борьба приводила к многочисленным казачьим выступлениям, самыми крупными из которых были казачьи движения во времена Смуты, восстания И.И. Болотникова, С.Т. Разина, К.А. Булавина, Е.И. Пугачева, и которые продолжались вплоть до конца XVIII в.

В итоге это многолетнее противостояние закончилось победой государства, встроившего казачество в свою систему на правах особого военного сословия [см., напр.: 6]. В результате в XIX – начале XX в. казачество стало одной из опор государственной власти и самодержавия, поэтому в ходе Гражданской войны области компактного проживания казаков стали главными центрами белого движения, а впоследствии значительная часть казачества оказалась в рядах белой эмиграции.

Однако на Дальнем Востоке России, о региональной специфике которого справедливо говорят исследователи [см., напр.: 25; 27], процесс формирования и развития казачества серьезно отличался от аналогичных процессов в европейской части страны, что привело к тому, что события начала XX в. здесь развивались по-иному, а само дальневосточное казачество во многом пошло вразрез с тем путем, по которому двигалось казачество остальных регионов страны.

В Забайкалье и на Дальний Восток казаки начали проникать уже с XVII в., но на тот момент их отряды были крайне малочисленны. Казачьи сообщества стали здесь образовываться намного позже, чем в Европейской России, и происходило это целиком по инициативе государства, заинтересованного в расширении своих границ, добыче пушнины, «оясачивании» сибирских народов, введении в хозяйственный оборот новых земель и их защите.

Казачество здесь формировалось из двух источников: а) переселение казаков из других регионов страны; б) перевод в казачье состояние людей из других социальных слоев, в том числе местных туземцев. По мере роста числа казаков, правительство в 1851 г. приняло решение организационно оформить казачество региона в Забайкальское казачье войско [21. Д. 829. Л. 3–4], а после присоединения Приамурья и Приморья к России в середине XIX в. на восточных рубежах страны были созданы еще два самостоятельных войска – Амурское в 1858 г. и Уссурийское в 1889 г. [17. Д. 41. Л. 3–6].

К середине XIX в. население региона, в частности казачество, оставалось немногочисленным. Поэтому наряду с многочисленными общероссийскими преобразованиями [2], для усиления обороны края, а также для его хозяйственного освоения на протяжении второй половины XIX в. государство провело три значительных переселения казаков на Дальний Восток из других районов страны.

Первое казачье переселение осуществлялось в 1855–1862 гг. путем водворения на Амур и Уссури забайкальских казаков и штрафованных нижних чинов из гарнизонных батальонов внутренней стражи, расквартированных в европейской части страны [11, с. 55]. Оно проводилось на следующих условиях: переселенцам подбирались удобное в сельскохозяйственном отношении место для жительства, они получали двухлетнюю льготу по службе, 15 р. на

обзаведение хозяйством и в течение двух лет провиантское довольствие. В результате данного переселения в Приамурье и Приморье прибыли около 16,4 тыс. чел., которые основали 96 станиц и поселков [12, с. 8–12]. Это позволило в 1858 г. выделить амурских и уссурийских казаков в самостоятельное Амурское казачье войско. Затем наступил 16-летний период, в течение которого переселение казачества на Дальний Восток практически отсутствовало.

Второе переселение было осуществлено в течение 1879 г., когда около половины казачьего населения, проживавшего на Уссури, переселилось в Южно-Уссурийский район, заняв территорию вдоль русско-китайской границы [11, с. 55]. Для проведения переселения казакам предоставлялись: денежное пособие в 50 р. на семейство [19. Д. 226. Л. 1–5], двухлетняя льгота от службы и провиантское довольствие на 3 года [19. Д. 195. Л. 3]. Из 911 семей, проживавших на Уссури, к переселению были назначены 390 в составе 2615 чел., которые основали десять новых поселков [9, с. 13]. Следующие 15 лет переселение казаков в регион не проводилось.

В 1895 г. началось новое крупное переселение казаков, которое продолжалось до конца XIX и в первые годы XX в. Оно было направлено в основном из казачьих войск европейской части страны в район Уссурийского участка строившегося полотна Транссибирской железной магистрали. По прибытии на место казаки освобождались от земских повинностей на три года и от станичных на один год, а от службы в первоочередных частях – на пять лет [17. Д. 41. Л. 4]. Также они получали ссуду на домообзаведение в 600 р., из которых 50 р. предназначались на приобретение строевого коня и не подлежали возврату, и провиантское довольствие в течение года [12, с. 31–33].

Необходимо обратить внимание на то, что ссуда казакам на домообзаведение с течением времени увеличилась в разы. Так, во время первого переселения эта ссуда равнялась 15 р. на одного служилого казака, во время второго – 50 р., но уже на семью, а при третьем переселении она уже выросла до 600 р., что в 40 и 12 раз больше соответственно. Это объяснялось тем, что переселенцы первых двух волн, получив такие малые ссуды, были не в состоянии не только купить военное снаряжение, которое казаки обязаны были приобретать за свой счет, но и завести элементарное хозяйство. Результатом стало обнищание многих из них сразу по водворении.

По итогам третьего переселения за период с 1895 по 1900 гг. на Дальний Восток прибыли 836 семей, что составило почти 5,5 тыс. душ мужского пола или 8185 душ обоего пола [23, с. 13]. После этого значительных казачьих переселений на Дальний Восток не проводилось. Это объясняется невозможностью успешного продолжения переселений в условиях начавшейся в 1900 г. русско-

китайской войны и Русско-японской войны 1904–1905 гг. К тому же сказывался недостаток средств, необходимых на осуществление дальнейших переселений.

Ситуация с недостатком средств усугублялась еще и тем, что правительству периодически приходилось поддерживать значительными суммами переселенцев, страдавших от частых природных катаклизмов. Вообще, само по себе переселение для казаков и их семей было большим жизненным испытанием. А если учитывать и тот факт, что многие переселенцы происходили из благоприятных в природном и хозяйственном отношении местностей юга европейской части России, Урала и Сибири, переселение их в абсолютно новый для них край с непривычными природно-климатическими условиями, который к тому же был крайне слабо освоен в хозяйственном отношении, усугубляло тяготы их повседневной жизни. Если к этому добавить, что вся территория Дальнего Востока относится к зоне рискованного земледелия, где ранние осенние заморозки могли чередоваться с муссонными дождями, а засухи весной и летом чередовались с постоянными наводнениями Амура и Уссури, становится понятно, почему огромное количество семей переселенцев обнищало сразу после переселения. Так, например, после особо сильных наводнений 1868, 1877 и 1897 гг. правительство было вынуждено выделять дополнительные пособия казакам, оставшимся без средств к существованию [16. Д. 109. Л. 229].

Одновременно ситуация осложнялась и административными причинами. Новоприбывшие казаки должны были селиться в местах, выбранных заранее местным начальством. Но места эти выбирались исходя не из хозяйственно-экономических, а из чисто административных целей: необходима была непрерывная цепь поселений для удобства отбывания почтовой гоньбы и др. В итоге множество новообразованных станиц и поселков оказывалась на непригодных для проживания местах: на неплодородных и глинистых почвах, крутых склонах холмов, без леса, без источников пресной воды и т. д.

Как результат, в 1899 г. переселенцы от Кубанского, Уральско-го, Донского и Оренбургского казачьих войск отказались селиться на предложенных им землях. Недовольство казаков дошло до такой крайней степени, что переселенцы из Донского войска вообще признали негодными все земли Уссурийского края, отказались селиться где бы то ни было и требовали возвращения на родину. Поэтому ставка при переселении была сделана на казачьи семьи, изначально проживавшие в местностях, страдающих от перенаселения и нехватки земли, а также малообеспеченные, которые бы не сопротивлялись к заселению на землях по выбору войскового начальства. Иными словами, к и так экономически слабому дальнево-

сточному казачеству стали подселять трудоспособных, но наиболее бедных казаков из других войск страны. И к их уже существовавшим материальным трудностям добавлялись еще тяготы переселения, адаптации в новых условиях, устройство хозяйства и т. д. Ведь, как уже было сказано выше, абсолютное большинство переселенцев не подсеялось в уже существовавшие станицы, а привозилось на нетронутые земли, где они сами своими силами должны были строить избы, хозяйственные постройки, освобождать из-под леса пахотные земли, в то время как их семьи ночевали под открытым небом.

Это усугублялось еще и тем, что основным требованием при подборе переселенцев стала «многосемейность», т. е. в каждой семье должно было быть не менее семи душ, из которых четыре – мужские. На практике это приводило к тому, что многие семьи, чтобы получить право на переселение, были искусственно составлены из дальних родственников, фактически являвшихся не одной, а несколькими семьями. По прибытии к местам нового поселения они сразу же распадались на самостоятельные семьи и домохозяйства, но получали только одну и без того небольшую ссуду на всех, которая делилась на два–четыре хозяйства, что приводило к практически мгновенному обнищанию переселенцев [14. Д. 581. Л. 9].

К этому добавлялись и повинности, лежащие на казаках. Основной обязанностью для казачества являлась воинская служба. В первые годы по переселению новоприбывшие казаки имели льготу от воинской службы (от двух до пяти лет в зависимости от года проведения переселения). Однако казачье население также несло обязанность по поддержанию в порядке и исправности всей инфраструктуры на войсковых землях. Законодательно, от данных натуральных повинностей казаки-переселенцы также были освобождены на срок от года до трех лет. Но на практике от них освобождались только те казаки, которые подсеялись в уже существовавшие поселки. Это объяснялось тем, что несение данных повинностей было необходимо для поддержания нормальной жизни казачьего сообщества. Поэтому те из казаков, кто переселялся в уже существующие станицы, могли их не выполнять, так как за них данные повинности несли другие. Но подавляющее большинство селилось на новых местах, и, несмотря на то, что по закону они были освобождены от несения натуральных повинностей, на практике они их выполняли.

Такие повинности, как дорожная, караульная, почтовая были особенно тяжелыми для казачьего населения. Например, уссурийские казаки на их выполнение тратили в год 34.442 человеко-дня. По мнению Комиссии по улучшению быта Амурского казачьего войска, проводившей экспертизу в 1874 г., данные натуральные повинности

были одной из основных причин тяжелого экономического положения казаков региона [19. Д. 195. Л. 3].

Все эти факторы крайне тяжело отражались на быте казаков, в результате чего дальневосточное казачество находилось по сравнению с казаками других регионов России, а также с соседними маньчжурами и китайцами, в весьма бедственном положении. Это особо отмечалось Комиссией по улучшению быта Амурского войска: «экономическое положение казачьего населения здесь до крайности неблагоприятно» [19. Д. 195. Л. 2]. Так, 72 % всего населения Амурского войска на 1876 г. имели менее 2/3 десятины земли на душу под посевом, и из них у трети – менее половины десятины на душу. 55 % населения собирали недостаточное количество хлеба для продовольствия, которого, за отделением на посев, приходилось менее 17 пудов на душу, и из них у 33 % – менее 10 пудов на душу. Это было ниже так называемого «голодного минимума», необходимого для поддержания минимальных условий жизни, определенного С.А. Нефедовым в 17 пудов на душу [13, с. 43]. Уссурийское население проживало еще хуже – 60 % засеивали менее половины десятины на душу, а в ряде станиц – 1/6 десятины, собирая только пять пудов хлеба на душу, чего не хватало даже для посева на следующий год [19. Д. 195. Л. 2]. Причины такого бедственного положения казаков усматривались комиссией в уже указанных выше обстоятельствах.

Таким образом, если с точки зрения военной целесообразности, массовые переселения казаков на Дальний Восток и включение их в состав местного казачества во второй половине XIX в. и усилили боевой потенциал данных войск и региона в целом, то в экономическом плане, они еще более их ослабили, и в первую очередь это сказалось на и без того бедствующем амурском и уссурийском казачестве.

Только к началу XX в., когда основная масса казаков-переселенцев проживала на Дальнем Востоке уже не одно десятилетие, успев прочно осесть, адаптироваться к местным условиям и завестись хозяйством, экономическое состояние дальневосточного казачества стало изменяться к лучшему. Тем не менее, к моменту начала нового века не прошло еще достаточного времени, чтобы ситуация кардинально изменилась. С наступлением XX в. дальневосточные казачьи войска были вынуждены принять участие в трех глобальных военных конфликтах, напрямую их затронувших: в русско-китайской войне (1900–1901), Русско-японской войне (1904–1905) и Первой мировой войне.

С одной стороны, участие дальневосточного казачества в данных войнах было абсолютно оправданным: казачьи войска создавались на Дальнем Востоке прежде всего на случай возможного

противостояния с регулярными частями государств-соседей, таких как Китай и Япония, а возможно и Англии, Франции, Германии и США.

Однако с другой стороны, участие дальневосточных казаков в серии из трех крупных войн, которые произошли за относительно короткий промежуток времени, стало губительным для них, так как крайне сильно ударило по хозяйствам казаков. Тяготы войн, а также нестабильная внутривосточная ситуация начала века, наложившиеся на еще неокрепшую экономическую базу данных войск, окончательно привели хозяйства дальневосточных казаков к 1917 г. к полному разорению.

Стоит отметить, что эти войны напрямую не затронули хозяйства казаков – боевые действия на территории их проживания не проводились, а значит, не было разрушений, грабежей, угонов скота, с которыми обычно сопряжены военные действия [8, с. 423].

Однако войны принесли хозяйствам казаков косвенный ущерб, причем весьма значительный. Дело в том, что ведение военных действий всегда связано с потерей и порчей амуниции и оружия бойцов. Но тогда как регулярные войска получали амуницию и обмундирование за счет казны, казаки были обязаны обеспечивать себя всем необходимым самостоятельно. А тем временем снаряжение казака на военную службу обходилось в начале XX в. очень дорого – около 330 р. на человека, считая стоимость строевого коня (около 50 р.). Учитывая, что средний годовой доход на одну мужскую душу казачьего населения в это время составлял 33 р. 58 к. в год [24, с. 37], стоимость полного комплекта амуниции равнялась 10-летнему доходу казака.

Одновременно войны начала XX в. оторвали от земледельческого труда, который был основой благосостояния казаков в России, огромное число трудоспособных мужчин. Отправляя казака на фронт, семья лишалась мужских рабочих рук, незаменимых в сельском хозяйстве, а зачастую, и единственного кормильца. Так, во время русско-китайской войны было задействовано около 80 % мужского населения Амурского войска. Во время Русско-японской войны в строй было поставлено почти все мужское население дальневосточных войск: одно только Забайкальское войско выставило свыше 15 тыс. чел., Уссурийское – около 1,5 тыс. чел., Амурское – 1687 чел. [10, с. 123]. Во время Первой мировой войны дальневосточные войска отправили свои строевые части на европейский театр военных действий, тогда как за ними еще была сохранена обязанность по охране восточной границы [4, с. 24–26]. Так, только Уссурийское войско отправило на фронт свыше 2,5 тыс. казаков. Иными словами, во время этих войн, особенно в Первую мировую

войну, казачьи станицы на Дальнем Востоке страны остались практически без трудоспособных мужчин.

Одновременно во время войн казачьи хозяйства лишались и основного средства транспорта и тягловой силы – лошади. Соединения дальневосточных войск были в подавляющем большинстве кавалерийскими, и каждый казак был обязан иметь строевого коня, покупка которого, как уже было сказано выше, в начале XX в. обходилась в 50 р. На лошадь для сельскохозяйственных работ денег, как правило, уже не оставалось, поэтому в хозяйстве была всего одна лошадь, которая в мирное время использовалась для пашни, а в военное – в строю. Поэтому, отправляясь на фронт, казаки не только лишали семью свои рабочих рук, но и забирали с собой единственного коня, без которого невозможно было нормальное функционирование хозяйства.

Государство, видя, в каком тяжелом экономическом положении находилось дальневосточное казачество, стало предпринимать ряд мер, направленных на его улучшение. Так, еще с конца XIX в. был взят курс на постепенное уменьшение количества натуральных повинностей, которые отнимали столько сил и времени у казаков [7, с. 76].

Однако данный государственный курс отличался определенной противоречивостью и непоследовательностью. Во-первых, несмотря на общую цель снизить нагрузку на казаков, были отменены только самые незначительные из повинностей. Одновременно их тяжесть даже несколько выросла. Так, казаки Забайкальского войска, единственные среди всех казачьих войск России, в результате ошибки делопроизводителей в течение 30 лет с 1875 по 1905 гг. отбывали еще и подушную подать [18. Д. 128. Л. 7–9, 31].

Другой государственной мерой, направленной на улучшение положения казаков, стало регулярное субсидирование населения и администрации казачьих войск значительными денежными суммами. Так, только Забайкальскому войску государство выделяло на покрытие дефицита по войсковой смете: в 1904–1908 гг. по 46 тыс. р. в год, в 1909 г. – 66 тыс. р., в 1910 г. – 67 тыс. р., в 1911 г. – 50 тыс. р., 1912 г. – 43 тыс. р., 1913 г. – 35 тыс. р. [15. Д. 31297. Л. 1].

Государство также выделяло пособия и непосредственно казачьему населению. Происходило это в случае неурожаев, наводнений, падежа скота и т. д., и зачастую на это шли значительные суммы. Так, после начала Русско-японской войны в январе 1904 г. правительство, осознавая, что дальневосточные казаки еще не успели оправиться от недавно окончившейся русско-китайской войны и что им вскоре предстоит вынести на себе еще и тяготы новых сражений, приняло решение о том, чтобы всем казакам Забайкаль-

ского, Амурского и Уссурийского войск выплачивалось единовременное пособие от казны в размере 100 р. [5, с. 12].

Противоречивость государственной политики проявлялась и здесь. Несмотря на то что правительству приходилось постоянно выделять крупные суммы на поддержку дальневосточного казачества, непосредственно перед Первой мировой войной оно лишило экономически слабые Амурское и Уссурийское войска значительной части своих доходов.

В 1894 г. Приамурский генерал-губернатор С.М. Духовской отвел в распоряжение правлений Амурского и Уссурийского казачьих войск почти 15 млн десятин земли [14. Д. 180. Л. 3–9], которые получили название «отвода Духовского». Из общего количества (14 927 тыс. десятин) Амурскому войску было передано 5 785 тыс., а Уссурийскому – 9 142 тыс. десятин [3, с. 49]. Стоит отметить, что данные войска получали основной доход на свое содержание именно от эксплуатации обширных лесных массивов в границах отвода Духовского. Однако решение С.М. Духовского юридически оформлено не было.

В итоге 21 июня 1913 г. все свободные от наделов казачьего населения Амурского и Уссурийского войск государственные лесные площади в пределах отвода, в количестве 11 242 317 десятин (от Амурского войска – 4 333 144, от Уссурийского – 6 909 173) передавались в ведение Главного управления землеустройства и земледелия [20. Д. 816. Л. 3]. С этого момента в ведении войсковых правлений остались лишь те лесные площади, которые входили в состав казачьих поселковых наделов.

Одновременно Амурскому и Уссурийскому войскам в качестве компенсации за изъятие из их пользования лесов ежегодно было определено пособие от казны в размере полученной ими прибыли от этих земель в 1912 г., что составляло 100 тыс. р. для Амурского войска и 303 тыс. р. для Уссурийского войска [20. Д. 816. Л. 3 об.]. Однако с началом Первой мировой войны государство в этом вопросе, как и в целом ряде других случаев [см.: 1; 26], оказалось неспособным выполнить взятые на себя обязательства, в результате чего доходы этих войск резко упали. Так, в 1914 г. Амурскому войску было передано 70 тыс. р., Уссурийскому – 130 тыс. р., в 1915 г. – 70 тыс. и 50 тыс. р. соответственно. Иными словами, в условиях войны доходы Амурского войска от изъятых земель отвода Духовского сократились на треть, а Уссурийского – более чем в шесть раз. В 1916 г. вопрос о компенсации данным войскам за изъятые земли рассматривался в Государственной думе, которая постановила, что само существование отвода Духовского было нарушением законодательства, следовательно, отсутствовали и юридические основа-

ния для возмещения казакам дохода от переданных земель [20. Д. 816. Л. 12].

В итоге в условиях войны Амурское и Уссурийское войска остались вообще без какой-либо компенсации за перешедшие в казну земли отвода Духовского и без доходов от лесов. Это особенно сильно ударило по относительно малочисленному Уссурийскому войску, чей бюджет в сравнении с другими казачьими войсками был мал, но доходы от лесов были значительными и составляли львиную долю бюджета всего войска.

Таким образом, государственные меры, направленные на улучшение экономического положения дальневосточного казачества, оказались крайне противоречивыми и явно недостаточными, чтобы изменить ситуацию к лучшему.

Простые казаки, видя сложившиеся обстоятельства, не могли не сравнивать свое положение с собратьями из других регионов России, и это сравнение было явно не в их пользу: природные условия для земледелия хуже, частые стихийные бедствия, намного больше натуральных повинностей. Одновременно они сравнивали свое положение и с другим земледельческим населением края – с крестьянами, а также инородцами, прежде всего китайцами, корейцами и маньчжурами. Положение было не в их пользу и здесь – проживали они в одинаковых условиях, но казаки были обязаны еще выполнять воинскую и целый ряд натуральных повинностей. Такая ситуация, при которой местное казачество находилось в худших условиях, чем местное же крестьянство и инородцы, вызывало особое беспокойство у комиссии по улучшению быта Амурского войска [19. Д. 195. Л. 2].

В результате многие казаки Дальнего Востока стали тяготиться своей сословной принадлежностью и связанными с ней повинностями. В их среде стали набирать популярность идеи расказачивания, т. е. упразднения войск и выхода казаков региона из войскового состояния и включения их в крестьянское сословие.

Законодательно возможность выхода из казачьего сословия декларировалась законом 1883 г., по которому такое право предоставлялось отставным казакам в любое время, а служилого разряда – лишь при условии достаточного числа военнообязанных в войске. Тем не менее, закон этот на практике практически не применялся, так как решение данного вопроса оказалось в руках войскового начальства, которое было заинтересовано в увеличении числа военнообязанных в войсках, поэтому практически никому такого права не давало.

Идеи расказачивания стали особенно популярны среди казаков Амурского и Уссурийского войск. Так, после образования этих войск казаки их северных станичных округов получили наделы, в боль-

шинстве своем малопригодные для земледелия и жили, главным образом, посторонними заработками, не пользуясь основной привилегией казачества в России – землей, но при этом выполняя все положенные повинности.

Постепенно стремление к переходу в крестьянство стали разделять и многие из тех казаков, кто жил земледельческим трудом. Так, Войсковое правление Уссурийского войска в докладе министру внутренних дел отмечало, что в войске все чаще казачье население сравнивало меры правительственной помощи казакам и соседним крестьянам и все чаще приходило к убеждению, что «для крестьян правительство быстро вводит многие полезные мероприятия, которые для казаков проводятся запоздало и в урезанном виде или совсем не осуществляются». Отмечалось, что «казачье население относит такого рода явления к вине своего войскового начальства, а авторитет и популярность власти при таких условиях неуклонно падает» [22. Д. 68. Л. 6].

Ко времени революции 1905–1907 гг. недовольство в казачьей среде дошло до такой степени, что оно уже было готово вылиться в действие. Началом революционного выступления казачества на Дальнем Востоке в годы Первой русской революции считается забастовка 2-й полусотни и 3-й сотни Амурского казачьего дивизиона, во время которой казаки увольнительного срока самовольно бросили службу и разъехались по домам. Основным требованием казаков стало немедленное увольнение их со службы.

В условиях революционного подъема 15 декабря 1905 г. в Благовещенске открылся 1-й Амурский казачий съезд, который продолжал свою работу до 21 января 1906 г. Одним из основных требований, выдвинутых представителями казачества на съезде, стала выдача обмундирования казакам за государственный счет, которое некоторые делегаты развили до требования упразднить казачье сословие [24, с. 52].

К 1917 г., в условиях Первой мировой войны, когда положение оставшихся на Дальнем Востоке семей казаков даже в документах характеризовалась как катастрофическое, ситуация накалилась до предела. Рядовые казаки, воевавшие на фронте, зная о ситуации дома из писем и слухов и устав от войны, стремились скорее вернуться в родной край и помочь своим близким. Это стало благоприятной почвой для развития революционных настроений у значительной части дальневосточного казачества.

В итоге Февральская революция 1917 г., приведшая к активизации различных социальных сил на Дальнем Востоке [27, с. 100–104], нашла среди дальневосточных казаков достаточно широкую поддержку. В их среде началось обсуждение вопроса об упразднении казачества как сословия, а также об отношении к происходящим в

стране событиям и к новым властям. На многочисленных казачьих сходах и съездах принимались решения о поддержке февральских событий, звучали призывы к созыву Учредительного собрания и упразднению казачьего сословия.

Ситуация резко обострилась после Октябрьской революции 1917 г. В среде казачества Дальнего Востока произошел раскол – часть казаков не признала власть большевиков и впоследствии приняла участие в Гражданской войне на стороне «белых». Однако многие казаки, прежде всего фронтовики, которые начали массово возвращаться домой, выступили в Гражданской войне на стороне «красных», так как они в целом разделяли идею, проводимую новой властью в их отношении, а именно немедленное упразднение войскового сословия и казачьих войск.

Список литературы

1. Вереме́нко В.А. Проблема внебрачных семей офицеров и запасных в России начала XX в. // Война и повседневная жизнь населения России XVII–XX вв. (к столетию начала Первой мировой войны): материалы междунар. науч. конф., 14–16 марта 2014 г. / под общ. ред. проф. В.Н. Скворцова; отв. ред. В.А. Вереме́нко. – СПб., 2014. – С. 157–164.

2. Вереме́нко В.А., Тропов И.А. Реформы и микросоциальные процессы в России (вторая половина XIX – начало XX в.) // Социально-экономическая и политическая модернизация в России. XIX–XX вв.: сб. науч. ст. / отв. ред. И.В. Кочетков. – СПб., 2001. – С. 55–63.

3. Воронина А.Я. К вопросу о землеустройстве Забайкальского казачьего войска // Социально-экономическое развитие Сибири в XIX–XX вв. – Иркутск, 1976. – С. 48–57.

4. Воскобойников Г.Л. Казачество в Первой мировой войне 1914–1918 гг. – М., 1994.

5. Воскобойников Г.Л. Казачество в русско-японской войне 1904–1905 гг. – Ростов н/Д., 1995.

6. Годовова Е.В. Оренбургское казачье войско в 1798–1865 годах. – Самара, 2007.

7. Голик А.А. Государственная политика России в отношении податного обложения дальневосточного казачества во второй половине XIX – начале XX в. // Вестн. Ленингр. гос. ун-та им. А.С. Пушкина. – 2012. – №4. – Т. 4. История. – С. 73–79.

8. Голик А.А. Повседневность дальневосточного казачества в условиях военных конфликтов начала XX в. // Война и повседневная жизнь населения России XVII–XX вв. (к столетию начала Первой мировой войны) / под общ. ред. В.Н. Скворцова; отв. ред. В.А. Вереме́нко. – СПб., 2014. – С. 420–426.

9. Иванов В.Д., Сергеев О.И. Уссурийское казачье войско: история и современность (к 110-й годовщине образования УКВ). – Владивосток, 1999.

10. Иванов Р.С. Краткая история Амурского казачьего войска. – Благовещенск, 1912.

11. Лазарева С.И., Сергеев О.И. Поселения 1879 г. в Уссурийском казачьем войске (к 130-летию со времен основания) // Казачество Дальнего Востока России в XVII–XXI вв.: к 120-летию Уссурийского казачьего войска. – Хабаровск, 2009. – С. 55–62.

12. Материалы, относящиеся до земельного и экономического положения Амурского и Уссурийского казачьих войск. Вып. 1. Казачья колонизация Приамурского края. – СПб., 1902.
13. О причинах Русской революции / отв. ред. Л.Е. Гринин, А.В. Коротаев, С.Ю. Малков. – М., 2010.
14. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 391. Оп. 2.
15. РГИА. Ф. 565. Оп. 9.
16. РГИА. Ф. 565. Оп. 14.
17. РГИА. Ф. 1149. Оп. 11.
18. РГИА. Ф. 1149. Оп. 13.
19. РГИА. Ф. 1152. Оп. 9.
20. РГИА. Ф. 1278. Оп. 7.
21. РГИА. Ф. 1286. Оп. 10.
22. РГИА. Ф. 1291. Оп. 132.
23. Статистический обзор современного положения казачьих войск с приложением картограмм и многих диаграмм. – СПб., 1903.
24. Титлина Е.Ю. Власть и казачество Дальнего Востока (взаимоотношения Российского государства и дальневосточного казачества в период с 50-х гг. XIX в. по 30-е гг. XX в.). – Благовещенск, 2006.
25. Тропов И.А. История российского Дальнего Востока в трудах О.А. Яковлевой // Столица и провинции: взаимоотношения центра и регионов в истории России: материалы Всерос. науч. конф. с междунар. участием / отв. ред. В.В. Карпова. – Вып. 5. – СПб., 2014. – С. 8–14.
26. Тропов И.А. К вопросу о восприятии власти российской интеллигенцией накануне и в годы Первой мировой войны // Первая мировая война: история и психология: материалы рос. науч. конф. / под ред. В.И. Старцева и др. – СПб., 1999. – С. 85–89.
27. Тропов И.А. Политическая ситуация на Дальнем Востоке после свержения самодержавия: общероссийский опыт и региональные особенности // Столица и провинции: взаимоотношения центра и регионов в истории России: материалы Всерос. науч. конф. / отв. ред. В.В. Карпова. – Вып. 4. – СПб., 2013. – С. 98–105.

Вопросы реформирования института податной инспекции в России в феврале–октябре 1917 г.

В статье рассматривается проблема модернизации одного из фискальных органов России – Податной инспекции в один из самых сложных периодов нашей истории – с февраля по октябрь 1917 г. Большое внимание уделено деятельности Съезду инспекторов, на котором рассматривались самые злободневные задачи податной службы.

The article deals with the problem of modernization of one of the Russian fiscal authorities Tax inspection, which took place in one of the most difficult period in the history of Russia – from February to October 1917. Much attention is paid to the activities of the Congress of inspectors, which addressed the most pressing problems of taxation services.

Ключевые слова: податная инспекция, налоги, съезд, финансы, организация налогового ведомства.

Key words: taxpaying inspection, taxes, congress, finance, business tax administration.

Организации налоговой службы в Российском государстве уделяют внимание не большое количество исследователей, однако эта проблема является очень важной, поскольку от четкого механизма взимания сборов зависит наполняемость бюджета любого уровня.

В середине 80-х гг. XIX столетия ввиду острой необходимости был учрежден новый фискальный орган – податная инспекция. На первых порах количество служащих в ней не превышало 500 чел. для всей страны. Исключительное право назначать, распределять, переводить инспекторов по каждому из участков в губерниях предоставлялось Минфину. Деятельность инспекторов напрямую была связана с Казенной палатой, которой работник налоговой службы был обязан содействовать по разным поручениям, исходящим от вышестоящей организации, в том числе «по приведению в известность ценности недвижимого имущества». Новые чиновники имели право проводить ревизии в обществах, товариществах, проверять отдельных налогоплательщиков по раскладке казенных сборов и т. д. [9, с. 179–181]. В дальнейшем обязанности инспекторов расширялись, к примеру, в 1899 г. появилось «Положение о податных инспекторах», регламентирующее их деятельность.

Податной инспектор Харьковской губернии называл более тридцати обязанностей, лежавших на нем как фискальном агенте в 1910 г. К ним относились: проверка в городской управе выдачи промысловых свидетельств и своевременной сдачи вырученных денег в казначейство; надзор за выборкой табачных и питейных патентов; наблюдение за назначением, взиманием (квартирного налога, гербового сбора, государственного налога с недвижимого имущества, окладных сборов с крестьян); выяснение состояния и ценности наследства; установление податного счета земель и наблюдение за распределением сборов между отдельными землевладельцами; ревизия казначейства внезапная (по поручению управляющего казенной палатой) и участие в срочной и т. д. [13, с. 9–10].

В 1912 г. П.Г. Гавриков (начальник окладного отделения Киевской казенной палаты) писал: «В основу всей своей деятельности податные инспектора должны положить сознание того, что он не только служит фискальным органом Министерства финансов, в тесном смысле этого слова, но также, притом главным образом, является высшим агентом Министерства, надсматривающим над экономическим положением населения в целях возможного правильного распределения податного бремени и согласования этого бремени с его платежными силами» [7, с. 1].

При назначении на должность в 1885 г. податные инспекторы получали высшие (1800 р.) или низшие (1500 р.) оклады в год, величина которых сохранилась без изменения до 1914 г., когда был принят закон «Об изменении состава податного надзора и увеличении отпускаемых на его содержание из Государственного казначейства средств». Податному инспектору присваивался годовой оклад содержания, зависящий от местности, в которой он служил. В обеих столицах – по 3400 р. и далее с уменьшением по четырем разрядам местностей. Это было, конечно, прогрессивное решение, однако «даже начинающий инспектор в самом глухом уезде Нижегородской губернии имел теперь годовой оклад содержания на 44,4 % больше, чем в свое время тот же ветеран Моклоков [служил более всех податным инспектором в Нижегородской губернии – Е.К.] с его высшим окладом по Закону 1885 г. Правда, возросшая стоимость жизни сделала новые оклады чинов податного надзора по их покупательной способности ничуть не выше тех, что были у пионеров податного надзора в 1885 г.» [3, с. 134]. Повышенное жалование «съела» инфляция военного времени, а предусмотренных новым законом помощников и делопроизводителей забрали в армию.

Не изменила существенно положение этой группы чиновничества и Февральская революция 1917 г., которую большинство служащих встретили восторженно. Это был период

всеобщей эйфории, когда все граждане России не оставались равнодушными к судьбе своей страны [12, с. 50–58].

Так, 23 июня 1917 г. открылся Первый всероссийский съезд делегатов служащих в учреждениях Министерства финансов. На нем присутствовали представители от Временного правительства – Н.И. Харьковский, а также других государственных органов. В работе принимало участие 89 депутатов, делегированных 19 губернскими казенными палатами (Екатеринбурга, Новгорода, Оренбурга, Витебска, Тамбова, Петрограда и др.), представители от Государственного казначейства, Государственного банка, КВЖД, Податной инспекции (от Канцелярии податной инспекции – А. Воскресенский, Л. Пиотровский, от Совета податных инспекторов – В. Егенстов, И. Портянко), таможи и т. д. [2. Л. 22]. Перед съездом стояли следующие задачи: убедить правительство в том, что важно опираться на союзы служащих, так как только через союз можно «знать проводятся ли начала нового управления в жизнь; содействовать всеми мерами, чтобы такие лица (ставленники прежней власти, не принявшие новой) как можно скорее приспособить к новым условиям жизни» и др. Основной целью этого мероприятия было желание демократизации службы. После обсуждения предложенных вопросов, съезд вынес решения: дела по личному составу (о приеме на службу, повышениях и т. д.) разрешаются при участии самих служащих в лице выборных ими органов; участие в составе вышеуказанных органов не распространяется на лиц, являющихся ответственными руководителями отдельных органов данного учреждения; при несогласии начальника учреждения с мнением выборных органов, оба мнения представляются ими на усмотрение вышестоящего начальства.

В августе 1917 г. состоялся Первый всероссийский съезд податных инспекторов и их помощников, на который прибыло 132 делегата от 58 инспекторских организаций всех губерний и областей России, за исключением губерний, занятых неприятелем, а также Волынской губернии и Якутской области [8, с. 3]. Заседания проходили в здании Московского университета. На открытие первого заседания 7 августа 1917 г. прибыли председатель Государственной думы М.В. Родзянко, бывший министр финансов А.И. Шингарев, начальник Управления Московской казенной палаты Ф.И. Шевцов.

Большой интерес вызвало выступление представителя Новгородской податной инспекции А.И. Вербицкого, который указал, что «Империя рухнула, затяжная война требует все новые и новые расходы, поэтому требуется полная перестройка – нужно новое финансовое здание. Податные инспекторы не могут быть немymi свидетелями перестройки финансовой системы, на которую ориен-

тируется один Департамент окладными сборами сам по себе мало способный. Лучшие налоговые идеи Запада так перерабатываются Департаментом, что на местах их принять почти нельзя; насадители новых законов часто не знали Россию – многие видели ее только из окна салона-вагона. Из всех сел России ближе знали только одно село – Царское» [8, с. 11]. Выступающий подчеркивал, что зачастую взгляды из столицы и из провинции на одну и ту же проблему не совпадали, а иногда находятся и в полном противоречии, а мероприятия, которые проводились, снижали авторитет финансовых органов на местах. «Департамент окладными сборами, руководствуясь принципами экономии до последнего времени, в значительной мере расшатывал аппарат Податной инспекции» [8, с. 12].

Был затронут и вопрос о текущем политическом моменте, который оставался крайне сложным и противоречивым. Представитель Московской податной инспекции П.В. Хмелевской говорил: «Мы – инспектора – ближайшие на местах органы Министерства финансов, и представлено нам широкое поле деятельности, т. к. денежная сторона жизни государства пострадала настолько, что Россия близка к банкротству. Этих денежных знаков на руках населения масса, ценность рубля ничтожна, государственные займы не покрываются, налоги поступают неудовлетворительно и наблюдения за их поступлением почти нет: старая – полиция – упразднена, а новая – милиция – не приносит ни каких видимых достижений; некоторые виды действующих налогов настолько устарели, что подлежат отмене безотлагательно; новые виды налогов, введенные старым правительством, построены на случайном течении событий, бессистемны, а потому весьма неудачны. Подоходный налог – это фундамент будущих налогов – не испытан еще, но заранее можно сказать, что многое в нем тяжеловесно и непрактично как для плательщика, так и для податного надзора. Положение Родины настолько прискорбно, что заметно смущение даже некоторых представителей крайне левых партий. ... наша ближайшая задача сплотиться, чтобы спасти то, что еще не окончательно погибло» [8, с. 15]. При этом выступающий подчеркивал, что «Податные инспекторы близко стоят к народному карману, но руки их чисты» [8, с. 26].

Кроме рассмотрения общих вопросов, на съезде обсуждались и вопросы кардинальной реформы инспекции, были разработаны общие основания преобразования института фискальных агентов. «Податные инспектора выделяются в самостоятельный и независимый от казенной палаты институт с выборным началом при назначениях и перемещениях» [8, с. 34]. При этом отмечалось, что участковые, губернские (областные) податные инспекторы и их помощники, а также губернские и участковые податные учреждения (присутствия, губернские съезды, губернские советы) самостоя-

тельны в своей деятельности и независимы от других губернских учреждений. Для управления податными делами и определения налогов в каждой губернии должны быть созданы: а) участковые и губернские податные присутствия; б) съезды участковых податных инспекторов; в) губернские Советы [1. Л. 22].

Круг обязанностей фискального агента был значительно сужен: «на податного инспектора возлагается лишь общее наблюдение за взысканием налогов без фактического участия в деле взыскания», для чего агентам предоставлялось право ревизии органов взыскания. Основными функциями фискального агента определялись: а) председательствование в участковых податных присутствиях; б) проведение подготовительных работ по установлению размеров налогов и предоставление льгот; в) другие обязанности, предусмотренные другими специальными законами.

При податных инспекторах должны были состоять их помощники, канцелярии – участковые податные управления, и подчиненные ему органы наружной службы. Особое внимание обращалось на кандидатов в помощники податного инспектора. Это должны были быть подготовленные агенты для занятия должности податного инспектора, которые руководствовались бы в своей служебной деятельности указаниями податного инспектора в целях правильного изучения ими податного дела.

Участковые податные инспектора и их помощники должны были избираться без ограничения срока, они же выбирали из своего состава губернского податного инспектора на определенный срок. В результате обсуждения была составлена схема организации податной инспекции: «1. Первая инстанция: а) участковые податные присутствия с подсобными органами; б) участковая податная инспекция, при нем помощник и канцелярия; 2. а) апелляционный институт: губернское податное присутствие во главе присутствия – губернский податной инспектор с необходимым числом его товарищей; б) Губернский съезд податных инспекторов и их помощников под председательством губернского инспектора – орган объединяющий и инструктирующий податных инспекторов; в) Губернский совет податных инспекторов: постоянный исполнительный орган не связанный с деятельностью губернского податного присутствия. Губернский совет должен был состоять при губернском податном инспекторе и собираться под его председательством; 3. кассационная инстанция – Сенат; 4. а) Всероссийский съезд податных инспекторов – орган объединяющий деятельность всей корпорации, принимает участие в рассмотрении законопроектов и других важнейших мероприятий правительства, касающихся податного дела и податной инспекции; б) совет Всероссийского съезда податных инспекторов – исполнительный орган Всероссийского съезда; 5. Ревизоры,

состоящие при центральных органах (Департамент окладных сборов) и назначались Министерством финансов из кандидатов, избираемых на Всероссийском съезде податных инспекторов» [8, с. 39–40].

Конечно, не могли податные инспекторы обойти вопрос об их финансовом положении. Еще в 1913 г. был внесен закон в Государственную думу «Об изменении состава податного надзора и об увеличении отпускаемых на его содержание средств», но он так и не был принят в жизнь. В целом «оклады податных инспекторов колебались от 2219 руб., до 3039 руб. В некоторых частях доход податных инспекторов доходил до 3,3–3,5 тыс. руб. Для младших и старших помощников еще меньше – старший помощник – от 1200 до 1600 руб., а младший – 750 руб.» [6, с. 13].

Конечно, этого жалования, особенно в условиях военной инфляции, служащим катастрофически не хватало, а ведь необходимо было принять во внимание, что в инспекции были люди, получившие высшее образование и прослужившие несколько лет в казенных палатах, имеющие огромный опыт и авторитет у населения. Это было особенно важно, так как, «действующие податные законы не являются вполне согласованными с основными признаками финансового права – уравнительностью и прогрессивностью обложения, в тоже время страдают оторванностью от жизни, неясностью изложения и малой доступностью для понимания даже интеллигентных плательщиков, почему проведение их в жизнь встречает затруднения и не даёт надлежащих результатов». В этой связи по решению съезда и было запланировано осуществить прибавку в размере 400 р. в год. Были утверждены также и прибавки на дороговизну служащим казенным палат [8, с. 46].

Также было принято решение об утверждении устава губернских (областных) союзов податных инспекторов. Главной его целью провозглашалось «улучшение постановки податного дела на местах и защита моральных, профессиональных, служебно-правовых и экономических интересов своих членов». Для ее успешного воплощения в жизнь предполагалось, например, обсуждать вопросы, касающиеся изменений службы по податной инспекции, а также вопросы о после служебном обеспечении (пенсии) своих членов; принимать меры к возможно полному ознакомлению населения с его податными правами и обязанностями; брать на себя защиту моральных, профессиональных, служебно-правовых и экономических интересов своих членов и т. д.

Ведению и решению собрания подлежали следующие дела: определение ближайшего направления деятельности Союза; обсуждение мероприятий по улучшению постановки податного дела; образование в интересах членов Союза всякого рода учреждений взаимопомощи; разрешение конфликтов между членами Союза и

рассмотрение жалоб и заявлений на действия членов, противоречащих служебной и товарищеской этике, а в случае надобности – образование примирительных камер – судов чести или товарищеских судов; определение размера членских и других взносов и т. д. В состав союза могли входить податные инспектора и их помощники [8, с. 75].

Также съездом было принято решение о создании Всероссийского союза податных инспекторов и их помощников, целями которого были: «а) содействие местным союзам к возможному лучшему исполнению их членами своего служебного долга в интересах государства и общества и б) защита моральных, профессиональных, служебно-правовых и экономических интересов членов тех местных союзов, которые входят в состав Всероссийского Союза», при этом указывалось, что «губернские и областные Союзы, сохраняя автономность в вопросах местной и внутренней жизни, обязуются представлять Всероссийский союз в известность о всех своих действиях и выступлениях, имеющих общее значение» [8, с. 83].

Потенциальными направлениями работы съезда могли быть: обсуждение насущных задач и вынесение заключений по вопросам финансового законодательства, применения на практике действующих законов; обсуждение вопросов, связанных с профессиональным, служебно-правовым и экономическим положением членов местной организации и вынесение по ним заключения и т. д.

В последний день работы, в целях устранения недочетов в реализации податного дела и в положении податного института – I Всероссийский съезд податных инспекторов и их помощников, заявив «о полной готовности отдать все свои силы на служение родине, постановил:

1. Податные законы должны быть пересмотрены и приведены в соответствие с демократическим строем государства, т. е. в соответствие с принципами уравнительности и прогрессивности обложения; они должны быть общедоступно изложены, а издания в их развитие и разъяснение инструкции должны действительно способствовать правильному и однородному их применению в жизни. Инструкция по подоходному налогу должна быть немедленно предоставлена.

2. Обсуждение податных законопроектов в Министерстве, равно выработка инструкций и делопроизводственных форм, должны производиться при обязательном участии с правом решающего голоса опытных в практике податного дела представителей Податной Инспекции из числа Инспекторов, избранных Всероссийским Съездом в центральный исполнительный орган Союза Инспекторов и их Помощников.

3. Институт Податных Инспекторов должен быть реорганизован и поставлен вне служебной зависимости от Управляющих Казенными Палатами и от Казенных Палат.

4. Назначение Министром Финансов на должности Податных Инспекторов и их Помощников, равно перемещения Податных Инспекторов и их Помощников должно производиться по общему кандидатскому списку, составленному на основании рекомендательных списков Губернских Съездов Податных Инспекторов и их Помощников.

5. Ревизии Податных Инспекторов и их Помощников должны производиться ревизорами в присутствии представителей местной Податной Инспекции. Копия отчета по ревизии сообщается обречиванному лицу.

6. Число податных участков должно быть заблаговременно, до 1 января 1918 г., приведено в соответствии с количеством возложенной на инспекторов работы, причем для определения размеров нормального подоходного участка, соответствующая нормам должны быть выработаны в Департаменте при обязательном участии представителей Податной Инспекции из числа лиц, избранных на Всероссийском Съезде Податных Инспекторов и их помощников в центральный исполнительный орган Союза Инспекторов.

7. Вознаграждение служащих в канцеляриях податных инспекторов должно быть доведено до такого размера, чтобы Податные инспектора не встречали затруднений материального характера при приглашении на службу в канцелярию подходящих для работы людей. Соответственные нормам вознаграждения должны быть выработаны в Департаменте при обязательном участии означенных в предшествующем пункте представителей Податной Инспекции.

8. Учитывая важность возложенных на должностных лиц Податной Инспекции обязанностей, срочно необходимо перевести их материальное положение в возможное соответствие с чрезвычайной современной дороговизной и тем освободить их от материального гнета, стесняющего их служебную деятельность» [8, с. 116–118].

Решения съезда практически сразу же попытались провести в жизнь. Например, было принято решение о создании организации податных инспекторов в Ярославской губернии. В уставе Ярославского Союза отмечалось, что «Податная инспекция организуется в своей служебной деятельности на соответствующих новому государственному строю началах самоуправления, в целях улучшения постановки податного дела и защиты своих интересов. Аппаратом самоуправления податных инспекторов, объединяющими ее служебную деятельность, учреждались – Податной совет и Податной комитет. Указанные учреждения имели право непосредственного отношения с организацией Всероссийского Союза Податных инспек-

торов, центральными учреждениями Министерства Финансов, всеми губернскими учреждениями и различными организациями, причем копии препровождает к Управляющему казенной палаты».

Высшей организацией самоуправления признавался податной съезд, на котором должны были разбираться и разъясняться в подробностях требования различных законоположений и инструкций, касающихся податного дела, «в целях правильного и единообразного их применения, а также разрешения недоумений и сомнений». Он же должен был определять порядок и способы исполнений, возложенных на податных инспекторов обязанностей, проводить обсуждение докладов по различным отраслям их деятельности, проектов мероприятий и циркуляров управляющего казенной палаты по общему направлению деятельности податной инспекции; давать оценку служебной деятельности отдельных членов податной инспекции и т. д. Кроме этого, особо отмечалось, что ведению съезда подлежат вопросы о назначении, перемещении и увольнении членов податной инспекции, эти заключения должны были передаваться управляющему казенной палаты, который информировал бы министра финансов [2. Л. 1–4].

Устав был передан для утверждения юридическому совещанию при Министерстве финансов, которое постановило, что «Проекты являются совершенно неприемлемыми как в виду полнейшего смещения понятий, положенных в их основу, так и ввиду явного противоречия их положений действительной постановки об организации органов административного управления вообще и податного надзора в частности» [2. Л. 19].

На совещании было отмечено, что податная инспекция есть орган исполнительной государственной власти и ее призвание «всецело определяется запросами центральной администрации и ее воззрениями на наиболее эффективный способ постановки податного надзора». Вместе с тем лица, составляющие податную инспекцию, являлись назначенными прямыми должностными лицами – чиновниками, осуществляющими в своей деятельности не свои самостоятельные интересы, а на интересы государства, причем лица эти объединяются между собой случайным признаком – назначением от правительства, и исполняют одни функции государственного властвования. «При таком служебном, не самостоятельном характере податной инспекции, применение к этой инстанции и ее деятельности начал самоуправления представляется совершенно невозможным» [2. Л. 19].

«Представляется не правильная попытка построить осуществление чужих интересов на началах самоуправления, т. к. эти начала могут иметь применение лишь там, где данное совещание имеет ясно сознаваемые самостоятельные интересы» [2. Л. 20]. Особо

юридическое совещание выделяло пункт, в котором говорилось о том, что в случае «не достижения согласия с управляющим казенной палатой, податные комитеты могут откладывать вопрос до ближайших податных съездов, где мотивируют постановления Министерства финансов». Совещанием подчеркивалось, что «эти пункты стоят в коренном противоречии с общепризнанными началами устройства административных органов власти и порядка их деятельности, признаваемыми действующим нашим законодательством. Вся ответственность за правильность и незамедлительность разрешения дел, подлежащих ведению тех или других установлений и должностных лиц, всецело возложено на их начальство (управляющего казенной палатой)» [2. Л. 21].

Однако этот спор так и остался незаконченным. Большевики, придя к власти в Октябре 1917 г., сохранили инспекцию и часть кадров, пожелавших работать в изменившихся условиях. Лишь в 1919 г. Департамент окладных сборов был преобразован в Главное налоговое управление Наркомфина РСФСР, а податную инспекцию переименовали соответственно в налоговую.

Список литературы

1. Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ). Ф. 6996. Оп. 1. Д. 531.
2. ГАРФ. Ф. 6996. Оп. 1. Д. 532.
3. Ефимкин А.П., Харламов В.А. Нижегородские мытари: 1885–1921. – Н. Новгород, 2000. – Т. 1.
4. Захаров В.Н., Петров Ю.А., Шацилло М.К. История налогов в России. IX – начало XX в. – М., 2006.
5. Истории налоговой политики России: конец XIX, XX и начало XXI столетия / отв. ред. И.В. Караваев. – М., 2008.
6. К пересмотру штатов податной инспекции // Спутник чиновника. – 1914. – № 4. – С. 12–16.
7. Основные задачи податного и оценочного дела (руководство для податных инспекторов, земских и городских управ по разным вопросам податного и оценочного дела) / сост. П.Г. Гавриков. – Киев, 1912.
8. Первый всероссийский съезд податных инспекторов и их помощников. – М., 7–17 авг. 1917 г. – М., 1918.
9. Полное собрание законов Российской империи. – Т. 5. – СПб., 1887.
10. Сапилов Е.В. Государственные доходы, расходы, налоги в дореволюционной России. – М., 2001.
11. Толкушкин А.В. История налогов в России. – М., 2001.
12. Тропов И.А. Революция и провинция: Местная власть в России (февраль–октябрь 1917 г.). – СПб., 2011.
13. Честухин А.А. Практические приемы и указания по деятельности податного инспектора. – Харьков, 1911.

М.В. Кротова

Ситуация на КВЖД после советско-китайского конфликта 1929 г.

В статье на основе неопубликованных ранее архивных источников рассматривается состояние КВЖД после советско-китайского конфликта 1929 г. Основное внимание уделяется кадровой политике новой советской администрации, размежеванию советской и эмигрантской колонии в Маньчжурии, сближению русских эмигрантов и местных китайских властей.

This article, based on unpublished archival documents, examines the situation on the Chinese Eastern Railway (CER) after Sino-Soviet Conflict in 1929. The main focus is on the personnel policy of new Soviet management, demarcation of Soviet and emigrant colonies in Manchuria, rapprochement of Russian emigrants and local Chinese authorities.

Ключевые слова: советско-китайский конфликт 1929 г., советская администрация КВЖД, кадровая политика, российская эмиграция, Маньчжурия.

Key words: Sino-Soviet Conflict in 1929, the Chinese Eastern Railway (CER), CER Soviet management, personnel policy, Russian emigration, Manchuria.

Советско-китайский конфликт на КВЖД 1929 г. стал серьезным испытанием для СССР и Китая и имел далекоидущие последствия. Задача настоящей статьи на основе неопубликованных архивных источников проанализировать состояние КВЖД после конфликта, изменение кадровой политики новой советской администрации, размежевание советской и эмигрантской колоний в Маньчжурии, сближение русских эмигрантов и местных китайских властей в указанный период.

Советско-китайский конфликт затянулся на шесть месяцев и закончился подписанием Хабаровского протокола 22 декабря 1929 г., по которому на КВЖД было восстановлено статус-кво. В п. 3. Хабаровского протокола указывалось, что всем рабочим и служащим КВЖД, гражданам СССР, уволенным или уволившимся со службы на КВЖД, начиная с 10 июля 1929 г., предоставить право и возможность немедленно вернуться на занимавшиеся ими до увольнения должности и получить причитающиеся им от дороги деньги. В п. 4. говорилось о разоружении русских белогвардейских отрядов и высылке из пределов ТВП (трех восточных провинций) их организаторов и вдохновителей [16, с. 88]. За этими пунктами стояли события конфликта, которые стали поворотной точкой в изменении политики СССР на КВЖД.

Дело в том, что с началом конфликта в июле 1929 г. профсоюзная организация КВЖД призвала уволиться всех советских служащих с тем, чтобы дезорганизовать работу дороги. Но оказалось, что только 35–40 % (около 4 тыс. чел.) советских граждан, работавших на КВЖД, продемонстрировали лояльность советской власти, уволившись во время конфликта, остальные 6–7 тыс. чел. остались глухи к агитации профсоюзных активистов и продолжали работать. Большинство уволившихся служащих за отказ выходить на работу были обвинены в «саботаже» и попытках «подорвать правильное движение дороги», арестованы и заключены в тюрьмы или концлагерь в Сумбее, пригороде Харбина [см. об этом 4]. Таким образом, все советские служащие и рабочие КВЖД разделились на «сумбейцев» и «конфликтчиков», т. е. тех, кто уволился, и тех, кто остался работать во время конфликта. Впоследствии в личных делах и характеристиках обязательным стало указание на то, что делал служащий во время конфликта, чем определялась степень его лояльности советской администрации КВЖД.

Поведение советских служащих КВЖД во время советско-китайского конфликта показало неоднородность советской колонии и выявило большинство «редисок» среди советских граждан – «красных» снаружи, «белых» внутри. Многие из них пошли на разрыв с советской администрацией, поспешили отречься от советского гражданства, подтвердить лояльность китайским властям и перейти в эмигрантский лагерь. После конфликта новая советская администрация была вынуждена провести «чистки» среди служащих КВЖД и отказаться от использования старых работников – «спецов» в пользу «проверенных кадров» из Советского Союза. Советская часть Управления дороги и правления КВЖД, партийная, профсоюзная и комсомольская верхушки были полностью обновлены. Большинство служащих – «командированных из СССР», работавших на КВЖД до конфликта, не вернулись на дорогу или были депортированы в СССР под видом командировки.

Новым управляющим КВЖД 17 декабря 1929 г. был назначен Ю.В. Рудый, член коллегии НКПС (Народного комиссариата путей сообщения). Первым делом были возвращены на дорогу все уволенные и уволившиеся во время конфликта советские граждане (т.н. «сумбейцы»). Они были восстановлены в прежних должностях, им было выплачено жалование за шесть месяцев, возвращены казенные квартиры. Все эмигранты, принятые на службу во время конфликта, были уволены согласно хабаровскому соглашению 22 декабря 1929 г.

Об обстановке в Харбине после конфликта Н.В. Устрялов сообщал своему другу Г.Н. Дикому в письме от 19 января 1930 г.: «Общее положение здесь – исключительно сумбурное, до какой-

либо стабилизации еще очень далеко. <...> Позиция советской администрации в вопросе “оставшихся”: точка зрения верхов, по-видимому, такова: никакой ломки аппарата, сейчас умеренность и терпимость, но затем неуклонная и реальная советизация личного состава. (Рьяные профсоюзники и проливавшие кровь сумбейцы – недовольны). В советских школах идет третий день повальная чистка неуволившихся, не взирая на лица» [5. Л. 4–5].

Вместе с эмигрантами – китайскими поданными, принятыми на работу во время конфликта, были уволены также и граждане СССР, оставшиеся работать. Как писала харбинская пресса, с дороги увольнялись «редиски», провалившиеся на «конфликтном экзамене» [11. Л. 47]. Многие из железнодорожников решили «сыграть на опережение» и уволиться по болезни.

Один из служащих КВЖД, советский гражданин Д.В. Федоров, оставшийся работать на КВЖД во время конфликта, написал письмо И.В. Сталину 28 декабря 1930 г. с жалобой на то, что после конфликта тех, кто остался на дороге, считали врагами и увольняли со службы, а некоторым по знакомству советовали «добровольно уволиться по болезни (хотя он не больной) для того, чтобы получить причитающиеся ему деньги (пенсию, заштатные, взносы, проценты и т. д.)» [8. Л. 28 об.]. Таким образом, большинство советских граждан, работавших на КВЖД во время конфликта, были уволены в течение 1930–1931 гг. по «сокращению штатов», «за минованием надобности», за «внеподданство» (тех, кому отказали в принятии советского гражданства) или смогли сами уволиться по болезни. Согласно справке о наличном составе служащих КВЖД, за 1930 г. было уволено по Управлению КВЖД – 462 чел., по линии – 5 453 чел. [13. Л. 27].

Так как уволенные советские служащие имели большой стаж работы, их пособия и выплаты по пенсионной кассе составляли значительные деньги, которых у дороги не было. На август 1931 г. задолженность КВЖД перед уволенными составляла более 7 млн р., из них по заштатным пособиям – 2 930 363 р. [14. Л. 175 об.]. Администрация КВЖД оказалась в трудной ситуации. Ю.В. Рудый в письме в правление КВЖД 2 декабря 1931 г. в связи с «неопределенной ситуацией с доходами» предлагал разбить суммы выплат уволенным на восемь частей, выплачивая их по два раза в год в течение четырех лет [14. Л. 175]. На 1 мая 1932 г. задолженность по платежам уволенным составляла уже 7 719 тыс. р. (в связи с сокращением штатов), в то время, как наличные средства дороги составляли 9 074 тыс. золотом р., к тому же в этот период наблюдалось значительное понижение доходов от КВЖД [12. Л. 150–151]. Большинство пособий так и не было выплачено, уволенные служащие долго и

безуспешно судились сначала с КВЖД, потом с правительством Маньчжоу-Ди-Го, не желавшим признавать эти долги.

Дорога после сокращения штатов лишилась большинства ценных специалистов. Многие из них ушли в частный бизнес или перешли на службу в китайские или японские учреждения. Некоторые из специалистов после увольнения перебрались в другие города Китая или в Европу – например, Н.С. Лопухин, П.Ф. Козловский, Г.Н. Дикий – во Францию, А. Скерст – в Германию, Н.С. Зефирин и В.В. Ламанский – в Шанхай. «Чистка» кадров на КВЖД новой администрацией привела к тому, что надежды на сотрудничество власти и интеллигенции, которые питали «сменовеховцы», рухнули. По словам Г.Н. Дикого, вынужденного отказаться от советского гражданства в 1929 г. и перебравшегося в Европу, «пришел конец всяким и всем иллюзиям для людей минувшей эпохи» [5. Л. 37]. В переписке с Н.В. Устряловым в 1930–1931 гг. он анализировал советскую политику в Маньчжурии и размышлял о возможностях «другого пути». В письме из Брюсселя в Харбин от 28 ноября 1930 г. он писал о судьбе «спецов», как части интеллигенции, которая, «хотя бы и с сомнениями в душе (вроде наших), но все же искренно помогала советской власти в ее практических и хозяйственных задачах (идеалисты по преимуществу)»: «Место интеллигенции заняли фантазеры и подхалимы» [5. Л. 43].

На место уволенных старослужащих Москва прислала новые кадры, часто неквалифицированные. Это было новое поколение партийных функционеров, пришедшее на смену прежним руководителям и уволенным «спецам». Харбинская японская газета «Харбин Цусин» писала 18 марта 1930 г. о том, что на КВЖД принимают совграждан, бывших военных [11. Л. 32]. В донесении агента уголовного розыска китайской железнодорожной полиции Д. Шевченко за 1930 г. сообщалось, что «почти с каждым пассажирским поездом едут из СССР не специалисты – железнодорожники (на места уволенных), а, по полученным сведениям, чины транспортного отдела ГПУ, прошедшие учебные классы железнодорожных войск армии СССР». Далее он замечал, что хороших, опытных служащих, главным образом, по службам движения, тяги, коммерческой части, телеграфа уволили, оставив на службе коммунистическую молодежь и вредителей. Все это он связывал с планом «военизации КВЖД». Шевченко в этом донесении сообщал, что вновь прибывшие из СССР лица почему-то не старше 24–28 лет» [2. Л. 41].

Действительно, судя по личным делам работников КВЖД, командированные из Москвы, определенные на должности старших агентов (с окладами свыше 2 400 р. в год), были очень молоды и не обладали достаточным образованием и опытом работы. Многие из вновь прибывших через некоторое время были уволены. Так, после

1 января 1930 г. из СССР прибыло 152 чел., которые заняли руководящие посты. Из них к 1 декабря 1934 г. осталось только 31 чел., 121 чел. вернулись в СССР [15. Л. 56]. Новые начальники не успевали даже войти в курс дела, как их отзывали в Москву. За 1931–1934 гг. на КВЖД сменилось три помощника Управляющего КВЖД, пять начальников службы общих дел, четыре помощника начальника службы тяги, четыре начальника службы эксплуатации, четыре помощника начальника службы пути, два начальника коммерческой службы, пять заведующих экономическим бюро, три начальника службы телеграфа, четыре начальника счетно-финансовой службы, шесть начальников учебного отдела, семь начальников службы сборов, семь помощников главного контролера, три начальника хозяйственно-материальной службы, пять заведующих пенсионным отделом, шесть начальников 4-го отдела Департамента народного просвещения, шесть помощников главного врача КВЖД, три помощника начальника юридического отдела [15. Л. 56].

Кадровый вопрос постоянно поднимался советскими руководителями КВЖД. Так, на совещании 10–11 марта 1931 г. начальник 10 участка службы пути И.П. Карнеев сетовал: «Мы бессильны при подборе сотрудников: при освобождении штатных вакансий просят поставить одного работника, работу которого знаешь, а нам присылают другого» [10. Л. 145]. Просьбы предоставить возможность начальникам участков на местах производить подбор нужных работников, были неоднократны, тем более что квалификация работников на дороге оставляла желать лучшего. Инженер для особых поручений А.И. Иванов указывал на наличие в послужных списках рабочих и служащих до сотни взысканий, из чего делал вывод, что «благополучие и нормальная работа дороги не являются обеспеченными» и «что порча паровозов, остановка поездов на перегонах, лопнувшие рельсы – все это есть результат низкой квалификации агентов дороги» [10. Л. 147–148].

Положение на КВЖД после конфликта было непростым. Помимо практически полной замены руководящих кадров, новая администрация оказалась в сложной финансовой ситуации. Во время конфликта КВЖД понесла огромные убытки. На 1 октября 1930 г. общая сумма «расходов дороги в связи с перерывом дипломатических отношений между СССР и Китаем» составила более 11 млн р. [9. Л. 1]. Сюда вошли стоимость перевозок китайских войск, убытки от потери материалов и инвентаря, содержание концлагерей, особых отрядов китайской полиции, убытки дороги по перевозкам, уплата служащим за внеурочные работы и т. п. К тому же в связи с экономическим кризисом, падением курса местного доллара, сокращением экспортной торговли доходы КВЖД резко упали. С 1930 г. начался режим строгой экономии средств КВЖД. Были сни-

жены зарплаты служащим, особенно высокооплачиваемым (на 30 % в 1931 г.), ликвидированы некоторые службы, значительно сокращены льготы и пособия, изменен порядок отвода квартир, прекращено строительство новых школ, клубов и т. д.

Оставшихся на дороге советских граждан предупреждали, что они находятся «на боевом посту». На КВЖД провозглашалась партийная линия по укреплению трудовой дисциплины и борьбе с «расхлябанностью». С целью уменьшения расходов и «очистки от чуждого элемента» на КВЖД было решено сократить штаты. Так, если после конфликта на 1 января 1930 г. на службе КВЖД состояло 25 473 чел. (8 277 советских граждан, 13 656 китайцев и 3 540 русских китайских подданных), то уже через год 1 января 1931 г. на дороге работало 19 107 чел., включая временных и поденных служащих [13. Л. 1]. Перед новым аппаратом КВЖД партия поставила следующие задачи: восстановление доходности дороги, сокращение до минимума всех расходов, извлечение максимальных валютных выгод для СССР, создание благоприятных условий для советских товаров в Китае, установление нормального взаимодействия с китайскими служащими дороги [7. Л. 140].

Конфликт привел к сближению эмигрантов и местных китайских властей ОРВП (Особого района Восточных провинций), которые теперь рассматривали русскую эмиграцию и вопрос о «белых» в Маньчжурии как средство давления на СССР. На предложения советских дипломатов об изгнании «белых шаек» с территории Маньчжурии на советскую территорию, о ликвидации «базы» этих отрядов в лице различных эмигрантских организаций, существовавших в Харбине и на линии, об удалении русских из китайской полиции, китайские власти неизменно указывали на вмешательство советских представителей в дела ОРВП. Одним из доводов китайцев по вопросу отказа от увольнения русских эмигрантов из китайских учреждений в 1930 г. был следующий: «Вы увольняете тех граждан, которые нелояльно вели себя во время конфликта, почему же мы должны увольнять и разгонять тех, которые могут приносить нам пользу?» [2. Л. 12]. Консул СССР в Цицикаре А. Буров после бесед с Ван Фулином (генерал-губернатором провинции) в 1930 г. вынес впечатление из его намеков, что китайцы будут использовать белых для «нажима через них на нас, на КВЖД». Один из влиятельных китайских сановников так и заявил консулу конфиденциально: «Пока КВЖД в ваших руках, до тех пор мы используем белых, как и вы используете корейцев против японцев» [2. Л. 15, 24]. Таким образом, все усилия советских дипломатов по борьбе с «белыми» в сложившейся политической обстановке разбивались о китайскую позицию нейтралитета, а фактически использования эмигрантов в качестве противовеса советскому влиянию в Маньчжурии.

Неоднократные ноты генерального консула СССР в Харбине Б.Н. Мельникова в 1930 г. от 5 и 16 сентября, 3 октября дипломатическому комиссару МИД Китая по Гиринской провинции Чжун Юю о «белогвардейских организациях», увольнении всех «белых» на китайской службе и т. п. не имели должного воздействия. Б.Н. Мельников писал Л.М. Карахану 28 октября 1930 г.: «Все мероприятия, которые китайские власти якобы приняли в отношении белых, сугубо формальны и бумажны. По-прежнему белые организации существуют, по-прежнему белые отряды нападают, только газеты немного сбавили тон» [3, с. 597]. Еще резче высказался консул СССР на ст. Пограничная Д.Е. Егоров в письме Л.М. Карахану от 10 мая 1932 г.: «Наши протесты против бандитских действий определенных лиц местным властям реальных результатов не достигают. Внешне власти как будто что-то делают, суетятся, кого-то увольняют, производят обыски, но толку от всего этого почти никакого. Уволят белогвардейца Петрова, посадят Иванова и все идет по-старому. Принимать меры к обузданию белых у местных властей нет даже морального права (белые были их советниками во время конфликта, являются таковыми и теперь, с той лишь разницей: во время конфликта – "воинспецы", теперь – специалисты по искоренению большевизма)» [1. Л. 31].

Китайские власти демонстративно держали сторону эмигрантов в самых различных случаях и отказывались реагировать на «сигналы» со стороны советских дипломатов. Также бесполезны были протесты советских консулов по поводу поддержки китайскими властями перебежчиков из СССР. Консул СССР в Сахаляне Корнеев сообщал в донесении в НКВД 9 сентября 1930 г.: «В Хэйхеском округе (в приграничных районах) усиленным путем проводится работа по переотправке (нелегальной) лиц из СССР в Китай. В течение двух месяцев перешли нелегально госграницу более 60 чел. В большинстве случаев китайская береговая охрана оказывает безавшим содействие, даже укрывая последних. В г. Сахаляне китайские власти в лице даоиня беспрепятственно выдают визы на въезд в Харбин, даже при том случае, если я протестую, указывая на факты безавших растратчиков» [1. Л. 49–50].

Советская политика на КВЖД и в Маньчжурии после конфликта кардинально изменилась. Общая линия ревизии и укрепления государственного аппарата внутри СССР в конце 1920-х гг. стала основной и для новой администрации КВЖД. Поведение советских граждан во время конфликта, демонстрация нелояльности СССР стали причинами «чистки» на КВЖД, увольнения старых специалистов и замены их «проверенными» кадрами. Однако это привело к усилению эмигрантской колонии и сближению ее с местной китайской администрацией. Советско-китайскими противоречиями вос-

пользовалась Япония, которая вскоре оккупировала Маньчжурию, и в конечном итоге КВЖД оказалась потерянной и для СССР, и для Китая.

Список литературы

1. Архив внешней политики Российской Федерации (АВП РФ). Ф. 08. Оп. 13. П. 104. Д. 101.
2. АВП РФ. Ф. 0100. Оп. 12. П. 18. Д. 5.
3. Документы внешней политики СССР. Т. 13. – М., 1967.
4. Кротова М.В. Из истории конфликта на КВЖД: китайский концентрационный лагерь для советских граждан // Новый ист. вестн. – 2013. – № 35. – С. 33–47.
5. Российский государственный архив литературы и искусства (РГАЛИ). Ф. 2871. Оп. 3. Д. 531.
6. РГАЛИ. Ф. 2871. Оп. 3. Д. 534.
7. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 613. Оп. 3. Д. 50.
8. РГАСПИ. Ф. 613. Оп. 3. Д. 51.
9. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 323. Оп. 4. Д. 434.
10. РГИА. Ф. 323. Оп. 4. Д. 485.
11. РГИА. Ф. 323. Оп. 5. Д. 1030.
12. РГИА. Ф. 323. Оп. 5. Д. 1042.
13. РГИА. Ф. 323. Оп. 5. Д. 1254.
14. РГИА. Ф. 323. Оп. 6. Д. 537.
15. РГИА. Ф. 323. Оп. 11. Д. 445.
16. Советско-китайский конфликт 1929 г.: сб. док. – М., 1930.

ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ

УДК 930(470.56)

Г.А. Калдузова, И.А. Тропов

Историческая наука на страницах сетевого издания «Вестник Оренбургского государственного педагогического университета. Электронный научный журнал»

Анализируется содержание статей по исторической тематике, опубликованных в современном электронном научном журнале «Вестник Оренбургского государственного педагогического университета». Показаны основные направления исторических статей. Дана оценка вклада разных авторов в развитие журнала.

This research is about the contents of articles of the historical subject published in the modern electronic scientific magazine "Vestnik of Orenburg state pedagogical university. Science e-journal". The main directions of the published articles are shown. The assessment of a contribution of different authors in the magazine development is given.

Ключевые слова: историография, региональная историческая наука, Оренбургский государственный педагогический университет.

Key words: historiography, regional historical science, Orenburg State Pedagogical University.

Учрежденный в 2012 г. электронный научный журнал «Вестник Оренбургского государственного педагогического университета» поставил своей целью наладить эффективную научную коммуникацию в исследовательской среде, предоставляя свои страницы как известным, зарекомендовавшим себя в исторической науке учёным, так и начинающим исследователям – аспирантам, соискателям учёных степеней, студентам. Главный критерий – это научность, помноженная на стремление к новому, оригинальность мышления. Оренбургский педагогический университет всегда исходил из постулата: «система научных изданий – это материальная форма существования науки».

В своем историографическом анализе мы будем опираться на методологические принципы, сформулированные заместителем председателя редакционного совета рассматриваемого издания, профессором С.В. Любичанковским [16].

Анализ публикаций исторической направленности, представленных в вышедших номерах электронного журнала, показывает широту научных интересов авторов.

История дореволюционной России представлена материалами И.А. Филипповой, Е.В. Годовой, Т.Э. Лактюнкиной, Д.А. Сафонова и др. Каждая из работ достойна отдельного рассмотрения.

В статье И.А. Филипповой и Е.В. Годовой [38] дан сравнительный анализ биографии представителей «служилого» казачества, братьев Агаповых. Авторы, прослеживая судьбу казаков, основное внимание уделяют особенностям их мировосприятия, становлению смыслового содержания жизни, которое заключалось в служении Отечеству, государю, что встраивалось в чёткую систему духовно-нравственных координат, независимо от того, какая служба была выбрана – воинская или гражданская.

Е.В. Годовой в соавторстве с профессором С.В. Любичанковским, автором целого ряда материалов в журнале «Вестник ОГПУ» [14; 15; 17; 18], опубликована большая статья, анализирующая международную конференцию (Оренбург, октябрь 2012 г.) [19]. Соавторы являлись сопредседателями ее оргкомитета и поделились с читателями как опытом организации крупных научных форумов в провинции, так и своими идеями по поводу содержания прошедшей дискуссии, касающейся истории регионального управления России.

Д.А. Сафонов темой своего исследования выбрал проблему функционирования Губернского жандармского управления: его кадровое обеспечение, направления и методы работы [33; 34]. Автор сумел в динамике проследить и сам процесс государственных мероприятий по реформированию структуры политической полиции, кадрового обеспечения указанной структуры, и его особенности, продиктованные конкретными условиями Оренбургского региона.

Т.Э. Лактюнкина в статье «Влияние государственной политики на развитие мелкотоварного производства в России во второй половине XIX – начале XX века» [11] проводит параллели дня сегодняшнего с историей России пореформенной и позднеимперской, считая, что опыт прошлого с его многоукладной экономикой полезен и имеет практическое значение.

Конфессиональная история также представлена на страницах рецензируемого журнала. Аспирант Житомирского государственного университета им. Ивана Франко А.А. Сычевский опубликовал работу по истории единоверия на территории Волынской епархии в первой четверти XX в. [37]. Исследуя эволюцию единоверия как отдела старообрядчества, автор предпринял попытку комплексного

историко-религиоведческого анализа положения единоверческих общин на территории Волынской епархии в 1904–1922 гг.

История – это прежде всего жизнь людей, конкретные судьбы которых прослежены в целом ряде статей. Так, К.С. Мацелюк знакомит читателей с личностью и научными интересами волынского педагога, филолога, историка и библиографа П.Н. Абрамовича (1881–1945), с вкладом учёного в исследование волынских инкунабул [26]. Подчёркнута неоспоримая ценность библиографических находок и уточнений, сделанных П.Н. Абрамовича для истории книги.

В исследовании Л.Ф. Абубакировой речь идет о выдающихся лингвистах, в разные годы в течение 37 лет возглавлявших Оренбургскую диалектологическую и лингвогеографическую науку. Это Н.И. Зорин (1879–1972), В.И. Лыткин (1895–1981), Н.А. Мещерский (1906–1987), В.Г. Руделёв (р. 1922) [1]. Автор считает, что именно благодаря исследованиям перечисленных учёных была определена особая природа русских диалектов Оренбуржья.

Т.Н. Савинова осветила в своём исследовании участие великого князя Николая Константиновича в работе Оренбургского отдела Императорского географического общества и его вклад в исследование предлагаемого отделом маршрута строительства Среднеазиатской железной дороги во время его пребывания в Оренбурге в 1877–1878 гг. [31].

Р.Р. Магомедов в своей статье о П.Б. Струве [22] показал, насколько объективно противники большевизма анализировали социально-экономические и общественно-политические процессы, начатые В.И. Лениным и его соратниками в многомиллионной крестьянской России в первые годы советской власти.

В.С. Панченко проанализировала кадровый состав мировых судов Волынской губернии в 1871–1919 гг., уделив особое внимание профессиональной, образовательной, социальной и имущественной характеристике мировых судей. На основе анализа архивных данных автор приходит к выводу о некоторых отличиях мировой юстиции Правобережной Украины в сравнении с общероссийской [28].

Авторы представленных работ не могли не соприкоснуться с такой проблемой, как «история повседневности». Е.В. Банникова уже многие годы занимается данной проблематикой. В своей статье [2] автор пытается определить, что является главным, а что – второстепенным в анализе столь универсальной категории, как «повседневность». Ею определены и проанализированы следующие феномены, влияющие на повседневное существование: 1) природные или естественные; 2) социальные; 3) ментальные.

Приводя мнение разных авторов о сути повседневности [9; 10], Е.В. Банникова предупреждает об опасности упрощенного подхода и приводит собственное видение алгоритма изысканий в данной области.

Советский период истории представлен в исследованиях авторов, выбравших для публикаций Оренбургский «Вестник...», наиболее разнопланово. Так, Р.Р. Магомедов в одной из своих статей [20] на основе многочисленных архивных материалов показал, что продовольственная политика Советского государства в годы Гражданской войны носила антикрестьянский характер, выражаясь в насильственной реквизиции продовольствия и в репрессиях. Автор утверждает, что продразвёрстка фактически подорвала продовольственную безопасность Южного Урала и стала одной из причин страшного голода в крае в начале 1920-х гг.

В статье Р.А. Султанова [36] рассмотрено развитие советского пенсионного обеспечения и его реализация на Южном Урале в 1920-е гг. На основе архивных документов показываются достижения и трудности, связанные с социальным страхованием и пенсионным снабжением населения Южного Урала в указанный период.

Е.А. Сикорский на страницах журнала поместил объёмную работу, в которой на широкой базе впервые вводимых в научный оборот архивных и других материалов в границах Смоленской губернии раскрывает динамику и специфику эволюции отношения трудовых масс к большевикам в период Гражданской войны [35]. Особое внимание автор уделяет факторам, которые отталкивали народ от новой власти.

В работе Л.В. Павловой раскрыты региональные особенности процесса ликвидации неграмотности в 20–30-е гг. XX в.: учёт многонационального состава местного населения, выборочная социальная направленность в обучении грамоте, большой отсев учащихся из ликпунктов [27]. Проанализировав и обобщив итоги ликвидации неграмотности в Оренбурге в указанный период, автор приходит к выводу о том, что число неграмотных увеличивалось естественным путём за счёт переростков, сельского населения, национальных меньшинств, которые своевременно не овладели грамотой.

Р.Р. Хисамутдинова обратилась к проблеме освещения коллаборационизма в СССР в годы Великой Отечественной войны в современной российской историографии и зарубежной литературе [41]. Автор рассматривает 38 работ, касающихся коллаборационизма. Предпринятый ею анализ, с нашей точки зрения, необходим для формирования адекватной национальной

идентичности, основой которой является память о Великой Отечественной войне.

Профессор Р.Р. Хисамутдинова продолжает исследовать историю советской деревни, обращаясь к теме повинностей крестьян, которые, по её мнению, в 1940–1950-х гг. были объёмными и разноплановыми, но самое главное – становились непосильными для них [40]. Автором подчёркнуто, что усиление налогового бремени вместе с трудовыми повинностями вызывало недовольство и социальный протест со стороны крестьянства.

В следующей работе Р.Р. Хисамутдинова, обращаясь к хрущёвскому периоду истории страны, рассматривает цели и задачи, которые ставило государство при проведении укрупнения колхозов. Реализация данной политики на Урале представлена как массовая кампания, показаны ошибки и просчёты, допущенные центральными и местными органами власти при укрупнении колхозов; итоги проведения данной работы в уральском регионе и её результаты [39].

Е.В. Максименко предпринял историографический анализ проблемы развития индивидуального и коллективного огородничества и подсобных хозяйств на Южном Урале в годы Великой Отечественной войны [23]. Показано, что данная проблема слабо рассмотрена не только в общероссийской, но и в региональной историографии. Автором намечены основные направления изучения данного вопроса.

С.Х. Самигуллина обстоятельно исследовала процесс развития машиностроения в Оренбургском регионе в 1959 г. [32]. На примере нескольких машиностроительных предприятий автор отметила положительные и отрицательные стороны развития данной отрасли промышленности.

Пути решения жилищного вопроса на Южном Урале в 1953–1964 гг. проследила Е.А. Леонтьева [12]. Рассмотрев динамику роста жилого фонда, проанализировав сопутствующие проблемы, возникавшие в процессе жилищного строительства, автор приходит к выводу о том, что проблема обеспечения жильём местного населения в 50–60-е гг. XX в., несмотря на усилия государства, оставалась одной из самых острых.

В другой своей статье Е.А. Леонтьева исследует состояние школьного образования на Южном Урале в 1953–1964 гг. [13]. В работе рассматривается реализация школьной реформы 1958 г.: функционирование школ, увеличение контингента учащихся, создание школ-интернатов, групп продлённого дня.

Е.В. Пахомова своей задачей определила рассмотреть особенности гастрольной деятельности театральных коллективов на целине во второй половине 1950-х – начале 1960-х гг. [29]. В

научный оборот введены новые исторические источники, такие, например, как мемуары артистов местных и центральных театров. Автор убеждена, что решение вопросов организации свободного времени и культурно-массового обслуживания населения целинного региона являлись важнейшими составляющими социокультурного развития освоения территорий в Оренбуржье.

М.С. Запольских, рассмотрев историю проведения смотров художественной самодеятельности в Чкаловской (Оренбургской) области в 1946–1960-е гг., пришла к выводу о том, что, несмотря на тяготы послевоенного времени, проводимые в области сельские, районные, городские смотры художественной самодеятельности представляли собой подлинные праздники самодеятельного искусства тружеников как города, так и села [6].

Новейший период истории как в целом России, так и Оренбургской области, представлен в исследованиях А.Г. Ивановой, Р.Р. Магомедова, С.Р. Дерябиной и И.М. Бояршиновой.

А.Г. Иванова весьма обстоятельно подошла к рассмотрению процесса первоначального оформления партийной системы в России после распада СССР [7]. По ее мнению, в 90-х гг. впервые в нашей стране на практике было реализовано положение о демократическом принципе формирования высшего органа представительной власти России. Значительное влияние на состав органов представительной власти Южного Урала оказывала социально-экономическая специфика регионов (аграрное Оренбуржье, промышленная Челябинская область, национальная Республика Башкортостан). Всё это существенно повлияло на перегруппировку политических сил, способствовало первоначальному оформлению партийной системы.

В статье Р.Р. Магомедова рассматривается изменение геополитического положения Оренбургской области в начале 90-х гг. прошлого века как следствие распада Советского Союза и образования на постсоветском пространстве новых национальных государств. Автор считает, что регион, оказавшись в новой геополитической ситуации, постепенно входил в систему новых мирохозяйственных связей. Однако политическая и социально-экономическая обстановка в стране и сопредельных государствах значительно замедлила этот процесс [21].

С.Р. Дерябина утверждает, что решение вопросов этнонационального развития после распада СССР являлось условием существования новой России как единого государства. Этнический фактор прямо и непосредственно воздействовал на внутреннюю и внешнюю политику государства. Этнонациональные элиты стремились закрепить полученные преференции. Вопрос о языке как сильнейшем консолидирующем факторе в условиях

обострившихся этнических проблем был на повестке дня как федеральных, так и республиканских законодателей [5].

И.М. Бояршинова раскрывает процесс организационного оформления молодёжных общественных организаций в Республике Башкортостан, Оренбургской и Челябинской областях [4]. Автор анализирует место и роль молодёжных общественных организаций в процессе становления гражданского общества в переломный момент истории России и делает вывод о том, что в условиях кризиса традиционных систем социализации (семья, образование, армия) всё большее значение приобретает деятельность молодёжных организаций и объединений для поступательного развития общества и воспитания граждан.

В рамках Оренбургской археологической научной школы выполнена работа И.В. Матюшко [25]. Она обращается к анализу письменных и археологических источников о кочевом населении южноуральского региона. Исследователь считает, что сообщения таких авторов, как Ибн-Фадлан, Плано Карпини имеют большое значение для осмысления археологического материала степей оренбургского региона.

В работе кандидата физико-математических наук И.В. Игнатушиной речь идет об истории математики, а именно – исследованиях Леонарда Эйлера (1707–1783). Представленный материал является иллюстрацией процесса формирования дифференциальной геометрии в XVIII в. [8].

Таким образом, можно констатировать стремление авторов осветить в своих исследованиях на основе многофакторного подхода ключевые этапы становления и развития как России в целом, так и её регионов. В связи с этим вспоминаются слова крупного мыслителя эпохи Просвещения лорда Болинброка, который, определяя предназначение исторической науки, подчёркивал, что она призвана способствовать «...преодолению провинциальной ограниченности народа ... в то же время история должна пробуждать чувство патриотизма и привязанности к своей стране, поскольку раскрывает всю меру её своеобразия, "непохожести" на другие страны» [3, с. 42].

Список литературы

1. Абубакирова Л.Ф. Исследование и исследователи оренбургских русских говоров 30-х – начала 70-х годов XX века // Вестн. Оренбургского гос. пед. ун-та: электрон. науч. журн. – 2012. – № 2(2). – С. 27–41.
2. Банникова Е.В. Условия повседневности: факторы, определяющие жизнь // Вестн. Оренбургского гос. пед. ун-та: электрон. науч. журн. – 2013. – № 3(7). – С. 53–58.
3. Болинброк Г. Письма об изучении и пользе истории. – М., 1978.

4. Бояршинова И.М. Молодёжные объединения Южного Урала в 1990–2000 гг. // Вестн. Оренбургского гос. пед. ун-та: электрон. науч. журн. – 2012. – № 3(3). – С. 42–46.
5. Дерябина С.Р. Этноязыковая политика России в период актуализации этничности (90-е годы XX века) // Вестн. Оренбургского гос. пед. ун-та: электрон. науч. журн. – 2013. – № 4(8). – С. 50–56.
6. Запольских М.С. Смотры художественной самодеятельности Чкаловской области (1946–1950 гг.) // Вестн. Оренбургского гос. пед. ун-та: электрон. науч. журн. – 2012. – № 1(1). – С. 1–4.
7. Иванова А.Г. Первоначальное оформление партийной системы в рамках становления институтов власти в 90-е годы XX века (на примере Южного Урала) // Вестн. Оренбургского гос. пед. ун-та: электрон. науч. журн. – 2013. – № 2(6). – С. 75–83.
8. Игнатушина И.В. Применение математического анализа к геометрии в исследованиях Л. Эйлера: вопрос об изгибании и развёртывании поверхностей // Вестн. Оренбургского гос. пед. ун-та: электрон. науч. журн. – 2012. – № 1(1). – С. 6–20.
9. Кондрашов П.Н. Марксистская теория повседневности: попытка предварительной экспликации // Философия и об-во. – 2006. – № 3. – С. 98–115.
10. Любичанковский С.В., Любичанковский В.А. «Условия повседневности» как базовый элемент исторического анализа повседневной жизни // Вестник Оренбургского государственного университета. – 2002. – № 7(143). – С. 154–157.
11. Лактюнкина Т.Э. Влияние государственной политики на развитие мелкотоварного производства России во второй половине XIX – начале XX века // Вестн. Оренбургского гос. пед. ун-та: электрон. науч. журн. – 2013. – № 4. – С. 57–62.
12. Леонтьева Е.А. Решение жилищной проблемы на Южном Урале в 1953–1964 гг. // Вестн. Оренбургского гос. пед. ун-та: электрон. науч. журн. – 2012. – № 4(4). – С. 34–42.
13. Леонтьева Е.А. Состояние школьного образования на Южном Урале // Вестн. Оренбургского гос. пед. ун-та: электрон. науч. журн. – 2013. – № 3(7). – С. 59–65.
14. Любичанковский С.В. Анализ недостатков губернаторской власти начала 20 века в воспоминаниях современников // Вестн. Оренбургского гос. пед. ун-та. – 2002. – № 2. – С. 115–145.
15. Любичанковский С.В. Анализ недостатков губернаторской власти Российской империи в отечественной научной литературе начала XX века // Вестник Оренбургского государственного педагогического университета. – 2002. – № 1. – С. 63–77.
16. Любичанковский С.В. Методологические регулятивы историографического анализа // Вестн. Оренбургского гос. ун-та. – 2004. – № 4. – С. 10–14.
17. Любичанковский С.В. Нарастание внутреннего кризиса власти в местном управлении в последнее десятилетие существования Российской империи (на материалах Оренбургской губернии) // Вестн. Оренбургского гос. пед. ун-та. – 2001. – № 5. – С. 125–140.
18. Любичанковский С.В. Недостатки губернаторской власти в начале XX века глазами чиновников Южного Урала // Вестн. Оренбургского гос. пед. ун-та. – 2002. – № 1. – С. 43–62.

19. Любичанковский С.В., Годовова Е.В. Региональное управление и проблема эффективности власти в России (XVIII – начало XXI века): обзор международной дискуссии // Вестн. Оренбургского гос. пед. ун-та: электрон. науч. журн. – 2012. – № 4. – С. 124–132.
20. Магомедов Р.Р. Военный коммунизм на Южном Урале. Политические и экономические последствия продразвёрстки // Вестн. Оренбургского гос. пед. ун-та: электрон. науч. журн. – 2013. – № 3(7). – С. 67–76.
21. Магомедов Р.Р. Геополитическое положение Оренбургской области в 90-е годы XX века // Вестн. Оренбургского гос. пед. ун-та: электрон. науч. журн. – 2013. – № 4(8). – С. 69–73.
22. Магомедов Р.Р. П.Б. Струве о характере и итогах промышленной политики большевиков в первые годы советской власти // Вестн. Оренбургского гос. пед. ун-та: электрон. науч. журн. – 2013. – № 4. – С. 75–79.
23. Максименко Е.В. Историография проблемы развития индивидуального и коллективного огородничества и подсобных хозяйств на Южном Урале в годы Великой Отечественной войны и послевоенный период // Вестн. Оренбургского гос. пед. ун-та: электрон. науч. журн. – 2013. – № 1(5). – С. 83–86.
24. Маслова О.П. Огненные ритуалы населения срубной культуры по материалам памятников Оренбуржья // Вестн. Оренбургского гос. пед. ун-та: электрон. науч. журн. – 2013. – № 3(7). – С. 73–77.
25. Матюшко И.В. Динамика этнокультурных и миграционных процессов в степях Приуралья в IX–XIV вв. // Вестн. Оренбургского гос. пед. ун-та: электрон. науч. журн. – 2012. – № 2(2). – С. 22–26.
26. Мацелюк К.С. П. Абрамович как исследователь волынских инкунабул // Вестн. Оренбургского гос. пед. ун-та: электрон. науч. журн. – 2013. – № 4. – С. 80–90.
27. Павлова Л.В. Особенности и итоги ликвидации неграмотности в Оренбуржье в 20–30-е годы XX в. // Вестн. Оренбургского гос. пед. ун-та: электрон. науч. журн. – 2013. – № 2(6). – С. 99–109.
28. Панченко В.С. Мировой судья в российской империи: профессиональные и личностные характеристики (на примере Волынской губернии) // Вестн. Оренбургского гос. пед. ун-та: электрон. науч. журн. – 2013. – № 2(6). – С. 110–119.
29. Пахомова Е.В. Гастрольная деятельность театральных коллективов на целинных землях Оренбуржья в период их массового освоения // Вестн. Оренбургского гос. пед. ун-та: электрон. науч. журн. – 2013. – № 2(6). – С. 120–124.
30. Рыжова Е.В. Защита прав матери и ребёнка в брачно-семейном законодательстве 1960–1990 гг. в отечественной историографии // Вестн. Оренбургского гос. пед. ун-та: электрон. науч. журн. – 2012. – № 1(1). – С. 21–26.
31. Савинова Т.Н. Участие великого князя Николая Константиновича в оренбургском проекте создания Среднеазиатской железной дороги (1877–1878 гг.) // Вестн. Оренбургского гос. пед. ун-та: электрон. науч. журн. – 2012. – № 2(2). – С. 125–130.
32. Самигуллина С.Х. Развитие машиностроения Оренбургского совнархоза в 1959 году // Вестн. Оренбургского гос. пед. ун-та: электрон. науч. журн. – 2013. – № 1(1). – С. 27–30.

33. Сафонов Д.А. Губернское жандармское управление: проблема кадрового обеспечения // Вестн. Оренбургского гос. пед. ун-та: электрон. науч. журн. – 2013. – № 3(7). – С. 78–86.
34. Сафонов Д.А. Жандармское управление в провинциальной губернии: реальные направления и методы работы // Вестн. Оренбургского гос. пед. ун-та: электрон. науч. журн. – 2013. – № 3(7). – С. 87–91.
35. Сикорский Е.А. К вопросу о завоевании большевиками доверия широких масс после победы Октября. 1917–1920 гг. (по материалам Смоленской губернии) // Вестн. Оренбургского гос. пед. ун-та: электрон. науч. журн. – 2012. – № 1(1). – С. 31–59.
36. Султанов Р.А. Политика Советского государства в области пенсионного обеспечения в 1920-е годы (на материалах Южного Урала) // Вестн. Оренбургского гос. пед. ун-та: электрон. науч. журн. – 2013. – № 1(5). – С. 87–90.
37. Сычевский А.А. Становление и распространение единоверия в Волынской епархии (1904–1922) // Вестн. Оренбургского гос. пед. ун-та: электрон. науч. журн. – 2013. – № 4. – С. 91–104.
38. Филиппова И.А., Годовова Е.В. Оренбургские казаки Агаповы на службе государю и Отечеству // Вестн. Оренбургского гос. пед. ун-та: электрон. науч. журн. – 2013. – № 3(7). – С. 95–100.
39. Хисамутдинова Р.Р. Реализация идей Н.С. Хрущёва об укреплении колхозов в 1950–1953 гг. (на материалах Урала) // Вестн. Оренбургского гос. пед. ун-та: электрон. науч. журн. – 2013. – № 3(7). – С. 101–115.
40. Хисамутдинова Р.Р. Государственные трудовые повинности советского крестьянства в 40-е – начало 50-х годов XX века (на материалах Урала) // Вестн. Оренбургского гос. пед. ун-та: электрон. науч. журн. – 2013. – № 2(6). – С. 131–144.
41. Хисамутдинова Р.Р. Проблема коллаборационизма в СССР в годы Великой Отечественной войны в современной российской историографии и зарубежной литературе // Вестн. Оренбургского гос. пед. ун-та: электрон. науч. журн. – 2013. – № 3(7). – С. 117–125.
42. Хисамутдинова Р.Р., Исманова Д.К. Ленинградский академический Малый оперный театр в годы эвакуации на Чкаловской (Оренбургской) земле // Вестн. Оренбургского гос. пед. ун-та: электрон. науч. журн. – 2013. – № 4(8). – С. 105–122.

Lyubichankovskiy Sergey, “Formation and Development of Informal Associations of the Ural’s Provincial Officials at the End of the 19th Century and the Beginning of the 20th Century”, New York, The Edwin Mellen Press, 2014. ISBN 978-0-7734-4282-5

Профессор С.В. Любичанковский является известным в России и за ее пределами специалистом в сфере истории российской имперской государственности, автором целого ряда широко цитируемых в историографии работ, среди которых несколько монографий [2; 6], нашумевших коллективных трудов под его редакцией [9; 12], и серия статей в российской [3; 4; 5; 8] и зарубежной научной печати [7; 14; 15; 16].

В 2014 г. вышла в свет его новая монография – насколько нам известно, это первый научный труд ученого, изданный им на английском языке [13]. Если быть точным, то формат исследования определен автором (совместно с известным нью-йоркским издательством научной литературы Edwin Mellen Press) как т. н. *short monography*, т. е. речь идет о достаточно сжатом изложении хода и результатов исследования в расчете главным образом на знакомство англоязычной аудитории с итоговыми выводами неанглоязычного исследователя. Тем не менее, несмотря даже на такие «жанровые» ограничения, вышедшая тиражом 500 экземпляров книга объемом в 10 п.л. является серьезным вкладом автора в историографию проблемы развития российской государственности в предреволюционную эпоху. В монографии рассматриваются особенности процесса складывания неформального объединения губернского чиновничества на рубеже XIX–XX вв.

Любая монография в области истории как научное исследование предусматривает решение по отношению к избранной теме ряда основных задач: проверка и уточнение уже введенных в научный оборот данных, выявление новых фактов; их объяснение и толкование в рамках определенной концепции, создаваемой или развиваемой исследователем. Это предполагает выдвижение собственной точки зрения на исследуемую проблему или наличие новой аргументации для защиты, уточнения или опровержения уже существующих взглядов. Наконец, труд ученого должен иметь практическую ценность, что в сфере гуманитарных наук не всегда является достаточно очевидной реальностью. Исходя из этого, мы и будем анализировать работу С.В. Любичанковского.

В структурном отношении монография разделена на три главы, построенных по проблемному принципу и разбитых каждая на два параграфа.

С точки зрения содержания написанная С.В. Любичанковским монография представляет собой фундаментальный научный труд, для которого характерна новизна как фактического материала, так и предложенной теоретической интерпретации обработанного большого конкретно-исторического материала. Обозначенную выше тему – самоорганизация в провинциальной чиновничьей среде – автор поместил в контекст глобальной проблемы кризиса власти поздней имперской России. К решению этой проблемы автор применил новаторский подход – через выяснение качества функционирования губернской администрации и качества борьбы с должностными преступлениями на местном уровне. Нельзя не согласиться с автором в том, что эта тема актуальна как в научно-познавательном, так и в общественно-политическом плане, с учетом стремления добиться адекватного понимания причин постигшего Российскую империю краха и недопущения подобной ситуации в будущем.

Прежде всего отметим четкое обоснование объекта и предмета исследования, а также хронологических рамок работы. Уже здесь заметно стремление автора отделить долгосрочные тенденции развития государственного механизма от вызванных Первой мировой войной. Также несомненна актуальность темы. Автор безусловно прав, обращая внимание на то, что в последние годы усиленно формируется миф общественного сознания о той едва ли не идеально-образцовой «России, которую мы потеряли» [см. об этом: 1; 10; 11]. Отсюда исследования, относящиеся к истории России конца XIX – начала XX в., должны или аргументировать этот тезис абсолютными фактами, или показать, что факты, приводимые в обоснование его, являются в лучшем случае предполагаемыми или просто ложными.

В помещенном во введении историографическом очерке, на наш взгляд, автор умело вычленяет то новое, что внесли его предшественники, и одновременно конкретно-критически подходит к работам, вызывающим у него несогласие. При этом здесь проявляются три сильнейших качества исследователя: повышенное внимание к терминологии, стремление к систематизации фактов, нетерпимость к мифологизации прошлого. Касаясь источниковой базы монографии, отметим тщательную работу автора с фондами центральных и местных российских архивов, среди которых – Российский государственный исторический архив, Государственный архив Российской Федерации, областные и республиканские архивы Кирова, Перми, Уфы и Оренбурга. Привлеченные источники весьма

разнообразны. Это материалы официального делопроизводства, финансовая документация, перлюстрация, источники личного происхождения и т. д. При этом многие материалы впервые вводятся в научный оборот. К тому же, в ряде случаев использована и новейшая методика изучения документов. Так, в частности, изучены по единой методике «Журналы губернских правлений» с использованием программы Excel для их обсчета. Об объеме работы говорит то, исследованию подверглось около 9 тыс. судебных и административных журналов общих присутствий Вятского, Оренбургского, Пермского и Уфимского губернских правлений.

Автор является первым, кто взялся теоретически определить широко используемое в обыденной речи словосочетание «кризис власти», дабы придать ему однозначность и привести отдельные эмпирически выявленные показатели данного кризиса к единому знаменателю. Использование для этой цели инструментов структурно-функциональной парадигмы представляется вполне целесообразным. Наглядным подтверждением этой мысли являются те новые результаты, которые получены в исследовании.

В первую очередь речь идет об установлении в деятельности губернских администраций внутреннего кризиса, четкой локализации его перехода в глубокую фазу в 1904–1907 гг. Термин «внутренний (системный) кризис аппарата государственного управления», предложенный С.В. Любичанковским для обозначения ситуации нарушения равновесия в целевом компоненте государственного учреждения, на наш взгляд, является корректным и действительно позволяет отделить кризис данного типа от других кризисов, так или иначе связанных с деятельностью государственной власти – социального («кризис верхов» в марксистской терминологии), политического (острая форма борьбы за обладание рычагами власти) и др. Фиксация новой и при том весьма важной составляющей развития позднеимперской российской государственности составляет «соль» исследования С.В. Любичанковского и его крупное научное достижение. Он первым подверг комплексному научному рассмотрению систему «административной гарантии» на Урале в конце XIX – начале XX в.

Автор показывает серьезные проблемы в кадровом составе региональных властей Урала. На основании разысканных им материалов он приходит к выводу, что материальное положение подавляющего большинства служащих губернских администраций региона в указанный период значительно ухудшилось, ибо необходимые совокупные расходы выросли за исследованный им период в три раза, а жалованье росло значительно медленнее. В результате

треть чиновничества оказалась, по оценке автора, в экстремальных условиях, и это стало серьезным препятствием для подбора квалифицированных кадров.

Оценивая деятельность губернской администрации Урала, исследователь стремится в полной мере соблюсти объективный подход, используя документы разнообразного происхождения: материалы сенатских ревизий и перлюстрации, мемуары современников. В результате все они указывают на одну общую тенденцию: почти полное отсутствие контроля над деятельностью подчиненных, «поразительно снисходительное отношение к нарушителям служебного долга», массовое взяточничество полицейских, «загнивание» местного аппарата и тому подобные явления. В этой связи следует отметить аргументированность доводов исследователя в полемике с известным историком Б.Н. Мироновым. С. В. Любичанковский не просто приводит факты, опровергающие тезис Б.Н. Миронова о том, что якобы в начале XX в. «русские чиновники постепенно приближались к идеальному типу чиновника», а создает методологическую основу работы со статистическими данными о служебных преступлениях. Он выделяет девять факторов, которые существенно влияют на интерпретацию статистических данных о служебных преступлениях и подчеркивает, что Б.Н. Миронов учитывает лишь некоторые из них.

Исследование С.В. Любичанковского демонстрирует наличие устойчивого неформального объединения высшего чиновничества губернских администраций Урала и руководства полиции. Результатом этого «сотрудничества» были многочисленные эпизоды коррупционной деятельности, чаще всего полиция являлась своеобразным «инструментом воздействия» на торгово-промышленные круги, принудительного сбора пожертвований и просто «мзды» с населения. В случае выдвижения обвинений против полицейских чинов, губернская администрация как могла их защищала и по возможности добивалась смягчения наказания. Чрезвычайно распространенными были случаи личной дружбы и взаимовыгодного «сотрудничества» губернатора и полицмейстера.

В результате проведенного исследования было установлено множество новых конкретных параметров функционирования губернских администраций Урала (величина прожиточного минимума губернского чиновника, объем должностных преступлений в империи и в регионе, и их динамика, и т. д.), а также сделан ряд аналитических выводов о качестве деятельности губернской администрации в целом.

На наш взгляд, проведенное С.В. Любичанковским исследование, воплощенное в рецензируемой монографии, способно инициировать и делает необходимым проведение историками работы по выявлению фактора внутреннего кризиса в другие периоды развития России; иными словами, открывает возможности для развития нового направления в изучении истории российской государственности.

Список литературы

1. Вереме́нко В.А. На перекрестке повседневности и общественного сознания (о нематериальных факторах социальных движений XIX–XX вв.) // Повседневная жизнь и общественное сознание в России XIX–XX вв.: материалы междунар. науч. конф. 14–16 марта 2012 г. / под общ. ред. В.Н. Скворцова; отв. ред. В.А. Вереме́нко. – СПб.: ЛГУ им. А.С. Пушкина, 2012. – С. 17–22.
2. Любичанковский С.В. Губернская администрация и проблема кризиса власти в позднеимперской России (на материалах Урала, 1892–1914 гг.). – Самара-Оренбург, 2007.
3. Любичанковский С.В. Губернские администрации Российской империи в оценке сенаторских ревизий начала XX в. // Клио: журн. для ученых. – 2005. – № 3. – С. 125–131.
4. Любичанковский С.В. Законодательное обеспечение деятельности российских губернаторов в 1892–1913 гг. // Вестн. Оренбургского гос. пед. ун-та. – 2004. – № 12. – С. 16–21.
5. Любичанковский С.В. Империя Романовых и проблема управления культурно-гетерогенным пространством // Уральский ист. вестн. – 2013. – № 3 (40). – С. 59–68.
6. Любичанковский С.В. Ремонтируемая вертикаль: губернская реформа в планах правительства Николая II. – Оренбург, 2009.
7. Любичанковский С.В. Становление и развитие неформального объединения уральского губернского чиновничества в конце XIX – начале XX вв. // Acta Slavica Japonica. International and Interdisciplinary Journal of the Study of Russia, Eastern Europe, the Caucasus, and Central Asia. Published on behalf of the Slavic Research Center, Hokkaido University. Tomus 28. – Sapporo, 2010. – P. 23–49.
8. Любичанковский С.В. Уральское губернское чиновничество в годы правления Николая II // Ист. вестн. – Т. 3(150). – М., 2013. – С. 154–189.
9. Местное управление в пореформенной России: механизмы власти и их эффективность: сводн. материалы заоч. дискуссии / под ред. А.Е. Загребина, С.В. Любичанковского. – Екатеринбург-Ижевск, 2010.
10. Тропов И.А. Проблемы функционирования губернаторской власти в России конца XIX – начала XX в. в современной отечественной историографии // Российская история XIX–XX веков: Государство и общество. События и люди: сб. ст. – СПб., 2013. – С. 194–209.
11. Тропов И.А. Революция и провинция: Местная власть в России (февраль–октябрь 1917 г.). – СПб., 2011.
12. Региональное управление и проблема эффективности власти в России (XVIII – начало XXI в.): сб. ст. всерос. науч. конф. (Оренбург, 30 окт. – 2 нояб. 2012 г.) / под ред. С.В. Любичанковского, Е.В. Годовой. – Оренбург, 2012.

13. Lyubichankovskiy S. Formation and Development of Informal Associations of the Ural's Provincial Officials at the End of the 19th Century and the Beginning of the 20th Century. – New York, 2014.

14. Lyubichankovskiy S. Local Administration in the Reform Era and After: Mechanisms of Authority and their Efficacy in Russia // *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History*. – 2012. – Vol.13, № 4 (Fall 2012). – P. 861–875.

15. Lyubichankovskiy S. Regional System of Administrative Justice of the Russian Empire Evaluated in Early 20th Century Senatorial Inspections // *International Academic Conference Proceedings Istanbul 2013 Humanities and Social Sciences*. June 16-19, 2013. – Istanbul, 2013. – P. 51–53.

16. Lyubichankovskiy S. The Project of Creating a New Scientific and Educational Website on History of the Orenburg region as a Task of Modern Russian Historical Studies // *Humanity, Culture and Society*. Selected, peer reviewed papers from the 2012 International Conference on Humanity, Culture and Society (ICHCS), December 29–30, 2012, Hong Kong. Volume 58. Edited by Chen Dan. – Hong Kong, 2012. – P. 67–70.

Kimitaka Matsuzato

Lyubichankovskiy Sergey, «Formation and Development of Informal Associations of the Ural's Provincial Officials at the End of the 19th Century and the Beginning of the 20th Century». New York, The Edwin Mellen Press, 2014. ISBN 978-0-7734-4282-5

Russian officialdom has attracted historians' attention since effective functioning of bureaucracy has vital importance for any political regime. We may enjoy excellent monographs which analyzed the Russian officialdom, in particular, its sociological background [2; 3]. However, the previous studies paid attention to the Russian officialdom only as an instrument of tsarist rule. The analyzed brochure [1] is quite unique since it explores the Russian officialdom, perhaps for the first time in historiography, as an independent actor.

The author, Sergei Lyubichankovskiy, demonstrates that the salaries which the officers were granted in the late tsarist regime did not cover the rising cost of their living, which induced them to look for illegal and legal ways of solution of the predicaments they faced. On the one hand, corruption of officers hypertrophied; Lyubichankovskiy mobilizes many cases in which the provincial boards (*gubernskie pravleniia*) intervened in law suites against corrupted officers to defend them (the illegal solution). On the other hand, the officers tried to organize themselves in trade unions (the legal solution), but this way was incompatible with autocratic rule. Based on reports submitted by senators of their inspections, the author argues that the difficulties that the officialdom in the Ural region faced were the universal phenomenon for the whole Russian Empire.

The author emphasizes the anti-bureaucracy mood of the population as an important factor of the First Russian Revolution in 1905. This factor might explain various popular protests during the World War I and the February and even October Revolutions. Historians in the past underscored too much the class component of the revolution (land and labor). Presently, ethnic factors seem to have replaced the class factors to explain the revolutions in 1905 and 1917. Yet anti-bureaucrat campaign was and continues to be a most convenient instrument for political struggle even in developed democratic countries.

Based on abundant references to central and local archival sources, this brochure proposes to revisit the history of the late imperial Russia.

Bibliography

1. Lyubichankovskiy S. Formation and Development of Informal Associations of the Ural's Provincial Officials at the End of the 19th Century and the Beginning of the 20th Century. – New York:, 2014.
2. Robbins R.G., jr. The Tsar's Viceroys. Russian Provincial Governors in the Last Years of the Empire. – Ithaca and London, 1987.
3. Zaionchikovskii P.A. Pravitel'stvennyj apparat samoderzhavnoj Rossii v XIX veke. – M., 1978.

Сведения об авторах

Алантьева Елизавета Викторовна – преподаватель, Оренбургский государственный колледж; аспирант, Оренбургский государственный педагогический университет; e-mail: maksimliza@yandex.ru

Алексеев Сергей Александрович – старший преподаватель кафедры истории и философии, Череповецкий государственный университет; e-mail: alekseevanv35@mail.ru

Веремченко Валентина Александровна – доктор исторических наук, доцент, зав. кафедрой истории, Ленинградский государственный университет им. А.С. Пушкина; e-mail: itropov@yandex.ru

Вородюхин Станислав Евгеньевич – аспирант, Юго-Западный государственный университет; e-mail: vorodyuhin-stani@mail.ru

Газиева Людмила Леонидовна – кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры истории Отечества, Первый Санкт-Петербургский медицинский университет им. ак. И.П. Павлова; e-mail: llghist@yandex.ru

Гасанов Эльнур Лятиф оглы – PhD докторант (аспирант), Гянджинское отделение Национальной академии наук Азербайджана, член-корреспондент Международной академии теоретических и прикладных наук; e-mail: el-hasanov@mail.ru

Гогуев Борис Басиятович – кандидат исторических наук, доцент, старший преподаватель кафедры философии и социальной работы, Карачаево-Черкесский государственный университет им. У.Д. Алиева; e-mail: cnot@kchgu.ru

Годовова Елена Викторовна – кандидат исторических наук, доцент, заместитель директора по научной работе, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации» (Оренбургский филиал); докторант кафедры Российской истории, Самарский государственный университет; e-mail: godovova@mail.ru

Голик Андрей Александрович – аспирант кафедры истории, Ленинградский государственный университет им. А.С. Пушкина; e-mail: golandr@inbox.ru

Деревнина Елизавета Алексеевна – аспирант кафедры русской истории, Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена; e-mail: lizaveta88@inbox.ru

Дубинин Виктор Олегович – кандидат исторических наук, доцент кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин, Омский автобронетанковый инженерный институт; e-mail: kafedrais-torii.zavkabinetom@yandex.ru

Ефимов Андрей Александрович – аспирант кафедры исторического регионоведения, Санкт-Петербургский государственный университет; e-mail: efimov_a_a@list.ru

Звонкова Галина Леонидовна – кандидат исторических наук, научный сотрудник, Центр исследований научно-технического потенциала и истории науки (ЦИПИН) им. Г.М. Доброва НАН Украины, e-mail: zvonkova@ukr.net

Кабирова Айслу Шарипзяновна – доктор исторических наук, доцент, старший научный сотрудник, Институт истории им. Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан (ИИ АН РТ); e-mail: itropov@yandex.ru

Кимитаки Мацузато (*Kimitaka Matsuzato*) – Doctor of Law, Professor of the Tokyo University (Japan), Vice President of the Executive Committee of the International Council for Central and East European Studies (ICCEES); e-mail: kim@j.u-tokyo.ac.jp

Коробкова Светлана Николаевна – кандидат философских наук, доцент, Санкт-Петербургский государственный университет аэрокосмического приборостроения (ГУАП); докторант философского факультета кафедры истории русской философии, Санкт-Петербургский государственный университет; e-mail: korobkova@hf-guap.ru

Калдузова Галина Александровна – зав. научно-диссертационным отделом научной библиотеки, Оренбургский государственный педагогический университет; e-mail: sermob@yandex.ru

Кравцова Елена Сергеевна – доктор исторических наук, профессор кафедры истории государства и права, Юго-Западный государственный университет; e-mail: elenakravcova@yandex.ru

Кротова Мария Владимировна – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и политологии, Санкт-Петербургский государственный экономический университет (СПбГЭУ); e-mail: mary_krot@mail.ru

Мажитова Жанна Сабитбековна – кандидат исторических наук, доцент, университет «Астана», (Астана, Республика Казахстан); докторант кафедры истории стран ближнего зарубежья, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова; e-mail: mazhitova_69@mail.ru

Мусаева Улькера Кязимовна – кандидат исторических наук, доцент, заведующая кафедрой истории, РВУЗ «Крымский инженерно-педагогический университет», г. Симферополь. e-mail: ulkercrimea@gmail.com

Лидер Наталья Владимировна – кандидат исторических наук, доцент кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин, Омский автобронетанковый инженерный институт; e-mail: n-v-lider@rambler.ru

Никуленкова Елена Владимировна – кандидат исторических наук, доцент, Ленинградский государственный университет им. А.С. Пушкина; e-mail: elena_na2004@mail.ru

Полунин Евгений Сергеевич – аспирант кафедры истории средних веков и зарубежных славянских народов, Воронежский государственный университет; e-mail: evgpol1989@rambler.ru

Похилюк Анатолий Викторович – доктор исторических наук, профессор, Ленинградский государственный университет им. А.С. Пушкина; e-mail: itropov@yandex.ru

Салищев Михаил Александрович – аспирант кафедры истории, Ленинградский государственный университет им. А.С. Пушкина; e-mail: mas1988@mail.ru

Свердлов Михаил Борисович – доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник, Санкт-Петербургский институт истории РАН; e-mail: sverdlovmb@mail.ru

Скворцов Вячеслав Николаевич – доктор экономических наук, профессор, ректор, Ленинградский государственный университет им. А.С. Пушкина; e-mail: pushkin@lengu.ru

Тропов Игорь Анатольевич – доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры истории, Ленинградский государственный университет им. А.С. Пушкина; e-mail: itropov@yandex.ru

Хисамутдинова Равиля Рахимьяновна – доктор исторических наук, профессор, зав. кафедрой всеобщей истории и методики преподавания истории и обществознания, Оренбургский государственный педагогический университет; e-mail: hisamutdinova@inbox.ru

Чальцева Татьяна Александровна – заочный аспирант кафедры истории государства и права, Юго-Западный государственный университет ЮЗГУ (г. Курск); ассистент кафедры философии, Курский государственный медицинский университет (КГМУ); e-mail: t.a.c.2002@yandex.ru

Чермошенцев Дмитрий Владимирович, преподаватель кафедры тактики, Омский автобронетанковый инженерный институт; e-mail: kafedraistorii.zavkabinetom@yandex.ru

Требования к научным статьям

К публикации в Вестнике Ленинградского государственного университета имени А. С. Пушкина принимаются статьи, отражающие широкий спектр актуальных вопросов исторических наук.

Обязательным условием публикации результатов научных работ для кандидатских исследований является наличие отзыва научного руководителя, несущего ответственность за качество представленного научного материала и достоверность результатов исследования. Публикации результатов докторских исследований принимаются без рецензий.

Рецензирование всех присланных материалов осуществляется в установленном редакцией порядке. Редакция журнала оставляет за собой право отбора статей для публикации.

Требования к оформлению материалов

Материал должен быть представлен тремя файлами:

1. Статья

Объем статьи не менее 18 и не более 26 тыс. знаков с пробелами. Поля по 2,0 см; красная строка – 1,0 см. Шрифт Times New Roman Cyr, для основного текста размер шрифта – 14 кегль, межстрочный интервал – 1,5 пт.; для литературы и примечаний – 12 кегль, межстрочный интервал – 1,0 пт.

Примечания оформляются в виде постраничных сносок в автоматическом режиме Word.

Ссылки на литературу оформляются в тексте в квадратных скобках. Например: [5, с. 56–57]. Список литературы (по алфавиту) помещается после текста статьи.

Фамилия автора печатается в правом верхнем углу страницы над названием статьи.

В левом верхнем углу страницы над названием статьи печатается присвоенный статье УДК.

2. Автореферат

Автореферат содержит:

- название статьи и ФИО автора – на русском и английском языках.
- аннотацию статьи на русском и английском языках объемом 300–350 знаков с пробелами.
- ключевые слова и словосочетания (7–10 слов) на русском и английском языках.

3. Сведения об авторе

Содержат сведения об авторе: фамилия, имя, отчество полностью, место работы и занимаемая должность, ученая степень, звание, почтовый адрес, электронный адрес, контактный телефон.

В случае несоблюдения настоящих требований, редакционная коллегия вправе не рассматривать рукопись.

Статью, оформленную в соответствии с прилагаемыми требованиями, можно:

- выслать по почте в виде распечатанного текста с обязательным приложением электронного варианта по адресу: 196605 Санкт-Петербург, Петербургское шоссе, 10. Кафедра истории, каб. 207^а;

- отправить по электронной почте: E-mail: itropov@ya.ru

Статьи принимаются в течение года.

Редакция оставляет за собой право вносить редакционные (не меняющие смысла) изменения в авторский оригинал.

При передаче в журнал рукописи статьи для опубликования презюмируется передача автором права на размещение текста статьи на сайте журнала в системе Интернет.

Плата за опубликование рукописей аспирантов не взимается.

Гонорар за публикации не выплачивается.

Редакционная коллегия:

196605, Санкт-Петербург, г. Пушкин,

Петербургское шоссе, 10

тел. (812) 476-90-36

Научный журнал

**Вестник
Ленинградского государственного университета
имени А. С. Пушкина**

**№ 3
Том 4. История**

Редактор *Т. Г. Захарова*
Технический редактор *Н. П. Никитина*
Оригинал-макет *Н. П. Никитиной*

Подписано в печать 22.09.2014. Формат 60x84 1/16.
Бумага офсетная. Гарнитура Arial. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 15,75. Тираж 500 экз. Заказ № 1052

Ленинградский государственный университет имени А.С. Пушкина
196605, Санкт-Петербург, г. Пушкин, Петербургское шоссе, 10

РТП ЛГУ 197136, Санкт-Петербург, Чкаловский пр., 25а